

Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина

Материалы международного круглого стола,
состоявшегося 12 ноября 2009 года в РИСИ

Обращения к участникам круглого стола

Решетников Леонид Петрович, кандидат исторических наук, директор Российского института стратегических исследований.

Уважаемые коллеги!

Российский институт стратегических исследований рад приветствовать участников круглого стола «Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина». В ходе его подготовки нам не раз задавали вопрос: почему вдруг возникла необходимость обсуждать эту тему? Причём он звучал не столько со стороны историков, сколько со стороны журналистов. На это у меня имеется встречный вопрос: а почему вдруг накануне 65-летия Победы над фашизмом у нас в печати стали появляться публицистические статьи на эту тему? И даже книги. Например, увидела свет книга бывшего мэра Москвы Г. Х. Попова, были изданы проповеди отца Георгия Митрофанова, где генерал Власов преподносится не как предатель Родины, а как национальный герой. Почему появилось заявление Священного синода Русской православной церкви за рубежом с оправданием поступка Власова?

Всё это не случайно. Накануне 65-летия Победы кое-кто пытается умалить вклад нашей страны в победу над фашизмом, её роль в достижении Победы. Сначала за рубежом начались дискуссии по поводу пакта Риббентропа-Молотова. Сейчас, когда споры вроде бы поутихли, началась шумиха вокруг имени генерала Власова, хотя ни в одной стране Антигитлеровской коалиции не пересматривается отношение, например, к Квислингу, Тиссо, Петэну, Недичу — да и не счесть было в Европе своих «власовых». Тем не менее ни в одной другой стране, кроме нашей, этого не происходит.

Один из моих недавних собеседников, министр культуры Российской Федерации Александр Алексеевич Авдеев, когда узнал о теме круглого стола, сказал: «Стыдно, что в нашей стране пытаются героизировать коллаборациониста».

Вот потому-то наш институт при поддержке Комиссии при Президенте РФ по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России поставил эту тему на обсуждение. Мы думаем, что с приближением 9 Мая попытки реанимировать этот вопрос будут предприниматься неоднократно. Поэтому мы решили, по возможности, собрать самых авторитетных специалистов, прежде всего историков разных направлений, чтобы без эмоций, без митинговых страстей ещё раз обсудить этот вопрос, ещё раз расставить акценты, ещё раз посмотреть источники и архивные материалы. По итогам нашей встречи мы подготовим сборник выступлений, который в преддверии 65-летия Победы должен сыграть свою роль и представить обоснованную позицию российской исторической науки.

Сирош Игорь Иванович, кандидат юридических наук, помощник руководителя Администрации Президента РФ, заместитель председателя Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Уважаемые дамы и господа!

Уважаемые товарищи!

Ваш круглый стол собрался, чтобы обсудить одну из острых тем развития исторической науки на нынешнем этапе: феномен коллаборационизма и предательства во Второй мировой войне.

Острота этого вопроса обусловлена тем, что менее чем через 5 месяцев весь мир будет отмечать юбилейную дату — 65 лет Победы над гитлеровской Германией. В мае 1945 г. Красная армия и союзные англо-американские войска завершили разгром немецкого вермахта и окончательно освободили народы Европы от самого кровавого в истории человеческого цивилизации режима — германского фашизма.

Отмечать эту дату, вне всякого сомнения, будут во всех странах очень широко, но в последнее время в процессе подготовки к этому юбилею активизировались попытки некоторых историков и церковных деятелей убедить общественное мнение в том, что в ходе Второй мировой войны с гитлеровской Германией боролись не только силы антигитлеровской коалиции во главе с СССР, который в ходе боёв разгромил 80% германской армии, но и некая «третья сила». Кое-кто даже пытается вбросить в общественную дискуссию тезис о том, что наряду с Великой Отечественной войной шла якобы ещё и некая «другая война», которую, «как выясняется», и вела эта самая «третья сила», под которую как раз и пытаются подверстать предателей и коллаборационистов.

Не было, конечно, никакой «другой» войны. Была Великая Отечественная война, и победу в ней одержал наш народ. И никаких ни двух, ни трёх мнений по этому вопросу быть не может. Потому-то президент нашей страны Д. А. Медведев в своём выступлении 30 октября 2009 г. ещё раз призвал профессиональных историков уделять больше внимания борьбе с фальсификацией нашей истории и противодействовать попыткам пересмотра результатов Великой Отечественной войны.

Нисколько не сомневаюсь, что в такой, вне всякого сомнения, авторитетной аудитории, которая присутствует здесь, эти вопросы будут проанализированы объективно, глубоко и всесторонне.

Желаю успехов в вашей работе.

Письменное обращение председателя Общества потомков офицеров Императорской гвардии во Франции, князя **Трубецкого Александра Александровича**.

Русская эмиграция во Франции и в западных странах Европы в основном молча переживала вторжение врага в страну Отечества. Молча потому, что они жили в оккупированных странах. Были отдельные участники Сопrotивления, такие как священник о. Николай (Оболенский) и его замученная фашистами матушка. Были те, кто воевал там, где это было возможно, о чём свидетельствуют их памятники

и могилы на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Князь Амилахвари стал, например, героем битвы под Аламейном.

Белые офицеры в основном не поддержали генералов Краснова и Шкуро, даже если потом переживали за их горькую судьбу, как и за судьбу тех, кто выбрал неправильный путь, что часто происходило благодаря сильной немецкой пропаганде. Они заплатили за это дорогой ценой, достаточно вспомнить судьбу казаков в Лиенце, которых просто обманули, убедив, что они будут бороться за восстановление своих казачьих станиц в основном на Кубани, и заставили воевать в Югославии против коммунистов. Не нам их судить.

Но совсем иначе относились у нас к измене генерала Власова. В нашей среде говорили именно об измене, так как иначе нельзя назвать поступок человека, которому поручена армия, чтобы защищать Родину (при каком бы режиме она ни жила), а он перешёл на сторону врага. Причём человек этот, вероятно, давал присягу Советской армии, как и наши отцы давали присягу императорской, а затем Добровольческой армиям.

Именно в этом духе оценивался поступок генерала Власова в эмигрантской общине, в офицерских кружках, в РОВСе и др.

Расскажу о моём отце, офицере императорской гвардии и Добровольческой армии. В день вступления Германии на территорию России он вернулся с работы взволнованный, радостный и заявил: «Теперь я знаю, что Германия проиграет войну» (это подсказывал ему опыт офицера, воевавшего в Первую мировую, опыт русского солдата).

Во время оккупации Франции отец работал на железной дороге и имел контакты с немцами. Он знал немецкий язык. Однажды немецкий офицер предложил ему вступить в армию для «участия в возобновлении гражданской войны». Отец отклонил это предложение, ответив, что можно воевать за родину (как в Первую мировую, на которую он пошёл добровольцем, закончив ускоренные офицерские курсы, бросив Московский государственный университет, где он изучал право) или воевать за убеждения (как в Гражданскую), но недопустимо воевать на стороне страны, которая напала на Родину. Надо отдать должное справедливости немецкого офицера, который ответил, что на месте отца он, вероятно, ответил бы так же.

Надеюсь, что это свидетельство принесёт пользу при обсуждении темы предательства на вашей конференции и будет способствовать справедливой трактовке нашей истории.

Часть I

Анатомия коллаборационизма и предательства во Второй мировой войне: искажение исторической действительности

**Решетников Леонид Петрович, кандидат исторических наук,
директор Российского института стратегических исследований**

**Любовь к Родине оказалась сильнее классовой ненависти
(к вопросу о позиции белой эмиграции во время
Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.)**

За последние десятилетия среди российской общественности, в публицистике и, в определённой степени, в исторических исследованиях сложилось мнение, что подавляющее большинство белых эмигрантов после нападения фашистской Германии на Советский Союз оказались в стане Гитлера. Когда говорят о противниках такого выбора, то указывают лишь на отдельных «инакомыслящих» (А. Деникина, И. Бунина, С. Рахманинова и др.) да на некоторых участников движения Сопротивления во Франции. Данный подход сформировался благодаря многолетнему влиянию советской пропаганды, как правило, избегавшей серьёзного анализа такого явления, как эмиграция. После 1991 г. в пылу развенчания коммунистического прошлого нашей страны, возвращения незаслуженно забытых имён и событий большое внимание стало уделяться тем эмигрантам и организациям, которые последовательно вели активную борьбу со «сталинским режимом». А ведь именно из этой среды вышли те, кто в той или иной степени сотрудничал с фашистами в войне против СССР.

Вместе с тем ряд исследований российских и зарубежных авторов, анализ архивных документов и воспоминаний позволяют с уверенностью опровергнуть тезис о том, что русская белая эмиграция чуть ли не вся поддержала Гитлера.

Вопрос о выборе между СССР и Германией начал обсуждаться в эмигрантской среде с середины 1930-х гг., после прихода Гитлера к власти, когда стало крепнуть ощущение надвигающейся войны. Характерна в этом смысле дискуссия, возникшая в 1936 году на страницах русской зарубежной прессы между военным историком А. Кернсовским и генерал-майором М. Скородумовым. Говоря о проблеме участия белых офицеров в вооружённых конфликтах в различных странах, Кернсовский восклицал: «Когда наконец мы поймём, что иностранные националисты — будь то испанские белогвардейцы, французские «огненные кресты», немецкие наци и итальянские фашисты — такие же враги для нас, русских эмигрантов, и нашей Родины, как и преследуемые ими коммунисты?» На это генерал отвечал: «Пускай сперва подохнут

все большевики, а потом при первом же случае мы поговорим и всё припомним иностранцам...»

Надежды генерала Скородумова использовать (!) Германию для освобождения России от гнёта большевизма выглядели по меньшей мере наивно. Выдающийся русский философ И. А. Ильин в письме крупному русскому писателю И. С. Шмелёву 10 октября 1938 г. писал: «Я покинул страну моего прежнего пребывания [Германию. — *Прим. авт.*] совсем... Больше не вернусь. Там такой нажим на русских честных патриотов! Там терпят только предателей и своих агентов». Скородумов, находясь во власти идеи беспощадной борьбы с большевиками как врагами России, не смог или не захотел понять то, что понял И. Ильин. В результате в сентябре 1941 г. организатор только что созданного на оккупированной фашистами территории Югославии Русского охранного корпуса (РОК) генерал-майор Скородумов за «вольные речи» о возрождении национальной России был отстранён немцами от командования и арестован гестапо. После нескольких недель, проведённых в тюрьме, он до середины 1944 г. зарабатывал себе на пропитание сапожным ремеслом в Белграде. Только когда поражение Германии стало неизбежным, немцы отказались от своих претензий к генералу, и тот записался рядовым в Русский охранный корпус, чтобы разделить судьбу тех, кого он привёл под чужие знамёна. Ведь в 1941 г. определённая часть военной эмиграции, прежде всего в Югославии и Болгарии, разделяла иллюзии Скородумова.

Большинство эмигрантов все годы между двумя мировыми войнами жили с мыслью, что им ещё придётся с оружием в руках бороться с большевиками. Понимая, что самим с советской властью им не справиться, и помня, как англичане и французы предали Белое движение в годы Гражданской войны, эмиграция строила планы в расчёте на «возрождающуюся» после Версаля Германию. При этом, как вспоминал один из эмигрантов, «мало кто вдавался в «подробности» и пытался разобраться в сущности гитлеризма и его реальных устремлениях».

Предупреждения идейного вдохновителя Русского общевоинского союза (РОВС) И. Ильина из-за его бегства из Германии, запрета швейцарских властей

заниматься политической деятельностью и начала Второй мировой войны доходили эпизодически и далеко не до всех. Многие в РОВС даже не знали о том, что нацисты преследовали Ильина за «христианскую» точку зрения, отказ от участия в подготовке похода на Россию и антисемитских выступлениях, за решительный отказ поддержать идею независимости Украины» (из письма И. Шмелёву, 1938 г.).

Недооценка опасности немецкого фашизма в результате непонимания его глубинной сути, разочарование, утрата многолетних надежд на то, что западные демократии помогут белым в борьбе с большевизмом, подтолкнули на первых порах к сотрудничеству с гитлеровской Германией и таких русских патриотов, как жёсткий «имперец» И. Л. Солоневич. Он почти два года сотрудничал с пропагандистским аппаратом Геббельса и лишь в июле 1941 г., насмотревшись на фашизм в действии и убедившись, что Гитлер не только не собирается освобождать Россию от коммунизма, но готовит её фактическое уничтожение, заговорил о бессмысленности прямого участия русских эмигрантов в походе немцев на восток. В результате — одномесячная «профилактика в гестапо» и ссылка в деревню в Померании до конца войны.

В одной из своих статей 1945 г. И. Ильин восклицал: «Я никогда не мог понять, как русские люди могли сочувствовать национал-социалистам... Они враги России, презиравшие русских людей последним презрением... Коммунизм в России был для них только предлогом, чтобы оправдать перед другими народами и перед историей свою жажду завоевания. Германский империализм прикрывался антикоммунизмом... Боже мой! Чему тут можно сочувствовать? Как можно подобное одобрять или участвовать?»

Но часть эмиграции, хотя и меньшая, всё же сочувствовала. Ещё раз хотелось бы подчеркнуть, что нельзя забывать: это были изгнанники, горячо любившие свою Родину и ненавидевшие поработителей России — большевиков. Эта ненависть мешала разграничить интересы Отечества и интересы политического режима, понять, что в 1941 г. речь шла не о судьбе советской власти, а о судьбе России. Конечно, линия Сталина в предвоенные годы, сместившая акценты в пропаганде с советского, социалистического патриотизма на общерусский, была эмиграцией замечена и думающей её частью осмысливалась. Ещё в декабре 1939 г. в отчёте Дирекции полиции болгарского города Шумена указывалось, что в среде русских эмигрантов «всё более укрепляется убеждение, что СССР национализировался и его режим ощутимо двинулся вправо, перестав быть большевистским».

Нападение Германии на Советский Союз, призыв Сталина к защите Родины, а не только социализма, объявление начавшейся войны войной Отечественной способствовали тому, что, как отмечается в документах службы безопасности марионеточного профашистского режима в Сербии, «среди русских

усилились настроения в пользу Советов». А в отчёте руководства болгарской полиции подчёркивается, что «те из эмигрантов, кто ещё вчера были самыми большими противниками коммунизма... сегодня стали самыми заклятыми врагами Германии и в глубине души молят Бога за успех русского оружия». Вместе с тем результаты первых месяцев боёв (Красная армия стремительно отступала, солдаты и офицеры десятками тысяч без серьёзного сопротивления сдавались в плен, население оккупированных территорий в немалой своей части чуть ли не приветствовало немцев) мешали закрепиться вышеуказанным настроениям, давали аргументы тем, кто утверждал, что Германия несёт освобождение русскому народу.

Сколько же эмигрантов и их взрослых детей пошли в формируемые гитлеровцами «русские части»? Анализ разрозненных данных позволяет с определённой долей уверенности говорить, что речь идёт примерно о 30% способных носить оружие эмигрантов в возрасте от 18 до 60 лет, проживавших в оккупированных немцами или союзных им странах.

Одним из наиболее массовых формирований был Русский охранный корпус, созданный к 12 сентября 1941 г. на территории Югославии. Успех мобилизации эмигрантов в РОК объяснялся прежде всего надеждой, подогреваемой его организатором генералом Скородумовым, что корпус двинется в освободительный поход и станет основой будущей русской национальной армии. Свою роль сыграло и увольнение марионеточным режимом генерала Недича всех русских эмигрантов с государственной службы.

В некоторых исследованиях и в мемуарах корпусников утверждается, что через РОК прошло свыше 16 тыс. белых эмигрантов. Скорее всего, эта цифра завышена за счёт добровольцев из Молдавии, Буковины и советских военнопленных. По-видимому, можно говорить о 12–13 тыс. человек. До сентября 1944 г., т. е. в течение трёх лет, корпус нёс в основном сторожевую службу, охраняя железные и автомобильные дороги, склады и т. п., освобождая немецкие войска для боёв на Восточном фронте. Столкновения с партизанами Тито хотя и носили ожесточённый характер, но, как правило, были кратковременными и не масштабными. За три года РОК потерял 282 человека убитыми и 494 ранеными. Значительно больше было дезертиров (468) и уволенных по болезни и рапортам (1870). Сведений о массовых эпидемиях в корпусе в этот период нет. Очевидно, многие из указанных категорий корпусников переосмыслили происходящее и под различными предлогами или совсем без них покинули РОК. Ведь настроения, которые всё более охватывали русскую эмиграцию, не могли обойти и служивших в корпусе. О существовании таких настроений говорится в докладе директора варненской областной полиции за февраль 1943 г.: «После Сталинграда русские во вверенной мне области всё более начинают отождествлять большевистские войска с русской армией».

К сентябрю 1944 г., т. е. к моменту выхода Советской армии к границам Югославии, число не желающих воевать на стороне немцев значительно возросло. За шесть месяцев из РОК дезертировали 480 человек, уволены по болезни и рапортам 1587, пропали без вести 2002 (это при 734 убитых и 2478 раненых). Если на 12 сентября 1944 г. в корпусе состояло 11197 человек, то на 12 мая 1945 г., т. е. к моменту капитуляции страны, осталось около 4500 человек. Все эти данные опровергают утверждения, что те, кто решился на сотрудничество с немцами, были якобы совершенно уверены в правоте своего выбора. Это неправда, многие сомневались и уходили из РОК. В большинстве своём это были офицеры царской и белой армий, известные деятели эмиграции (князь Д. Мещерский, П. Павчинский, С. Чернорубашкин и др.). Многие из них вернулись домой в освобождённые Советской армией Югославию и Болгарию, полагая, что ни в чём не провинились перед родиной, так как не участвовали в боях с советскими войсками.

Другая заметная группа эмигрантов (из казачества) находилась в составе так называемого «Казачьего стана», сформированного Красновым и Шкуро под контролем немцев. Часть из них побывали на Восточном фронте, однако в 1943 г. «Казачий стан» в полном составе был переброшен в Италию для несения охранной службы. Гитлер не хотел, чтобы русские части воевали на советско-германском фронте под лозунгом освобождения России от господства большевизма. У него в отношении нашей страны были совсем другие планы: речь шла не об освобождении, а об уничтожении России как самостоятельного государства. Поэтому и Русскому охранному корпусу, и «Казачьему стану» отводилась роль обыкновенных пособников немецких фашистов на оккупированных территориях европейских стран, несмотря на по меньшей мере наивное желание эмигрантов, находясь на немецкой стороне, быть полезными Родине.

«Многие наивные русские эмигранты, — писал И. Ильин, — ждали от Гитлера быстрого разгрома коммунистов и освобождения России. Они рассуждали так: враг моего врага — мой естественный единомышленник и союзник. На самом же деле враг моего врага может быть моим беспощадным врагом. Поэтому трезвые русские патриоты не должны были делать себе иллюзий».

Иллюзии эмигрантов, ставших на путь сотрудничества с Гитлером, во многом объяснимы. В большинстве случаев это были офицеры-службисты, выпускники кадетских корпусов, станичники. Для них слово отцов-командиров значило очень много. А те — генералы Краснов, Шкуро, Абрамов, Вдовенко и другие — за долгие годы эмиграции «заигрались» в политику, запутались в связях с иностранными спецслужбами, в своих собственных амбициях и подтолкнули часть эмиграции к ошибочному шагу.

Основная часть эмигрантов, способных носить оружие, заняли позицию неучастия в войне (при-

мерно 60%). Как подчёркивал И. Ильин, «есть общее правило международной политики: когда два врага моей родины начинают борьбу друг с другом, то мне следует расценивать эту борьбу не с точки зрения международного права, или справедливости, или сентиментальных настроений, но с точки зрения интереса моей родины и экономии её сил. В таких случаях показывается нейтралитет».

Безусловно, такая позиция означала отказ от поддержки воюющих сторон какими-либо действиями, но симпатии выражались по нарастающей только в отношении одной из них — Советского Союза. Как отмечалось в отчёте Дирекции полиции Болгарии за август 1943 г., это объяснялось во многом тем, что «эмигранты помнили о своём русском происхождении, русские радуются победам Красной армии даже тогда, когда боятся большевизма».

Не записываться в Русский охранный корпус, не участвовать в прямых действиях, направленных против Советского Союза, призывал и видный деятель Русской православной зарубежной церкви, глава русских церковных приходов в Болгарии, человек подвижнической жизни архиепископ Серафим (Соболев). Многих прихожан удержал он от шагов, уводивших на путь коллаборационизма, пособничества врагам России. Эмигранты, не согласившиеся сотрудничать с немцами, в той или иной степени были, конечно, противниками советской власти, но в то же время и истинными патриотами своей Родины. Они проявили интерес к генералу Власову, к его «воззванию» от 6 февраля 1943 г. записываться в Русскую освободительную армию (РОА), чтобы свергнуть диктатуру Сталина. Однако активная работа немцев и их пособников в этом направлении результатов практически не дала — в Сербии, по оценке марионеточных властей, «отклик был очень слабый», в Болгарии призыву Власова «поддались лишь единицы». Болгарская Дирекция полиции сделала вывод, что эмигранты «не смогли понять сущности власовского движения». Говоря другими словами, они не верили в идейный антибольшевизм Власова, в его возможности быть хотя бы автономным от гитлеровцев.

Небольшая часть эмиграции (1–1,5%) с началом Великой Отечественной войны включилась в движение Сопротивления на стороне коммунистов. Это были прежде всего дети белых эмигрантов, выросшие в Югославии, Болгарии, Франции и других странах, попавшие под влияние левых идей. Но были среди них и идейные противники коммунистической идеи, вступавшие в коммунистические партизанские отряды в Югославии, Франции, подпольные организации в Болгарии, исходя из сугубо патриотических и антифашистских убеждений. К тому же коммунисты в оккупированной гитлеровцами Европе были наиболее боевой и массовой частью движения Сопротивления. Не менее 100 человек из числа белых эмигрантов работали в странах Восточной Европы на советскую разведку (минимум столько же — на разведки стран

Антигитлеровской коалиции), около 500 сражались в партизанских отрядах и подпольных группах в Югославии, Франции, Болгарии, Чехословакии, Бельгии, Италии. Отпрыск знаменитого аристократического рода, известный в последующем учёный-филолог Илья Голенищев-Кутузов воевал в партизанском отряде И. Тито, прошёл через гестапо и концентрационный лагерь.

В исторических исследованиях совсем незначительное внимание уделяется тем, кто принимал участие в борьбе с фашизмом в армиях Франции, Великобритании, США или в Сопротивлении некоммунистического толка. А это заметная группа эмигрантов и их взрослых детей — до 10% лиц призывного возраста. Только во французской армии сражались около 3000 человек. В боях в Северной Африке и Нормандии погибли свыше 250 эмигрантов. Есаул Войска Донского, замечательный поэт русского зарубежья Николай Туроверов, четырежды раненный на фронтах Гражданской войны, в годы Второй мировой был капитаном французской армии. Он героически сражался в Северной Африке, был тяжело ранен, награждён боевым французским орденом. Активным участником голлистского движения Сопротивления в Париже

стал командир 9-й Донской бригады генерал-майор Фёдор Марков, потерявший во время исхода Белой армии из России жену и четырёхлетнего сына. Таких примеров немало.

В целом русская эмиграция в годы Великой Отечественной войны сделала нравственный выбор. Нельзя было ожидать, что вся она, как один, волеётся в ряды коммунистического Сопротивления и с оружием в руках встанет на защиту Советского Союза. Слишком много крови и несчастий принесла им советская власть, слишком тяжелы были воспоминания о Гражданской войне, потере родных и близких, отчего дома, жизнь в изгнании. Но эмиграция в большинстве своём сумела увидеть в агрессии Гитлера против СССР не борьбу фашизма с ненавистным ей коммунистическим режимом, а войну на уничтожение горячо любимой Родины. Как писал И. Ильин: «Гитлер пытался бороться и с коммунистами, и с русским народом». Большинство это поняли и не пошли за фашистской Германией. Лишь меньшая часть эмиграции приняла её, говоря словами Ильина, за «друга и культурного освободителя» и «жестоко за это поплатилась. Это была русская трагедия, выросшая из революции и политической слепоты».

¹ Архив Југоспа ВНЈН. Рат и промене у животу руса у Београду. Документа. 2008.

² Бялата емиграция в България. София : ИК Гуттенберг, 2001.

³ Белоэмиграци ау Југоспа ВНЈН. 1918–1941. Београд : ИСИ, 2008.

⁴ Волков С. В. Русская военная эмиграция. М.: Русский путь, 2008.

⁵ Ильин И. А. Наши задачи. М.: МП «Рарог», 1992. Т. 1.

⁶ Ильин И. А. Переписка двух Иванов. 1935–1946. Собр. соч. М. : Русская книга, 2000.

⁷ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М. : Русский путь, 2005.

⁸ Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция. 1920–1950 гг. М. : Русский путь, 2008.

⁹ Окорочков А. Русские добровольцы. М.: Яуза, 2007.

¹⁰ Решетников Л. П. Русский Лемнос. М. : Изд-во Новоспасского монастыря, 2009.

¹¹ Русский Белград. М.: МГУ, 2008.

¹² Русский корпус на Балканах во время 2-й Великой войны. 1941–1945. Нью-Йорк: Наши вести, 1963.

**Кузнецовский Владимир Дмитриевич, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник РИСИ**

Почему фальсифицируется история Второй мировой?

История попыток «исправить» результаты Второй мировой войны, чтобы приуменьшить вклад Красной армии в победу над гитлеровским фашизмом, насчитывает немало лет. Так, уже в конце 1960-х гг. прошлого века кто-то «спустил курок», и в западных средствах массовой информации начала разворачиваться кампания пересмотра Потсдамских соглашений. В частности, западные газеты заговорили о необходимости пересмотра границ по Одеру-Нейсе.

Однако тогда эта кампания натолкнулась на жёсткий отпор не только со стороны Москвы, но и со стороны Ватикана, поскольку речь зашла о за-

падных границах Польши. Папа римский Пий XXII занял тогда бескомпромиссную позицию в вопросе о неприкосновенности западных границ Польской Народной Республики. Эту атаку со стороны Запада удалось отбить, а затем последовала встреча в Хельсинки, завершившаяся подписанием Заключительного акта о безопасности и сотрудничестве в Европе, в котором говорилось о «вечном» закреплении послевоенных границ на континенте.

В новейшее время мировая общественность столкнулась с очередной попыткой пересмотра итогов Второй мировой войны. Суть её заключается

в стремлении доказать народам стран — участниц Антигитлеровской коалиции (да, впрочем, и народу нынешней ФРГ тоже), что во Второй мировой войне не в борьбе за мировое господство схлестнулись-де в схватке два диктаторских режима — Гитлера и Сталина, а противостояла им некая «третья сила», которая выступала якобы за демократическое развитие национальных обществ. В эту «третью силу» инициаторы кампании по пересмотру итогов Второй мировой войны пытаются включить коллаборационистов и национальных предателей, активизировавшихся в Европе в 1938–1945 гг.

Инициатива эта возникла за рубежом, но поддержку нашла и в России. Нашлись и у нас люди, которые запели в один голос с неопитами Евросоюза, выступившими в Парламентской ассамблее Совета Европы с предложением объявить фашистский режим гитлеровской Германии и Советский Союз одинаково ответственными за развязывание Второй мировой войны. В поддержку этой идеи в России появились публикации, подвергающие сомнению даже сам характер Великой Отечественной войны как войны справедливой, ставкой в которой была независимость нашей Родины.

К этой дискуссии подключились даже маститые отечественные писатели. Так, известный в советское время Даниил Гранин пришёл вдруг к выводу, что не следовало Красной армии в 1944 г. переходить государственную границу СССР. Надо было, считает он, остановиться на нашей границе: «Немец был уже сломлен. Почему же мы не дали народам самим решать свою судьбу?» А не дали, как пишет Д. Гранин, потому, что советские руководители военного времени страдали проявлением «имперского», советского, «сталинского» мышления. «Михаил Кутузов, — пишет он, — хотел остановить Отечественную войну 1812 г. на том, чтобы изгнать Наполеона за пределы Отечества. Возможно, это и было дальновидностью великого полководца».

Не знаешь, как и реагировать на такой пассаж. У маститого советского писателя, участника Великой Отечественной войны вроде бы напрочь отбило память, и он не помнит, что когда 1 августа 1944 г. эмигрантское правительство Польши отдало из Лондона приказ поднять в Варшаве восстание против германцев, чтобы не пустить Красную армию в столицу, то «сломленный немец» утопил варшавянин в крови. И это при том, что повстанцы по численности вдвое превосходили «уже сломленного немца» (повстанцев насчитывалось 40 тыс. человек, а численность немецкого гарнизона не превышала 20 тыс.). Командование Армии крайовой, по чьему приказу и началось Варшавское восстание, 2 октября 1944 г. капитулировало перед немцами. В ходе восстания погибло более 200 тыс. поляков, а Варшава была полностью разрушена.

Можно привести и ещё один пример. 5 мая 1945 г., уже после взятия Берлина Красной армией, восстание против немецко-фашистских оккупантов

подняли жители Праги. Но и это восстание «уже сломленный немец», пользуясь терминологией писателя Д. Гранина, тоже утопил в крови. И хотя в этот момент в столице на стороне восставших воевали совершенно запутавшиеся в своих политических ориентациях власовцы, это нисколько не помешало немцам методично уничтожать противника. Ночью 6 мая отчаявшиеся повстанцы по пражскому радио обратились к союзным войскам с просьбой спасти людей и город от уничтожения. По приказу Сталина войска маршала И. Конева, совершив марш-бросок почти от самого Берлина, ворвались в столицу Чехословакии и спасли и жизни пражан, и город от разрушения. Так что каким образом оккупированные европейские страны смогли бы «сами решить свою судьбу», если бы Красная армия не вошла с боями в Европу и не добила фашистов в Берлине, — это, по-видимому, известно только писателю Д. Гранину.

Но Гранин не сам придумал этот пассаж — «маститые отечественные историки» помогли. С лёгкой руки ректора Московского историко-архивного института, преобразованного потом в Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), доктора исторических наук Юрия Афанасьева (бывшего заведующего отделом органа ЦК КПСС журнала «Коммунист») в российской публицистике давно уже «гуляет» тезис, созвучный гранинскому. Красная армия, как считает Ю. Афанасьев, подойдя в 1944 г. в боях с немецко-фашистскими захватчиками к государственной границе СССР, должна была «встать на этих рубежах, а не продолжать свой поход в Европу», так как после пересечения границы СССР Великая Отечественная война якобы перестала носить освободительный характер, а сразу же превратилась в «захватническую».

В 1996 г. РГГУ под редакцией Ю. Афанасьева даже издал на средства Фонда Форда тиражом в 5 тыс. экземпляров 500-страничный том под названием «Другая война». Во введении к нему Ю. Афанасьев высказал мысль, что пришло время «переосмыслить войну 1939–1945 гг. как события, в значительной мере сформировавшего XX в., подумать иначе и преодолеть традиционные советские представления о роли СССР в мире на протяжении всей его истории с 1917 года». «Ведь с началом похода в Европу в 1944 г., — пишет историк, — цели, а с ними и характер войны, очевидно, снова существенно изменились, и с этого момента её вряд ли можно именовать народной, освободительной. Всё это вынуждает переосмыслить роль Советского Союза в мировой истории XX в.». В свете этого, как считает «маститый отечественный историк», у нас «остаётся мало действительных поводов для празднования победы». Лукавит, конечно, Ю. Афанасьев: не было в эти годы никакой «другой войны». Была одна война — Великая Отечественная, и была Победа. И была заплачена за эту Победу немислимо высокая цена.

Казалось бы, всё здесь давно уже ясно и спорить-то не о чем: история давно уже расставила окончательные акценты в этих событиях. Однако выясняется, что всё — да не всё.

Вот, например, польские официальные лица словно забыли, что в 1945 г. Красная армия ценой жизни 600 тыс. советских солдат освободила их страну от фашистской оккупации и открыла глазам всего мира нацистские лагеря смерти на её территории — Освенцим, Майданек, Собибор, Трелинку и др. Сегодня они публично выражают сожаление, что «не те» солдаты их освободили. Надо бы, конечно, чтобы газовые печи, сжигавшие людей на территории Польши, остановили свою адскую работу, но вот сделать это должен бы кто-то другой, не Красная армия. На вопрос «Кто?» поляки не отвечают, но имеются в виду, конечно, армии западных союзников СССР.

Поляки словно бы не понимают, что если бы не советские солдаты, то их как нации, скорее всего, просто не осталось бы в Европе, так как ни английская, ни американская армии разгромить фашистский вермахт были не в состоянии. Да нет, всё они понимают и ничего не забыли. Но тогда почему появляются утверждения, что роль Красной армии в разгроме германского фашизма была весьма скромной? Почему в речах польских официальных лиц и в прессе западноевропейских стран из всех сил умалется роль Красной армии и непомерно превозносятся успехи англо-американских войск?

Да только ли поляки стремятся исказить, а по сути-то — фальсифицировать, историю всей Второй мировой войны? Хватает таких утверждений и в российской прессе. Вот заместитель главного редактора газеты «Время новостей» Семён Новопрудский пишет, что во время Великой Отечественной войны «защита власти и защита Родины — принципиально разные вещи». Да, советский народ победил в той войне, но только власть, по его мнению, «тут совершенно ни при чём». Более того, «защита преступной власти — вовсе не патриотизм и не уважение к истории. Это ошибка, часто граничащая с преступлением.

Получается, что в Великой Отечественной войне солдатам, с оружием в руках сражавшимся с гитлеровским вермахтом, следовало ежечасно и ежеминутно оценивать, в каких случаях они защищают свою Родину, свои семьи, родных и близких, многим из которых Гитлер уготовил печи Освенцима, а в каких случаях — советскую власть. Здесь что-то, по-моему, с логикой не всё в порядке.

Вопрос, почему в европейских странах постоянно муссируется недоверие к России, не так прост, как может показаться на первый взгляд.

Посмотрите на карту Европы — десятки стран ютятся на небольших клочках земли от побережья Атлантического океана до границ Белоруссии и Украины, постепенно прижимаясь к огромной территории под названием Россия, распростёршейся на

двух континентах — европейском и азиатском. Впечатление такое, что все эти небольшие по территории государства тесно прижаты к жёсткой платформе, абсолютно не поддающейся эффекту сжатия.

А ведь у них там, в Европе, хватает и своих собственных проблем. Та же Германия постоянно испытывает дискомфорт от недостаточного, как ей кажется, жизненного пространства и потому постоянно стремится расширяться на восток (лозунг «*Drang nach Osten*» веками присутствовал в политике немецких княжеств). А на востоке лежала Польша. Постоянно уступая немецкому давлению, она всегда стремилась избежать его и сместиться от этого давления опять-таки на восток, в сторону России, которая этому расширению никогда не позволяла стать реальностью. Конечно, тот факт, что Польша расположена между двумя такими активными самодостаточными нациями, как немцы и русские, — это объективная геополитическая реальность. Вот веками и делят между собою Германия и Россия польское геополитическое пространство. А Господь к тому же награждает поляков сверхамбициозным характером, который постоянно толкает их на расширение своего географического ареала то на север, в Литву, то в сторону востока.

По отношению друг к другу небольшие европейские государства живут, как в коммунальной квартире: хоть и не нравится жить рядом, но выхода иного нет и не предвидится. А вот рядом с огромной Россией, как часто они сами признаются, существовать жутковато: даже если она просто глубоко вздохнёт — в Европе заборы валяются.

Может в такой ситуации возникнуть доверие между Европой и Россией? Сложный вопрос. Приведу одну аналогию совсем из другой сферы.

Я по первой своей профессии — геологоразведчик. Заканчивал геолого-разведочный техникум в 1950-е гг. и водил поисковые отряды по сибирской и дальневосточной тайге. И вот однажды на Камчатке мне довелось наблюдать такую ситуацию.

Ездовых собак там с наступлением зимы, да и в межсезонье, кормят сушёной солёной рыбой — юколой. Каюр раздал всей упряжке рыбу, каждая собака схватила свою долю и, отбежав в сторону, начала есть. Но умный вожак догадался, что юколу можно вымочить в протекавшем неподалёку ручье, и она не только станет менее солёной, но и более мягкой. Он схватил свою рыбину, бросил её в ручей и стал ждать, когда она вымокнет. Другие собаки это увидели (а вожак — он потому и вожак, что умнее других) и начали в точности копировать его действия. И что интересно, каждая стремилась бросить свою рыбину в воду как можно ближе к вожаку. И вот сидят они друг возле друга и скалятся: ни один пёс не доверяет другому, и каждый охраняет собственную рыбину.

Ту собачью компанию на Камчатке напоминают мне европейские страны: никто никому не доверяет, но все вынуждены терпеть присутствие соседа.

Но это — собаки, члены одной упряжки. А если бы рядом с ними у ручья уселся медведь, который в несколько раз больше и сильнее любой из них?

Так вот, Россия для всех европейских стран — тот же медведь, которого до ужаса все боятся, не доверяют, и потому постоянно стремятся на любой основе объединиться, чтобы сообща ограничить его силу и мощь.

Мы в России должны понимать природу этого извечного недоверия к себе.

Где же выход? Может ли что-нибудь измениться в этом плане?

Думаю, что кардинально ничего измениться не может. И через 50 лет будет всё то же самое. И даже если Третья мировая война в Европе начнётся, то и в этом случае Польша, к примеру, всё равно останется лежать между двумя жерновами — Германией и Россией, и эти две страны рано или поздно по старой традиции в какой-то момент могут вновь начать делить между собой надменных ляхов и прибалтийских лимитрофов.

И сколько бы ни пыталась Москва установить нормальные доверительные отношения с Европой, фактор недоверия, похоже, всегда будет иметь место. Оно, это недоверие к нашей стране, складывалось веками. Показательным примером в этом плане служит инициатива России по формированию международного механизма энергетической безопасности.

Когда в 2004 г. ФРГ уступила Москве свою очередь на проведение заседания стран «Большой восьмёрки», президент В. Путин выдвинул идею обсудить в 2006 г. на саммите в Санкт-Петербурге перспективы создания международной системы энергетической безопасности для упорядочения снабжения европейских стран энергоносителями. В осуществление этой идеи Россия готова была пойти на беспрецедентные уступки европейским потребителям российского природного газа.

Европейцы на ура восприняли саму идею, но истолковали её весьма своеобразно. Евросоюз предложил Москве подписать разработанную в Брюсселе Европейскую энергетическую хартию и Протокол о трубопроводах к ней. Согласно этим документам Евросоюзу получал право приобретать в собственности часть российских нефтяных и газовых месторождений, а также нефте- и газопроводов. Но Москва при этом симметричного права приобретать активы европейских нефте- и газовых компаний не получала.

Требование Москвы предоставить ей равные условия Брюссель категорически отказался даже рассматривать. Западноевропейские средства массовой информации оказали очень жёсткое давление на российское правительство, требуя ратификации хартии российским парламентом. В Москву зачастил с визитами председатель Еврокомиссии Ж.-М. Баррозу. В результате Россия была вынуждена отказаться от идеи создания системы энергетической безопасности из-за попыток Евросоюза толковать её в явно дис-

криминационном ключе и не стала ратифицировать ни хартию, ни протокол к ней. Итогом такой европейской политики стал газовый кризис 2007–2009 гг.

Нечто подобное происходит в Европе и в ходе подготовки к празднованию 65-летия Победы над гитлеровской Германией. Основная причина — возникшее в последнее время у европейцев стремление пересмотреть итоги Второй мировой войны в сторону умаления роли СССР в разгроме гитлеровской Германии. Им, похоже, хочется убедить себя и весь остальной мир, что не Россия (СССР) сыграла решающую роль в разгроме гитлеризма. Если вслед за ними Гранину и Афанасьеву удастся убедить российское общественное мнение в том, что и Великая Отечественная война с определённого момента стала носить не освободительный, а «захватнический» характер, то можно ведь будет и компенсационный счёт России предъявить. Да, собственно, это уже и делается: историки прибалтийских государств даже называют конкретные суммы в долларах, которые наша страна им «должна» за так называемую «оккупацию» их территорий. А если при этом общественное мнение ещё и согласится с тем, что с немцами воевала не только Красная армия, но и некая «третья сила» в лице власовцев, то и совсем хорошо.

Поэтому нельзя молчать, когда публично пытаются фальсифицировать нашу историю, доказывая, что главными героями Великой Отечественной были не советский солдат и офицер, а отщепенцы вроде генерала Власова. А нас ведь именно в этом и пытаются убедить. Чего стоит, например, заявление Синода Русской православной церкви за рубежом от 9 сентября 2009 г., в котором генерал Власов объявлен чуть ли не национальным героем, действовавшим в период Великой Отечественной войны? Или сборник проповедей протоиерея Георгия Митрофанова. Или книжка президента Международного (американского) университета в Москве Г. Х. Попова, который тоже называет А. Власова несостоявшимся национальным героем и предлагает поставить в Москве общий памятник ему и академику Сахарову.

Между тем, если уж говорить о подлинной истории Второй мировой — а для нас Великой Отечественной — войны, то начинать надо с самого простого — с констатации очевидного.

Есть события мирового значения, которые никто ни в мире, ни в Европе оспорить не может. Назову только два, но самых значимых.

Первое — 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия внезапно и вероломно, нарушая все двусторонние договоры, соглашения и международные правила, напала на Советский Союз.

Второе — 2 мая 1945 г. войска Советской армии штурмом взяли рейхстаг — сердце самого человечески-ненавистнического в истории цивилизации политического режима, а глава этого режима — Гитлер — 30 апреля покончил жизнь самоубийством.

Вот две опорные (реперные) точки истории, вокруг которых и следует выстраивать всю триангуляционную линию Второй мировой войны.

И ещё об одном хотелось бы сказать.

Нам не стоит обижаться на попытки фальсифицировать историю XX в. и историю России (СССР). Нужно попытаться понять этих людей, а поняв — выработать свою линию поведения.

К сожалению, наши западные оппоненты, а пуще всего наши бывшие союзники по Варшавскому договору (Польша, Чехия) и советские коллеги из стран Балтии и Украины объективного подхода к исследованию исторической действительности не демонстрируют. Акцент в их фальсификациях действительности делается на, казалось бы, бесприкрытую карту — безудержную критику Сталина. Ничего не скажешь, мишень удобная. Если всё время говорить и писать только о преступлениях, совершённых Сталиным и под его руководством, то очень легко перекинуть мостик к внешней политике СССР как агрессивной державы и представить нашу страну в качестве основного виновника развязывания Второй мировой войны.

Но это-то и есть самая большая фальсификация истории. Преступления Сталина мы давно уже осудили и сами, и мало кто в России оправдывает его действия, повлекшие за собой многочисленные человеческие жертвы. На мой взгляд, исчерпывающую оценку этого периода дал 30 октября 2009 г. Президент РФ Д. А. Медведев, который сказал: «...Миллионы людей погибли в результате террора и ложных обвинений — миллионы. Были лишены всех прав. Даже права на достойное человеческое

погребение, а долгие годы их имена были просто вычеркнуты из истории. Но до сих пор можно слышать, что эти многочисленные жертвы были оправданы некими высшими государственными целями. Я убеждён, что никакое развитие страны, никакие её успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправданий.

Мы много внимания уделяем борьбе с фальсификацией нашей истории. И почему-то зачастую считаем, что речь идёт только о недопустимости пересмотра результатов Великой Отечественной войны. Но не менее важно не допустить под видом восстановления исторической справедливости оправдания тех, кто уничтожал свой народ.

Правда и то, что преступления Сталина не могут умалить подвига народа, который одержал победу в Великой Отечественной войне. Сделал нашу страну могучей индустриальной державой. Поднял на мировой уровень нашу промышленность, науку, культуру.

Принять своё прошлое таким, какое оно есть, — в этом зрелость гражданской позиции».

Эта оценка опирается на опросы общественного мнения, которые год за годом показывают, что около 80% населения России считают, что преступления Сталина следует осудить. Но эти же опросы показывают и то, что люди не хотят, чтобы пресса бесконечно топталась только на этих трагических страницах нашей истории. Нельзя забывать, что в эти же годы и при том же руководстве страны, которое олицетворял тогда Сталин, были достигнуты те успехи, о которых сказал 30 октября президент РФ.

¹ Великая Отечественная война. 1941–1945 / Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985.

² Другая война. 1939–1945 / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. Известия. 2009. 9 мая.

³ Новопрудский С. Великое отечественное заблуждение // Время новостей. 2009. 2 октября.

⁴ Митрофанов Г. Трагедия России. «Запретные» темы истории XX века. СПб., 2009.

⁵ Российская газета. 2009. 31 октября.

⁶ Попов Г. Х. Вызываю дух генерала Власова. М.: Международн. ун-т в Москве, 2008.

Отец Дмитрий (Смирнов), протоиерей, председатель Синодального отдела Московского патриархата по взаимодействию с Вооружёнными силами и правоохранительными органами

Долг как ответственность перед Богом

Дорогие друзья!

Когда я узнал об этой конференции, мне показалось, что повод для неё слишком незначителен, потому что генерал-лейтенант Андрей Власов уж слишком незаметная фигура на фоне той грандиозной исторической драмы, в которой ему пришлось поучаствовать.

Но с другой стороны — и это относится к такой дисциплине, как политика, — после недавнего соеди-

нения двух ветвей русского православия, которое произошло вопреки очень многим силам, старавшимся этого не допустить, было ожидаемо, что возникнет некое движение против, как некоторая реакция на этот процесс. Потому что, конечно, соединение Русской церкви — событие просто грандиозное: в мире, который всё время делится, вдруг, через океаны, соединяются две части Церкви, выявляется могучая сила любви, всё-таки всё преодолевающая, несмотря ни

на какие, даже серьёзные, противоречия. И очень печально, что фигурой для противодействия этому величественному событию избран Андрей Власов, что опять говорит о мелочности исторического сознания тех людей, которые пытаются даже не клин, а какую-то бритву вставить в некие незначительные щели.

Но раз уж это состоялось, чтобы до конца понять, почему это произошло, приходится углубляться в историю.

Общезвестно, что в фундаменте каждой цивилизации всегда заложены некоторые религиозные истины, зачастую зафиксированные в текстах. И осмысление их народом и формирует то, что уже в дальнейшем именуется культурой, которая всегда основана на религиозных истинах и на культе, возникшем из этих истин. Понятно, что для русского народа эта основа — Евангелие, которое уже тысячу лет формирует наш народ. Хотя не так давно и возникла пауза почти на сто лет, но тем не менее при новой возможности для Церкви заниматься своим главным делом — проповедью Евангелия — русские люди в нём как в зеркале по-прежнему узнают самих себя. Уж, казалось бы, сейчас религия не так влияет на умы, как 200–500 лет тому назад, и тем не менее...

Позволю себе небольшое отступление. Нет такого русского, который не знает сказки под названием «Курочка Ряба». Известно, что после перевода на английский ни один англичанин не может понять, в чём её смысл. Для среднестатистического англичанина в этой сказке его нет. А у русского человека эта сказка каким-то образом формирует его сознание, потому что все русские знают этот текст и любят его. То, что для англичанина бессмысленно, для русского человека оказывается любимой вещью, знакомым с детства текстом.

Теперь о Евангелии. В Евангелии одно из главных событий — предательство Иуды. И то, что мы, русские, думаем о предательстве, имеет корни именно в евангельских текстах. Чтобы подробно на этом не останавливаться (я думаю, все мы знаем, как это происходило), хочу подчеркнуть генезис предательства, в чём он состоит.

Две вещи обычно формируют предательство: страх и корысть. И если мы будем изучать биографию генерал-лейтенанта Власова, то увидим, что эти хрестоматийные корни предательства целиком и полностью в ней присутствуют. Поэтому как бы ни пытались смягчить ситуацию, возникшую вокруг этого человека, мы никогда от этого не уйдём.

Если вернуться к апостолу Иуде, ведь он — и это совпадение удивительное — тоже был частью апостольской общины, как и генерал Власов был частью Красной армии. Иуда ходил с другими апостолами и исцелял больных, и воскрешал мёртвых, и проповедовал Евангелие (а Власов активно воевал против Гитлера). Но однажды он из ящика, который носил у себя на груди и куда люди опускали пожертвования, взял одну монетку. И с этого момента корысть в нём пересилила и любовь к своему Небесному Учителю, и ответственность перед всей апостольской общиной, что и привело в конце концов к тому, что он предал Учителя и покончил жизнь самоубийством.

С генералом Власовым произошло то же самое. В острый момент его жизни (я не историк, этим вопросом специально не занимался в силу того, что для меня эта фигура мало интересна, хотя, конечно, как все русские люди, люблю книги по истории, особенно про войну), когда у него был выбор, он, мне кажется, просто испугался того, что загубил армию. Ведь Иосиф Виссарионович Сталин, издав указ о том, что каждый сдавшийся в плен подлежит расстрелу, уничтожению как предатель, тем самым отрёкся от своих солдат (поэтому и его тоже можно рассматривать в некотором роде как предателя). И конечно, такого человека, можно сказать, робкого характера, как Власов, это понудило не воспользоваться самолётом, который ему предоставили, чтобы улететь в тыл, поскольку он знал, что там его может ждать смерть. Мы здесь наблюдаем не только страх, но и корысть: а почему бы не послужить немцам и с этого что-то себе ещё получить? Поэтому на мой не очень просвещённый взгляд, генерал-лейтенант Андрей Власов — типичный, архитипичный предатель.

Ковалёв Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)

Типология коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны

С точки зрения международного права военная оккупация — это временное занятие территории государства вооружёнными силами противника. Сам по себе факт оккупации не решает судьбы захваченных регионов — она определяется, как правило, мирным договором, заключённым по окончании войны.

Захватив в 1941–1942 гг. западные и юго-западные области РСФСР, нацистская Германия установила

здесь жестокий оккупационный режим. Северо-западные районы РСФСР находились под немецкой оккупацией более трёх лет. Так, Псков был захвачен вермахтом 9 июля 1941 г., а освобождён только 23 июля 1944 года.

Области Центральной России находились под властью нацистов на протяжении почти двух лет. Немцы вошли в Орёл 3 октября 1941 г. (освобождён Красной армией 5 августа 1943 г.), в Брянск — 6 октября 1941 г.

(освобождён 17 сентября 1943 г.), в Курск — 2 ноября 1941 г. (освобождён 8 февраля 1943 г.).

В ходе наступления на Москву германским вооружённым силам удалось захватить Калинин — крупный областной центр, который они удерживали с 14 октября по 16 декабря 1941 года.

На территории Крыма, входившего тогда в состав РСФСР, нацисты хозяйничали с ноября 1941 г. по май 1944 года.

Летом 1942 г. войска фашистской Германии и её союзников перешли в активное наступление на южном участке фронта. 24 июля ими был взят Ростов-на-Дону, 3 августа — Ворошиловск (Ставрополь), 12 августа — Краснодар. Эта территория была очищена от врага в январе-феврале 1943 года.

Для укрепления и поддержания оккупационного режима немецко-фашистские захватчики стремились привлечь «местные кадры». Участие советских граждан в войне на стороне нацистской Германии в СССР поначалу замалчивалось и отрицалось. Газета «Пролетарская правда» 19 июля 1941 г. писала: «При помощи угроз, шантажа и «пятой колонны», при помощи продажных холопов, готовых за тридцать сребренников предать свою нацию, Гитлер смог осуществить свои гнусные намерения в Болгарии, Хорватии, Словакии... Даже в Польше, в Югославии и Греции... внутренние противоречия между нациями и классами и многочисленные измены, как на фронте, так и в тылу, ослабили силу сопротивления оккупантам. Но грабительские козни Гитлера неминуемо будут разбиты в прах теперь, когда он вероломно напал на СССР, могучую страну, вооружённую... несокрушимой дружбой народов, непоколебимым морально-политическим единством народа...». Ей вторил известный писатель и публицист Илья Эренбург: «Эта война — не гражданская война. Это отечественная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев».

В словаре иностранных слов понятие «коллаборационист» (*от фр. collaboration* — сотрудничество) объясняется как «изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939–1945)». Но подобную трактовку этот термин стал приобретать уже в годы Первой мировой войны и употреблялся отдельно от слова «сотрудничество», обозначая только предательство и измену.

Можно согласиться с М. И. Семирягой, который в своём фундаментальном исследовании, посвящённом коллаборационизму в годы Второй мировой войны, писал, что никакая оккупационная армия не может обойтись без сотрудничества с властями и населением оккупированной страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть дееспособной. Она нуждается в переводчиках, в специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках политического строя, местных обычаев и пр.

Комплекс взаимоотношений между ними и составляет сущность коллаборационизма. К числу активных коллаборационистов относились военнопленные и гражданские лица, вступившие в ряды германской армии, и полицейские формирования, а также советские граждане, работавшие на предприятиях и в учреждениях оккупационной администрации.

А. Даллин в своей фундаментальной работе о немецкой оккупационной политике в СССР в годы Второй мировой войны уже обратил внимание на основные противоречия, вытекающие из военных целей нацистской Германии и её руководства на востоке. С одной стороны, «завоевание жизненного пространства», а с другой — собственно методы достижения поставленных целей. Даллин, как и многие авторы, занимающиеся данной проблематикой, пришёл к выводу, что без хотя бы пассивной поддержки со стороны населения оккупированных районов СССР у немцев не было реальных перспектив надолго обеспечить господство на занятой территории и гарантировать стабильность собственного тыла.

В нашей стране людей, сотрудничавших в различных формах с нацистским оккупационным режимом, стали называть коллаборационистами лишь в последнее время. В советской исторической науке обычно использовались слова «предатель», «изменник Родины», «пособник». Однако на Западе (как, впрочем, и в бывших странах социалистического лагеря) лиц, сотрудничавших с нацистами в СССР, обычно называли именно коллаборационистами.

В советской юриспруденции того времени отсутствовало достаточно чёткое определение для деяний гитлеровских оккупантов и их пособников на территории Советского Союза как военных преступлений. К ним следственные и судебные органы, а также юристы отказались применять даже сам термин «преступление», а использовали для обозначения их действий понятия «зверство» и «злодеяние», гранью между которыми, очевидно, была степень общественной опасности и тяжести наступивших последствий.

Поскольку действия, обозначаемые такими терминами, выходили за рамки принятых в советском законодательстве определений деяний, преследуемых в уголовном порядке, необходимо было выработать правовые основы ответственности за их совершение. Так как злодеяния нацистов «носят характер организованной системы», как отмечал академик И. П. Трайнин, и даже при формальном сходстве их нелегко приравнять к преступлениям, предусмотренным национальными кодексами. Нарушение фашистами законов и обычаев войны он квалифицировал как «военный разбой политических бандитов», за который виновные подлежат суровому наказанию по тяжчайшим уголовным нормам. Таким образом, признавалась необходимость особого регулирования их уголовной ответственности, поскольку действующее законодательство насущным требованиям не отвечало.

Преступления коллаборационистов под действие норм советского уголовного законодательства подпадали. По своему характеру они сразу же были отнесены к особо опасным государственным преступлениям. Такие дела появились в практике советских судебных органов уже в первые недели и месяцы войны.

Согласно приказу от 15 мая 1942 г. Генерального прокурора СССР «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом», советские граждане, перешедшие на службу к оккупантам, а также выполнявшие указания немецкой администрации по сбору продовольствия, фуража и вещей для германской армии; провокаторы, доносчики, уличённые в выдаче партизан, коммунистов, комсомольцев, советских работников и их семей; участвовавшие в деятельности немецких карательных органов, подлежали ответственности по ст. 58–1 «а» УК РСФСР.

Указом от 19 апреля 1943 г. подобные лица окончательно были причислены к субъектам ответственности за военные преступления: согласно ст. 1 указа за убийства и истязания гражданского населения они подлежали преследованию наравне с гитлеровцами. Статья 2 была целиком посвящена пособникам из представителей местного населения, уличённым в оказании содействия фашистским злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, и вводила для них кару в виде ссылки на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков...» (далее — ЧГК) от 2 ноября 1942 г. среди чудовищных преступлений, виновники которых подлежали уголовной и материальной ответственности во всей полноте, перечислял пытки, истязания и убийства мирных жителей; насильственный увод их в «иноземное рабство»; всеобщее ограбление городского и сельского населения; вывоз в Германию личного, колхозного и государственного имущества; разрушение памятников искусства и культуры; расхищение художественных и исторических ценностей; разрушение зданий и разворовывание религиозной утвари. При этом субъектами таких преступлений в этом Указе были названы преступное гитлеровское правительство, командование германской армии и их сообщники.

Лишь в инструкции ЧГК «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков» от 31 мая 1943 г. предусматривалась ответственность за военные преступления конкретных физических лиц из числа представителей германских вооружённых сил и оккупационной администрации. При этом должны были выявляться фамилии этих лиц, наименования воинских частей, учреждений

и организаций. Устанавливались также признаки, характеризующие конкретных соучастников военных преступлений в зависимости от их роли: организаторы, подстрекатели, исполнители и пособники.

Следует отметить, что меры уголовного преследования гитлеровских военных преступников и их пособников в Советском Союзе стали осуществляться лишь с середины 1944 года. Поскольку до того времени связанные с этим преследованием вопросы разрешались только в декларативной форме, то выполнение насущных задач в рассматриваемой сфере, как оказалось, могли осуществлять лишь представители карательных органов на местах, имевшие соответствующие властные полномочия. В сложившихся условиях местным руководителям органов борьбы с преступностью не оставалось ничего другого, как самим не только разрабатывать детали процесса расследования, но и квалифицировать в издаваемых служебных руководящих актах признаки деяний гитлеровских захватчиков как преступления.

В отличие от Нюрнбергского процесса, на котором, как известно, возобладаало обособленное мнение о том, что субъектами военных преступлений являются государство и его организации, на территории СССР в качестве военных преступников рассматривались только физические лица.

Через 10 лет после окончания Великой Отечественной войны, 17 сентября 1955 г., был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Согласно этому документу амнистия применялась «...в отношении тех советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по малодушию или неосознанности оказались вовлечёнными в сотрудничество с оккупантами». Статья 4 данного указа гласила, что амнистия не применяется «к карателям, осуждённым за убийства и истязания советских граждан».

В большинстве случаев открытый переход на сторону врага был связан с неверием в победу Красной армии, объяснялся ненавистью к советской власти, мстью государству или конкретным людям за обиду, желанием хорошо и сытно жить в экстремальных условиях нацистской оккупации, сделать карьеру при новой власти (например, новгородским бургомистром стал историк Василий Пономарёв, репрессированный в начале 1930-х гг.). Но были и такие граждане, которые занимали определённое положение и при коммунистах. Так, городским головой города Феодосии стал бывший активный член ВКП(б) Грузинов. О работе этих людей заместитель бургомистра Смоленска Б. Д. Базилевский позднее писал: «В их деятельности было меньше всего заботы о населении и об облегчении ему гнетущих условий немецкой оккупации и больше всего заботы о себе со стороны членов городского и окружного управлений».

Но не любое сотрудничество с врагом можно квалифицировать как измену или предательство. Если бы это было так, то пособниками гитлеровцев могли считаться все народы оккупированных стран, в том числе и 80 миллионов наших сограждан. Кстати, последний тезис активно муссировался нацистской коллаборационистской прессой, особенно перед отступлением вермахта с той или иной территории.

Современным исследователям истории Второй мировой войны необходимо осознавать, что все эти люди, находившиеся под властью оккупантов, не могли вовсе не взаимодействовать или не сотрудничать с ними, хотя бы ради собственного выживания и сохранения жизни своих близких.

Степень вины людей, которые в той или иной форме сотрудничали с оккупантами, безусловно, была разной. Это признавали и руководители партизанского движения ещё в начальный период войны. Среди старост и прочих представителей «новой русской администрации» были люди, занявшие эти посты по принуждению, по просьбам своих односельчан и по заданию советских спецслужб.

При рассмотрении этой проблемы мы должны учитывать социально-политические и национальные истоки коллаборационизма, а также причины личного характера, приведшие отдельных граждан к сотрудничеству с оккупантами. В условиях оккупации перед миллионами наших сограждан встала проблема физического выживания. При этом нужно помнить, что в значительной степени речь идёт о стариках, женщинах и детях. Поэтому и природа коллаборационизма как явления не так проста и единообразна.

Формами сотрудничества с оккупантами могли быть различные виды военного, административного, идеологического, экономического, интеллектуального, духовного, национального, детского и полового коллаборационизма.

Причины, толкнувшие наших сограждан на сотрудничество с оккупантами, имели сложный и неоднозначный характер, были порождены разными обстоятельствами бытового, психологического и мировоззренческого порядка. Бесспорно, среди них имелась значительная прослойка антисоветски настроенных граждан, которые добросовестно и преданно служили оккупантам.

Коллаборационизм как явление был неоднороден. Люди, осознанно и добровольно перешедшие на сторону врага и с оружием в руках или, используя свой интеллект, воввавшие на стороне Германии против своего Отечества, не могут не рассматриваться как преступники. Однако вряд ли можно называть изменой или предательством в уголовно-правовом или даже нравственном смысле этого слова бытовую коллаборационизм, например размещение на постой солдат противника, оказание им каких-либо мелких услуг (штопка белья, стирка и пр.). Трудно обвинить

в чём-либо людей, которые под дулами вражеских автоматов занимались расчисткой, ремонтом и охраной железных и шоссейных дорог.

Особого внимания заслуживает судьба миллионов женщин и детей, оказавшихся тогда в экстремальных условиях войны и оккупации.

Гражданский коллаборационизм по большей части носил вынужденный характер, так как у мирных жителей, особенно в городах, не было другого способа добывать средства существования для родных и близких. Нет никаких оснований зачислять в изменники Родины всех военнопленных, так как большинство из них оказались в плену не по собственной воле (особенно в 1941 г.), а в силу не зависящих от них обстоятельств: ранение, окружение, потеря связи со своей частью и пр.

Немцы активно заигрывали с представителями национальных меньшинств, в значительной степени пострадавших от необоснованных репрессий конца 1930-х гг. Поэтому эстонцев, латышей и финнов они считали потенциально союзным населением. Особенно стояли *фольксдойч* — люди, имевшие немецкие корни. Расовая теория нацизма ставила их в привилегированное положение.

Особое место во взаимоотношениях населения и солдат оккупационной армии занимает проблема сожительства русских женщин с немцами. В ней присутствует всё: и случаи изнасилования, и стремление таким образом заработать на хлеб для себя и голодных детей, и даже настоящие романы в духе «Ромео и Джульетты». В 1941 г. все эти факты (кроме, конечно, случаев изнасилования) рассматривались советской стороной как преступления со стороны женщин. Но позднее за это к уголовной ответственности уже не привлекали. Речь могла идти только о морально-нравственной оценке их поведения.

Некоторые жители оккупированных территорий испытывали даже чувство благодарности к немцам и их союзникам за так называемое «освобождение от проклятого ига жидобольшевизма», которое возникло под влиянием масштабной немецкой пропаганды. Накануне Великой Отечественной войны пропагандистская машина фашистской Германии была одной из самых эффективных в мире. За два года боевых действий в Европе немецкие пропагандисты накопили богатый опыт работы не только с солдатами противника, но и с гражданским населением оккупированных территорий.

Как отмечали позднее участники партизанского движения, фашисты пытались убить в людях, жителях оккупированных районов, веру в возможность победы Красной армии, парализовать волю к борьбе с фашизмом, а также максимально привлечь их на свою сторону. Нацистские пропагандистские службы рассчитывали на то, что им легко удастся внести раскол в советское общество не только благодаря своим успехам на фронтах и умелой пропаганде, но и событиям предвоенных лет: насильственной кол-

лективизации, необоснованным массовым репрессиям, конфликту государства с Церковью.

Активность сотрудничества различных категорий граждан нашей страны с гитлеровцами во многом была связана с положением на фронтах Отечественной войны. Понятно, что после срыва *блицкрига*, после того как русское население убедилось в человеконенавистническом характере нацистского оккупационного режима и в условиях активизации сопротивления в тылу врага очень многие коллаборационисты пытались как-то искупить свою вину перед своими соотечественниками.

Большая заслуга участников партизанского движения и подпольщиков заключается в том, что они в ходе боевых действий отказались от жёсткого деления общества на «своих» и «чужих». Советское руководство отлично понимало, что лишь при консолидации всех сил возможна победа. У страны был один враг — иноземные захватчики, и их необходимо было уничтожить. Что же касается остальных, то с ними — рабочими, крестьянами, интеллигенцией, священнослужителями, а также с полицейскими, легионерами, власовцами — велась активная разъяснительная работа. Многие из оказавшихся на стороне врага раскаялись и присоединились к борьбе с захватчиками. Те же, кто оставался с нацистами до конца, полностью разделяют их ответственность за кровавые преступления против человечества.

Английский автор Д. Каров, утверждая, что почти всё население Советского Союза ненавидело советскую систему, Сталина и партию и что оно было «вынуждено драться в одном строю вместе со своим грабителем» против немцев, не прав. Обстановка в СССР в то время была гораздо сложнее и противоречивее, чем это ему представляется.

В последние годы изменился подход и к изучению истории Второй мировой войны. Историкам стали доступны закрытые до недавнего времени документы. Всё это позволило по-иному посмотреть на многие события 1939–1945 гг. Иногда они трактуются как столкновение двух тоталитарных систем: Советского Союза и Германии, которые изначально являлись агрессорами. Подобные утверждения ставят под сомнение отечественный характер войны со стороны СССР. Критика порядков, имевших место в годы культа личности Сталина, дополняется сегодня мыслью, что в годы Великой Отечественной войны наше общество оказалось, по сути своей, расколото на два лагеря: союзников фашизма (в лице полицейских, сотрудников «новой русской администрации», легионеров, власовцев, националистов и прочих коллаборационистов) и их противников. Некоторые авторы даже смогли найти в гитлеровской оккупации нашей страны положительные стороны. Так, протоиерей Георгий Митрофанов на страницах официального издания Русской православной церкви «Церковный вестник» в статье «Коллаборационизм

или духовное возрождение» утверждал, что нужно «...объективно оценить значение тех безусловно положительных проявлений религиозной жизни русского народа, которые стали возможными в период немецко-фашистской оккупации».

При рассмотрении вопроса, связанного с различными формами сотрудничества населения России с нацистским оккупационным режимом, исследователь сталкивается с проблемой достоверности имеющихся материалов по данной теме. За последние десятилетия по истории Великой Отечественной войны и, в частности, о положении на захваченной немцами территории, по партизанскому движению написаны сотни трудов. К ним относятся мемуары непосредственных участников событий, воспоминания партийных, советских и военных руководителей, диссертации, монографии и статьи учёных-историков.

К источниковедческой базе следует отнести периодическую печать времён войны, листовки, плакаты, воззвания как с советской, так и с противоположной стороны.

Особый интерес представляют документы, хранящиеся в государственных, ведомственных и личных архивах. Значительная их часть была рассекречена только в середине 90-х гг. XX века. К ним относятся распоряжения, приказы, сводки штабов партизанского движения, опросные листы Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), чекистские донесения в Центр о положении на временно оккупированных врагом территориях, архивно-следственные дела и материалы, находящиеся в центральных и региональных архивах управлений Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Невозможно всесторонне исследовать ситуацию на оккупированных территориях без ознакомления с материалами различных немецких и коллаборационистских служб — с документами военных комендантов, городских и районных управ, полиции, образовательных учреждений, церковей, различных организаций, созданных гитлеровцами для более успешного проведения своей политики. К ним также относится переписка нацистов с различными коллаборационистскими структурами, методические разработки и планы работы различных фашистских пропагандистских школ, архивы коллаборационистских газет и журналов.

Достоверность источников во многом связана со временем их появления. В данном исследовании затрагиваются события, имевшие место на оккупированной территории РСФСР в 1941–1944 гг. На начальном этапе войны участники Сопротивления и представители спецслужб не всегда могли дать этим событиям объективную оценку. Такое положение можно объяснить, с одной стороны, их неопытностью и неготовностью к подпольной работе в условиях вражеской оккупации, а с другой — недооценкой пропагандистского потенциала противника. Часто советские агенты боялись посылать в Центр

информацию, которая могла не понравиться их руководству. Однако уже к 1942 г. эта порочная практика была преодолена.

Наибольший интерес представляют те документы советской стороны, которые несут в себе элемент критики источника информации. К ним относятся разведывательные сводки, опросные листы НКВД, материалы допросов или ревизий. Ни в коем случае не преуменьшая значение и влияние советской периодической печати и листовок, нужно признать, что изложенные в них факты (в особенности в начальный период войны) далеко не всегда соответствовали действительности.

Что касается правдивости нацистских средств пропаганды, то она была полностью связана с положением дел на фронтах. В 1941 г., до начала битвы под Москвой, ложь и дезинформация в них подавались в весьма умеренных дозах. По мере того как рушился

план молниеносной войны, объективность оккупационных изданий стала резко падать.

Естественно, эта объективность никак не была связана с теми планами по вопросу о будущем России, которые вынашивали руководители Третьего рейха.

В послевоенные годы были написаны сотни трудов по разным аспектам истории Второй мировой войны. Но в российской науке до сих пор недостаточно работ, в которых комплексно анализируются типы и формы коллаборационизма на временно оккупированной территории нашей страны в годы Великой Отечественной войны. Надеюсь, что проведённый Российским институтом стратегических исследований круглый стол «Коллаборационизм и предательство во Второй мировой войне. Власов и власовщина» во многом будет способствовать решению этой серьёзной и важной для истории нашего Отечества проблемы.

¹ Архив Управления ФСБ РФ по Смоленской области. Д. 9856-С. Л. 15.

² Война и общество. 1941–1945. М., 2004. Кн. 2.

³ Епифанов А. Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР (историко-правовой аспект). Волгоград, 1997.

⁴ Епифанов А. Е. Ответственность за военные преступления, совершённые на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Волгоград, 2005.

⁵ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу. 1955–1991 гг. / сб. правовых актов. М., 1997.

⁶ Кулик С. В. Антифашистское движение Сопротивления в России. 1941–1944 гг. (проблемы политического и идеологического противоборства). СПб., 2006.

⁷ Митрофанов Г. Коллаборационизм или духовное возрождение // Церковный вестник. 2005. № 3. Февраль.

⁸ Пролетарская правда. 1941. 19 июля.

⁹ Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

¹⁰ Современный словарь иностранных слов. М., 1993.

¹¹ Трайнин И. П. Избранные труды. СПб., 2004.

¹² Эренбург И. Г. Война. М., 2004.

¹³ Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of Occupation Polities. London : McMillan, 1957.

Использованная литература и источники Франц Уле-Веттлер, доктор исторических наук (ФРГ), генерал-лейтенант бундесвера

Измена присяге оправдана быть не может

Хотелось бы высказать несколько соображений по поводу того, почему тема «Власов и власовщина» кажется мне важной и сложной, а сегодняшняя дискуссия — интересной.

На вопрос, почему во всех войнах существовала «власовщина», т. е. находились люди, которые поддерживали противников своего государства, могу ответить, что коллаборационизм имел место во всех войнах, основанных на идеологии. Что же касается Второй мировой войны, то в Советском Союзе существовали противники сталинизма, а в Германии — противники гитлеризма.

Феномен «власовщины» возникал в том случае, если политическая линия, проводившаяся правительством, противоречила национальному чувству

людей. Примером тому служат казаки, туркмены, французы и индусы. Именно этому критерию отвечает поведение пленных, идёт ли речь о Власове или некоторых немцах, которые присоединились к Национальному комитету «Свободная Германия». Но хотя для оценки «власовщины» можно применить целый комплекс мотивов и оправданий, неоспоримым тем не менее является главное: эти люди изменили присяге; они агитировали и временами боролись против *собственных* соотечественников и даже против товарищей.

При этом остаётся вопрос: достаточно ли этих справедливых упреков для моральной оценки? Исторические примеры на этот счёт не всегда трактуются однозначно, взять хотя бы пример с Индией.

Как известно, войска под командованием Азада Хинда боролись с британским владычеством под японским флагом. Они изменили своей присяге и предали своих бывших товарищей. Но их вождем был Субхас Чандра Бозе — один из крупных индийских политиков, сторонник создания Партии Конгресса, которая должна была прийти на смену колониальному руководству. В 1940 г. он попал в Берлин, а затем на немецкой подлодке сбежал в Японию.

В 1945 г. британцы решили судить этих людей, однако в стране началось широкое движение в их защиту. Когда Индия в 1947 г. стала независимой, Дж. Неру должен был ответить на непростой вопрос: на какой основе строить национальные вооружённые силы? Взять ли за основу войска, сражавшиеся на стороне британского колониального руководства (при том, что он, Неру, и Ганди были брошены в тюрьму именно британскими властями)? Или же опереться на тех, кто изменил присяге, но при этом боролся за независимость Индии? Принять решение было

непросто. И Дж. Неру созвал комиссию из представителей обеих сторон, которая постановила, что и те, и другие имели в основе своих действий мотивы, заслуживающие уважения. Однако политики должны помнить, что одна из их задач — делать всё, чтобы солдаты по независящим от них причинам не оказывались перед столь тяжёлым выбором и не становились инструментом политики. Поэтому, исходя из того что каждая армия должна строиться на послушании и присяге, было решено, что солдаты Азада Хинда, нарушившие присягу, не могут стать основой для новых индийских вооружённых сил. Они могут войти в гражданские государственные структуры, но не в военные. Именно по этой причине по сей день индийская власть продолжает традиции британских колониальных войск.

Этот пример показывает, что оценка «власовщины», т.е. сотрудничества с врагом, принадлежит к числу важных проблем мировоззренческого характера. Именно поэтому обсуждение этой темы на круглом столе представляется мне очень нужным.

Тимофеев Алексей, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград)

Коллаборационизм и гражданская война в Сербии. 1941–1945 гг.

Коллаборационизм, согласно определению, которое даёт «Словарь общественных наук», представляет собой осознанное и добровольное сотрудничество с врагом в его интересах, во вред своей Родине или союзных с ней стран. Несомненно, сотрудничество с враждебной стороной части гражданского населения, нарушивших присягу военных либо военнопленных имеет богатые исторические корни. Однако стоит отметить, что именно в XX в. количественные и качественные изменения в политическом сознании масс, а также многие другие факторы привели к тому, что коллаборационизм приобрёл невероятно массовый характер. Природе этого феномена посвящена обширная литература как на русском, так и на иностранных языках.

Для анализа природы коллаборационизма в Восточной Европе особый интерес представляет классификация, предложенная известным британским историком Х. Сетон-Ватсоном, который выделил пять типов коллаборационистов.

Первые поставили себя на службу немецким оккупантам и их союзникам исходя из личных симпатий к крайне правой идеологии, сотрудничали с немцами или их союзниками ещё до оккупации и помогали устанавливать оккупационный режим.

Вторые относились к национальным меньшинствам или народам, чьи права были ущемлены ещё до войны, и в силу этого они стали сотрудничать с врагом, причём зачастую это сотрудничество также началось в предвоенные годы.

Третьи — это те, кто служил своей стране и поначалу защищал её от агрессии, но позднее пришёл к выводу о неизбежности победы Германии и в силу этого стал сотрудничать с оккупационными властями.

Четвертые стали коллаборационистами исходя из твёрдого убеждения, что таким образом они помогают своему народу, спасая то, что необходимо спасти в ожидании момента, когда противники Третьего рейха победят и помогут восстановить довоенный режим.

Наконец, к *пятому* типу принадлежат те, кто боролся против оккупантов и на первых порах сохранял лояльность правительству в изгнании, однако позднее, испугавшись размаха левого сопротивления, сочетавшего борьбу с оккупантами и ползучую революцию, пошёл на сотрудничество с немцами в их борьбе против левых.

В годы Второй мировой войны в СССР были известны группы первого, второго и третьего типов. В Советском Союзе левый режим был установлен ещё до войны, и противоречия между лояльностью к народу, борющемуся против оккупантов, и верностью присяге довоенному правительству были практически невозможны. В других же странах это правительство было бы обречено в случае победы коммунистического подполья. Некоммунистическое движение сопротивления там также было связано с мотивами сепаратистского характера (второй тип, по Сетон-Ватсону). У русского народа такого движения не было, поэтому коллаборационисты

четвертого и пятого типов на территории СССР не встречались.

На Балканах* ситуация коренным образом отличалась от того, что наблюдалось в СССР. Часть Балканских государств (Венгрия, Румыния и Болгария) увидели в союзе с Гитлером шанс решить собственные территориальные проблемы, развить экономику и избежать кровопролитной войны на своей территории. Поэтому здесь до конца лета — начала осени 1944 г. вообще вряд ли уместно говорить о коллаборационизме, так как на государственном уровне существовала ориентация на союз с Третьим рейхом и его союзниками. Не было и оккупации как важнейшего условия для возникновения коллаборационизма.

Другое дело — ситуация в оккупированных Албании, Югославии и Греции. Но если в Греции и Албании, где абсолютно преобладали «титовские» нации, коллаборационистские движения второго типа (по Сетон-Ватсону) известны не были, то в Югославии появились коллаборационисты всех пяти типов. При этом наиболее интересными для российского исследователя представляются экзотические для СССР четвёртый и пятый типы, действовавшие в восточной части Югославии — в Сербии.

Это обилие типов коллаборационистов, а также активная борьба внутри Сопrotивления привели к тому, что часть современных сербских историков стали воспринимать Вторую мировую войну в Югославии как войну гражданскую, отягощённую оккупацией. При этом речь идёт о борьбе трёх фракций: пронемецких ультраправых сторонников М. Недича и Д. Лютича, просоветски ориентированных ультралевых партизан И. Б. Тито и умеренно либеральных, ориентированных на англо-американцев бойцов Д. Михайловича. В рамках этой концепции практически всех граждан Королевства Югославия, взявших за оружие в 1941–1945 гг., можно разделить на три группы в зависимости от того, чьё господство на Западных Балканах они считали приемлемым: немецкое (и/или итальянское), английское (и/или американское) или советское. Доказательством правильности такого подхода являются, в первую очередь, статистические данные, которые говорят о том, что большинство подданных Королевства, убитых в 1941–1945 гг., пали от рук собственных сограждан. Концепция восприятия событий Второй мировой войны в Югославии через призму гражданской войны в массовом сознании населения Сербии и Словении (а тем более Хорватии) практически затмила воспо-

минания о борьбе с немецкими оккупантами. В силу этого интерес к событиям Второй мировой войны в Сербии сравнительно низок (и это несмотря на то, что сербы после русских, белорусов и поляков понесли в этой войне самые большие относительные потери).

В чём же причина? Почему воспоминания о Второй мировой войне оказались затуманены травмами войны гражданской? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит хотя бы конспективно проанализировать, почему в 1941 г. среди сербов могла бытовать не только понятная ненависть к немцам, напавшим на их страну, но и неприязнь к коммунистам, и разочарование в англо-американцах. Этот вопрос крайне важен для понимания причин, подтолкнувших сербских военных, ещё до войны традиционно антинемецки настроенных, к сотрудничеству с оккупантами.

Начнём с коммунистов. События 1917 г. в России, последовавшее за этим убийство царской семьи, ужасы Гражданской войны и «красного террора» для сербской элиты, потерявшей с падением Российской империи одного из важнейших внешнеполитических патронов и союзников, были достаточно яркими доказательствами вредности «коммунистических идей». После кровавых экспериментов Баварской (13 апреля — 1 мая 1919 г.) и Венгерской (21 марта — 6 августа 1919 г.) советских республик стало очевидно, что от вируса большевизма не имеют иммунитета и народы Центральной Европы.

Тем временем в Белграде 20–23 апреля 1919 г. была создана единая коммунистическая партия Югославии, которая со Второй партконференции в Вуковаре (20–25 июня 1920 г.) стала называться Коммунистической партией Югославии (КПЮ) и приняла программу, ориентировавшую её членов на революционную борьбу и построение социализма. В то же время коммунистам на выборах в Конституционное собрание удалось завоевать значительное число голосов в крупных городах (Белград, Загреб, Осиек, Скопье, Ниш и др.) и получить 59 мандатов из 419. Коммунисты вступали в открытые столкновения с полицейскими и воинскими частями, организовали политическую забастовку шахтёров в Боснии и Словении. Чтобы помешать югославским коммунистам сделать с Конституционным собранием то же, что сделали их российские коллеги с Учредительным, король Александр Карагеоргиевич разработал так называемую «Обзнану»**. В ответ коммунисты перешли к террору. Было совершено неудачное покушение на короля Александра. А 21 июля 1921 г. член

* Здесь мы говорим о Балканах в историко-региональном смысле, т.е. о странах, входивших некоторое время в Османскую империю, о тех, где традиционно мужчины для доказательства мужественности носили усы, а женщины для придания кухне пикантности усердствовали с приправами. В географическом плане ни Венгрия, ни Румыния в строгом смысле Балканами не являются.

** «Обзнана» — Приказ Совета министров Королевства сербов, хорватов и словенцев, принятый в ночь с 29 на 30 декабря 1920 г., в соответствии с которым была запрещена любая деятельность Коммунистической партии Югославии, распущены все её организации, конфискованы имущество и архив. За нарушение приказа предусматривалось тюремное заключение. Этот документ носил временный характер и действовал до принятия новой конституции.

террористической организации КПЮ «Красная справедливость» Алия Алиягич убил министра внутренних дел Милорада Драшковича, ответственного за реализацию «Обзнаны». В результате на свет появился «Закон о защите государства»*, окончательно поставивший коммунистов вне закона. КПЮ, насчитывавшая в 1923 г. всего около 1 тыс. членов, превратилась в типичную террористическую организацию, существовавшую на деньги иностранного государства (СССР). Коммунисты провозгласили, что Югославия — это «тюрьма народов», тюремщиком которой является «великосербская буржуазия» со всеми вытекающими отсюда для сербов последствиями. Более того, находившиеся в тюрьме коммунистические лидеры вступили в соглашение с другими противниками Королевства Югославия — хорватскими и македонскими сепаратистами. Эта линия одобрялась Коминтерном до середины 1930-х гг. Позднее под влиянием фашистской угрозы советское руководство распорядилось изменить концепцию и бороться за единство Югославии, но под лозунгом федерализации, что и было проведено в жизнь КПЮ. Такая агрессивная политика Коминтерна по отношению к Югославии привела к тому, что сербская элита воспринимала СССР как чуждое прежней Российской империи образование и не поддерживала с ним дипломатических отношений до 1940 года. При этом российское представительство в Югославии под руководством Василия Николаевича Штрандтмана продолжало работать и далее**.

Лишь в 1940 г. Королевство решилось установить дипломатические связи с СССР — в то время нейтральным государством, стоявшим в стороне от схватки Британии и Германии за передел Европы. Весна 1941 г. привнесла в атмосферу королевской Югославии ощущение неминуемой военной угрозы. Битва гигантов — нацистской Германии и демократической Великобритании — сотрясала в то время весь мир. Каждая сторона уже имела свои взлёты и падения, своего ненадёжного романского союзника (Италию или Францию), свои взгляды на будущее Европы и мира.

Надо сказать, что в то время сущность гитлеровской Германии ещё не была очевидной, не был очевидным и ужас Холокоста. США и СССР ещё не вступили в войну, Франция уже потерпела военное поражение, и шансы Великобритании на победу

в противостоянии с занявшим всю Европу Гитлером выглядели призрачными. Поэтому весомых внешнеполитических причин для вступления Югославии в войну не существовало. Напротив, этнические территории сербского народа, являвшегося в то время доминантным в Югославии (большинство высшего офицерства, старшего чиновничества, королевская династия), были практически полностью собраны в составе Королевства. Более того, в процессе собирания этих земель почти все соседи Югославии (за исключением Греции и, с некоторыми оговорками, Румынии) лишились части своих (или считавшихся своими) территорий. Таковы были последствия навязанной Европе после Первой мировой войны Версальской системы международных отношений, бесславная смерть которой к тому времени уже состоялась к вящей радости большинства соседей Королевства. Всё это, а также сложная внутривнутриполитическая ситуация (обострение межнациональных отношений, неустойчивость политического равновесия, молодость престолонаследника Петра II) располагали страну скорее к миру, чем к войне.

При таких обстоятельствах частичное присоединение Югославии к странам Тройственного пакта было логичным в ситуации, когда сохранить абсолютный нейтралитет стало невозможно. Почти все соседи Югославии (кроме Греции) уже присоединились к этому пакту, и если бы к антикоминтерновским державам присоединился и Белград, то они не смогли бы безнаказанно удовлетворять свои притязания на югославские территории***.

Условия присоединения к антикоминтерновскому пакту были достаточно мягкими. Согласно договору, подписанному 25 марта 1941 г. премьером Югославии Д. Цветковичем в венском Бельведере, правительство Третьего рейха подтверждало свою готовность уважать единство и целостность Югославии; все страны антикоминтерновского пакта давали обязательство на протяжении всей войны не использовать территорию Югославии для транзита вооружённых сил или военной техники; Германия и Италия обязались не требовать от Югославии никакой военной помощи.

В ходе подписания документа Гитлер обратил внимание югославских представителей и на близкие отношения между Москвой и Берлином. Пакт был подписан, югославские политики получили

* «Закон о защите государства» (полное название — «Закон о защите общественной безопасности и порядка в государстве») был принят 2 августа 1921 г., имел постоянный характер, был утверждён парламентом и усиливал государственное преследование коммунистов, включая смертную казнь за вооружённое сопротивление полиции и нападение на государственные учреждения. КПЮ с тех пор перешла в подполье, где и оставалась до начала войны. Сербская полиция времён Милана Недича рассматривала этот закон как основу для жёстких мер по борьбе с партизанами и коммунистическим подпольем.

** В 1911–1915 гг. В. Н. Штрандтман был первым секретарём российского императорского посольства в Белграде, а в 1919 г. был назначен правительством А. В. Колчака посланником в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В Югославии он был также делегатом Нансеновского комитета (Лиги Наций), уполномоченным Российского общества Красного Креста и начальником Управления по делам российских эмигрантов.

*** Стоит отметить, что и сам Коминтерн проводил крайне деструктивную политику в отношении Югославии (террористическая деятельность КПЮ, призывы уничтожить Югославию — тюрьму народов и пр.).

«от германской стороны твёрдое заверение насчёт сохранения их нейтралитета».

К тому времени англо-американцы пришли к выводу, что вовлечение Балкан в войну было бы для них выгодно. В Югославии, Румынии и Греции их спецслужбы активизировали свою деятельность. В Сербии на «английские дотации» существовали Земледельческая и Самостоятельная демократическая партии. Агенты Белградского отделения Управления специальных операций (УСО) — Дж. Тейлор, Х. Дальтон, Мастерсон, Бенетт, Гленвилл, Глен, Бейли — действовали крайне активно. Дотации от УСО получали такие сербские политики, как Милан Гаврилович, Миша Трифунович, Милош Тупанянин, Йован Джонович. Не менее важной была и легальная дипломатическая активность по «укреплению духа сопротивления „оси“, вплоть до государственного переворота», которую проводили лично британский посол в Белграде Р. Кемпбелл и один из военных атташе — Маплбек, чьим личным другом был его коллега по авиации, генерал ВВС Королевства Югославия Боривой Миркович. Судя по исследованиям послевоенных историков британских спецслужб, именно этот контакт и оказался решающим при организации государственного переворота. При этом стоит отметить, что и самим англичанам было ясно, что «имелось множество причин, заставлявших любого правителя Югославии осознать, что в интересах его народа [необходимо. — Прим. авт.] скорее достижение компромисса, нежели призывы к борьбе». Однако лидеры Великобритании, зная о том, что «помощь со стороны Англии представлялась сомнительной и в лучшем случае только символической», всё-таки с помощью представителей своих секретных служб организовали в Югославии 27 марта 1941 г. государственный переворот, сопровождавшийся массовыми беспорядками*. В этом контексте интересно обратить внимание на послевоенную судьбу трёх вожаков государственного переворота, носивших в 1941 г. форму югославской королевской армии.

1. Боривой Миркович — душа переворота и его главный организатор — в 1941 г. был генералом ВВС Югославии, после немецкой оккупации и бегства из страны поступил на службу в армию Его Величества и скончался в Англии военным пенсионером британской армии.
2. Душан Симович (1882–1962), выдвинутый после путча на пост главы государства и министра обороны, был в 1941 г. генералом ВВС Югославии. Вскоре после немецкой оккупации и бегства из страны был смещён с поста премьера. В конце войны поддержал Тито. Поссорился с англичанами (слишком быстро допустившими его замену) и вернулся в Белград в 1945 г., где свидетельствовал на суде против Д. Михайловича. После этого

доживал свой век как состоятельный военный пенсионер коммунистического режима.

3. Живан Кнежевич (1906–1985) — руководитель воинских частей (гвардии), совершивших путч. В 1941 г. служил майором королевской гвардии. После переворота стал начальником администрации у генерала Д. Симовича. В 1945 г. вступил в армию США и скончался за океаном военным пенсионером.

Как и следовало ожидать, после переворота взбешённый Гитлер, разгневанный к тому же массовыми погромами немецких представительств и нападением на автомобиль немецкого посла, не заставил долго ждать своих ответных действий: Третий рейх в союзе с Италией, Венгрией и Болгарией напал на Югославию. Согласно мемуарам У. Черчилля, когда всеобщее возбуждение после путча улеглось, «все жители Белграда поняли, что на них надвигаются катастрофа и смерть и что они вряд ли могут сделать что-нибудь, чтобы избежать своей участи». Британский премьер без всякого раскаяния описывал последствия своей авантюрной провокации: «Утром 6 апреля над Белградом появились германские бомбардировщики... 8 апреля, когда настала наконец тишина, свыше 17 тыс. жителей Белграда лежали мёртвыми на улицах города и под развалинами. На фоне этой кошмарной картины города, полного дыма и огня, можно было видеть взбесившихся зверей, вырвавшихся из своих разбитых клеток в зоологическом саду. Раненый аист проковылял мимо крупнейшей гостиницы города, которая представляла собой море огня. Ошеломлённый, ничего не соображавший медведь медленной и неуклюжей походкой пробирался через этот ад к Дунаю».

Подчеркнём, что британские лидеры, в отличие от «ошеломлённого» медведя, а также не менее ошеломлённых жителей Белграда и вообще всего Королевства, имели в случившемся свою выгоду. Ещё в июле 1939 г. в Югославии побывала миссия майора Колина Габбинса, британского эксперта в области организации саботажа, диверсий и партизанских движений. Задолго до вступления Королевства в войну на его территории активно действовали британские агенты, пытавшиеся организовать диверсии, чтобы ослабить его торговые связи с Германией и затруднить судоходство по Дунаю. Ведь достаточным «поводом для насильственных действий в дружественной нейтральной стране» для британских диверсантов было уже то, что через территорию этой страны проходили важные немецкие коммуникации и имелась значительная немецкая собственность. В январе 1941 г. Британия точно определила свои цели в Белграде, сформулированные Дж. Тэйлором в телеграмме на имя начальника «балканской» штаб-квартиры УСО в Стамбуле: «...В Югославии нам необходимо, во-первых, убедить югославский Генеральный штаб завер-

* Факт участия секретной службы Великобритании в путче 27 марта 1941 г. давно не вызывает сомнения.

шить... план подготовки массированных диверсий на Дунае, т. е. мы должны быть готовы с помощью взятки или иных средств использовать заряды в подходящий момент, невзирая на отношение к этому югославского правительства. А во-вторых, подготовить разрушение транспортных коммуникаций перед линией немецкого наступления и партизанскую войну за нею». Здесь и речи не шло о подготовке Югославии к обороне: британская разведка заранее «предвидела скорое югославское поражение и строила планы по слеокупационных диверсий и партизанской войны». Югославия была заранее обречена на кровавую партизанскую войну, неизбежно ведущую к массовым убийствам мирных жителей.

Даже горячим сторонникам британцев — сербским военным, возглавившим монархическое сопротивление в горах Югославии, к 1943 г. это стало ясно. Впервые свои мысли о британцах как «торговцах пушечным мясом», использовавших сербов за небольшие деньги и готовых биться на Балканах до последнего серба, лидер четников Дража Михайлович публично высказал 28 февраля 1943 г. в селе Горне Липово. А 23 октября 1943 г. он докладывал югославскому королевскому правительству: «Вам стоит знать, что нас англичане оставляют без денежных средств. Они используют и это средство для давления на нас, чтобы мы выполнили их требования без учёта наших интересов и несмотря на народные жертвы. Они требуют выполнения тех акций, которые приведут к десяткам тысяч расстрелянных заложников. При этом они не дают нам никаких боевых или денежных средств. За каждый самолёт [с боеприпасами. — *Прим. авт.*] они торгуются, как самые последние торговцы. Мы считаем, что, если бы на свете не было немцев, англичане были бы наихудшим народом».

А весной 1941 г. Югославия после десяти дней безуспешной обороны (Апрельская война) потерпела поражение. Кроме внешнего врага в спину королевской армии ударил враг внутренний — хорватские офицеры и солдаты, массово переходившие на сторону немцев, саботировавшие приказы командования и передававшие врагу важные документы.

После поражения Югославия была разделена между сопредельными странами — Германией, Италией, Венгрией, Болгарией и Албанией. Были образованы Независимое Государство Хорватия, включившее в себя территорию современной Хорватии, Боснии и сербской Воеводины, а также независимая Черногория под эгидой Италии. На некоторых из этих территорий (на землях, оккупированных Хорватией, Венгрией, Болгарией и подконтрольной Италии Албанией) начались этнические чистки, сопровождавшиеся геноцидом сербов и евреев, истреблением элиты, организацией лагерей смерти и немотивированными массовыми убийствами. Сама Сербия была оккупирована Германией. Сразу же после этого в горах Центральной Сербии стал формировать свои отряды полковник Дража Михай-

лович. Позднее собравшиеся вокруг него офицеры и солдаты, а также гражданские лица официально стали Югославским войском в Отечестве (ЮВвО), бойцов которого народ называл старым сербским словом «четники» — повстанцы.

В то же время КПЮ начала подготовку к вооружённому восстанию. Когда 22 июня 1941 г. Германия напала на СССР, руководство югославских коммунистов горячо откликнулось на призыв Коминтерна и сразу подняло революционное восстание, наиболее сильно разгоревшееся в Сербии к концу лета. К этому восстанию примкнули и четники, стремившиеся не выпустить инициативу из своих рук.

Стоит отметить, что один из первых крупных антинемецких диверсионных актов произошёл 5 июня 1941 г. в городе Смедерево, неподалёку от Белграда. В Смедеревской крепости немцы складировали свои трофеи — боеприпасы, принадлежавшие югославской армии. В результате взрыва на воздух взлетели значительная часть крепости и расположенный вблизи неё вокзал, по сути — весь центр города. Число погибших измерялось сотнями, поскольку по стечению обстоятельств это был базарный день, и в центре города собралось много крестьян из окрестных деревень. Кроме того, в этот день в Смедерево съехались гимназисты, получившие дипломы об окончании учёбы, прибывшие со всего района за заработной платой преподаватели и гастролировавшая в городе труппа Сербского народного театра. Больше всего погибших было в стоявшем у перрона в десяти метрах от крепости пассажирском поезде № 4714. Из-за жары идентификацию погибших производили на скорую руку, большая часть трупов была просто свалена в общую могилу и засыпана известью. Тогда виновники диверсии так и не были установлены. Немцы и их сторонники уверяли впоследствии, что её организовали коммунисты. Титоисты в послевоенное время пытались доказать, что взрыв был следствием неаккуратности немцев, куривших на складе с боеприпасами. Однако у всех версий была общая черта — их невозможно доказать. Трудно поверить как в неаккуратность немцев, так и в то, что югославские коммунисты (как вариант — советская разведка) могли послушаться Сталина, стремившегося всеми силами оттянуть начало войны. Если исключить простую случайность (например, самовоспламенение взрывчатки), то можно признать наиболее подходящим кандидатом на роль организатора взрыва британские спецслужбы. Учитывая дату взрыва, единственной страной, занимавшейся в то время диверсиями в придунайских районах, имевшей там разветвлённую агентурную сеть, а также активно использовавшей взрывчатку, была именно Великобритания.

Однако массовое восстание вспыхнуло в Югославии только в июле 1941 года. Немецкие войска в то время были полностью связаны на востоке. Силы для борьбы с повстанцами на Балканах были ограничены. Существовавшее в Сербии комиссарское

административное правление, опиравшееся лишь на остатки довоенной королевской полиции, помочь им в этом не могло.

Первым и самым простым вариантом для немцев было расширение зоны оккупации соседних государств (Болгарии, Хорватии, Венгрии и Албании) на всю территорию Сербии. Очевидно, что при всей простоте этот план таил в себе определённые опасности для интересов рейха: «повстанчество» могло проникнуть в соседние страны, стабильность в которых и так была нарушена в результате интеграции в них этнических сербских территорий, где также происходили беспорядки, хотя в то время (т. е. в августе 1941 г.) более умеренные, чем в Сербии. Другим способом было формирование сербского марионеточного правительства, которое пользовалось бы некоторым авторитетом у части населения и могло бы стать опорой немецкого оккупационного аппарата в борьбе с повстанцами.

Определённая политическая сила, на которую могли опереться немцы, в Сербии существовала — это движение «Збор» Димитрия Лютича. В 1931 г. боевой офицер Первой мировой войны и адвокат по профессии Лютич получил место министра юстиции. Ему было поручено навести порядок в министерстве и представить свои предложения по преодолению чрезвычайной ситуации, создавшейся после 6 января 1931 г., когда в результате громких террористических актов была приостановлена деятельность партий и парламента. Лютич обратился к королю с проектом новой конституции, предполагавшим децентрализацию государства и усиление местного самоуправления. В то же время проект предусматривал общее укрепление государства, отказ от национальных административных границ и ограничение диктата чиновничества. Король был верховным главой государства и опирался на сословное представительство, однако ему эти новшества показались чрезмерными. Александр склонялся к возвращению обычной парламентской демократии, уповая лишь на создание сильной партии, которая имела бы полностью промонархический характер. Проект Лютича был отвергнут, и королевский министр ушёл в отставку.

В конце 1931 г. вокруг Лютича стало собираться ядро людей, имевших общие идеалы и обсуждавших политическую ситуацию в стране и в мире. В 1933 г. они начали издавать газету под названием «Отечество», девизом которой стали слова Лютича: «Человек ищет свободы, а свобода ищет людей». К концу 1934 г. вместе с рядом примкнувших общественных организаций Сербии, Хорватии и Словении Лютич создал Югославское национальное движение «Збор». Его основой стали антикоммунизм, антисемитизм, неприязнь к масонам, традиционализм и религиозность (православная — для православных и католическая — для католиков), панславизм, поддержка кооперативного движения как противоположность олигархам из «некоренных народов», опора на местное само-

управление в противовес коррумпированной бюрократии, последовательное обличение мздоимцев. После смерти короля Александра в Югославии наступило настоящее буйство различных олигархических структур, словно марионетками управлявших парламентом, правительством и даже принцем-регентом. Обстановка в стране накалялась. Стоит отметить, что «Збор» наряду с КПЮ был редким примером неправительственной партии, которая включала представителей практически всех наций и национальных меньшинств, проживавших в Югославии. Вскоре «Збор», подобно КПЮ, оказался вне закона. Его митинги срывали, литературу уничтожали, а лидеров (в том числе и самого Д. Лютича) постоянно задерживала полиция. При этом численность членов «Збора» была сравнима с численностью коммунистов и составляла всего несколько тысяч человек. Стоит отметить, что в отличие от КПЮ, которая имела имидж «партии России», традиционно популярный в Сербии, «Збор» часто обвиняли в пронацистских симпатиях, хотя лидер партии от них отрекся. Д. Лютич оказался замешан и в финансовом скандале, связанном с деятельностью посреднической организации, занимавшейся экспортом в Германию кооперативной продукции. В результате успехом среди избирателей Лютич не пользовался, он и его партия ни разу не побеждали на выборах.

После начала Второй мировой войны Лютич и его сторонники поддерживали идею о нейтральности Югославии и противились сближению Королевства с немцами или англичанами как шагу, который неизбежно вовлечёт страну в войну. В ходе Апрельской войны Лютич и другие члены «Збора» выполняли свой воинский долг резервных офицеров до подписания королевской армией капитуляции.

Исключительная опора на Лютича не могла обеспечить марионеточному сербскому правительству массовой поддержки населения. Поэтому немцы старались найти для руководства правительством фигуру более авторитетную, по возможности «внеполитическую». Она и была найдена в лице генерала Милана Недича, офицера Генерального штаба, участника Первой мировой войны, известного своей аполитичностью. В 1939–1940 гг. Милан Недич был министром армии и флота Королевства Югославия. Но в ноябре 1940 г. он был смещён со своего поста, после того как подал на имя принца-регента Павла «меморандум», где дал пессимистический прогноз относительно исхода военного столкновения Югославии с силами «оси», которое, по его мнению, неминуемо «закончится позорным поражением». В ходе Апрельской войны генерал Недич оставался верным своей воинской присяге и боролся с противником до подписания капитуляции.

Во время взрыва в Смедерево генерал Недич потерял единственного сына, погибшего вместе со своей беременной супругой. К сломленному личным горем и государственной катастрофой генералу обра-

тились представители сербской элиты, среди которых были деятели всех сербских политических партий (кроме КПЮ), академики, профессора Белградского университета, представители сообществ адвокатов, инженеров, врачей, торговцев и др. Был среди них и Александр Белич, председатель Сербской королевской академии наук*. Кандидатуру М. Недича поддержал и его троюродный брат Д. Лютич. Причиной такого единения сербской элиты, оставшейся в стране, стал немецкий план раздела Сербии по оккупационным зонам и участие хорватских сепаратистов (ушастей), венгерских гонимых, царских болгарских войск и албанской милиции в подавлении восстания сербов. Плывшие по Дрине, Саве и Дунаю трупы повстанцев, связанные проволокой, и беженцы, прибывавшие из хорватской и венгерской зон оккупации, были достаточной мотивацией для появления такого консенсуса. Другим не менее важным мотивом было объявленное немцами (и проводившееся в жизнь в Крагуевце и более мелких сербских городах, охваченных восстанием) правило о расстреле по 100 заложников из числа местных жителей за одного убитого при нападении «лесных людей» (как их называли сербы) немецкого солдата и по 50 — за одного раненого.

Наконец, 29 августа 1941 г. Милан Недич сформировал так называемое «правительство национального спасения», начавшее создавать из полицейских и унтер-офицеров бывшей королевской армии собственные части для борьбы с повстанцами.

В Смедерево после взрыва царило всеобщее народное негодование против виновников трагедии, подогреваемое немцами, оказывавшими гражданскому населению помощь лекарствами и продуктами, помогавшими в проведении восстановительных работ. Комиссаром по восстановлению Смедерево стал Д. Лютич (это была его единственная должность до конца оккупации Сербии). В 1942 г. в центре этого города был воздвигнут памятник жертвам трагедии 5 июня**. К осени 1944 г. город был восстановлен, причём его центр с тех пор не изменился. Из числа участников расчистки завалов после взрыва в Смедерево, среди которых было немало членов организации «Збор», 14 сентября 1941 г. был сформирован Сербский добровольческий корпус (СДК) — самая надёжная сербская антипартизанская часть под командованием немцев. С самого начала в СДК входило 12 отрядов, каждый по 120–150 человек. К февралю 1942 г. в корпусе уже служили 172 офицера и 3513 добровольцев, т. е. всего около пяти батальонов. Командовал СДК полковник Константин («Коста») Мушицкий. В отличие от Сербской госу-

дарственной стражи (СГС) Милана Недича, представлявшей собой классические жандармские части, СДК был в высшей степени идеологизирован. К нему были приписаны не только военные священники, но и специальные «просветители» (своего рода политруки), занимавшиеся активной пропагандой идеей «Збора», из которых предусмотрительно исключили панславизм, заменив его идеей возрождения Сербии.

Немецкие воинские подразделения, отряды добровольцев и жандармерии к концу осени 1941 г. смогли прижать повстанцев к юго-западным границам Сербии, а потом и вовсе вытеснить их в Черногорию и Боснию. В это же время произошёл разрыв между партизанами и четниками. Причиной его стало стремление партизан установить коммунистическую власть в освобождённых районах страны, в то время как четники настаивали на восстановлении в Сербии довоенных порядков и на подчинении партизан Д. Михайловичу. В результате между КПЮ и ЮВвО разгорелась настоящая война. При этом немцы с ожесточением боролись и с теми, и с другими.

Ещё большую запутанность ситуации придавало сотрудничество между четниками и недичевцами, офицеры которых испытывали искреннюю симпатию к Михайловичу и помогали ему оружием и боеприпасами. Гражданские чиновники недичевского аппарата поддерживали их денежными средствами. Это сотрудничество зашло так далеко, что немцам пришлось арестовать некоторых недичевских офицеров, в том числе командира СДК К. Мушицкого (позднее выпущенного и вернувшегося к своим обязанностям). В то же время отдельные группы четников были «легализованы» и в качестве компактных боевых единиц (без перебазирования) продолжили борьбу с партизанами уже как формирования Недича. Время от времени немцы разоружали некоторые из этих частей, если их командиры теряли осторожность и слишком явно демонстрировали свою лояльность Михайловичу. Этот процесс «легализации» / «делегализации» отдельных мелких сербских частей шёл до осени 1944 года.

После отступления партизан в Боснию и Черногорию вплоть до осени 1944 г. Сербия оказалась вне зоны военных действий. Произошёл как бы раздел «сфер влияния» между Недичем и Михайловичем. Один правил в крупных городах, а другой полностью держал под контролем сельскую местность и горные районы. В провинции большинству чиновников недичевской администрации приходилось проявлять двойную лояльность — и Недичу, и Михайловичу. После того как партизаны были фактически вытеснены из Сербии, а в стране остались лишь

* Выпускник Московского университета Александр Белич (1876–1960) был выдающимся сербским филологом, профессором и ректором Белградского университета, председателем Сербской академии наук с 1937 по 1960 год. С 1927 по 1940 г. он занимал должность председателя Государственной комиссии по приёму и размещению русских беженцев. Стоит отметить, что в послевоенное время Александр Белич был избран почётным доктором МГУ им. М. В. Ломоносова.

** Он сохранился до сих пор и является местом ежегодного проведения литургий.

коммунистическое подполье и мелкие партизанские группки, отношения между ЮВвО и отрядами СДК стали накаляться. Одни видели в соперниках «прислужников нацистов» и «православных фанатиков», пытавшихся стать «святое папы». Другие с неприязнью относились к «наёмникам англосаксонской плутократии». В дело вмешивались и иностранные покровители. Британские офицеры связи требовали усилить борьбу против оккупантов, что было куда легче осуществить, убивая коллаборационистов, а не покушаясь на самих немцев. С другой стороны, и немцы требовали усиления борьбы не только против пропартизанского подполья, но и против четников («отрядов ДМ», как они их называли). Естественно, что в таких условиях не могло не прийти до расправ, жертвами которых, как правило, становились наиболее «непримиримые» из лагеря противника. Однако не стоит забывать и то, что недичевский аппарат был исключительно полезен и для ЮВвО, поскольку играл роль своеобразного посредника между оккупационными властями и четниками. Вне Сербии, где такой «прокладки» не было, лидерам ЮВвО приходилось самим вступать в тесные контакты с оккупационным режимом, чтобы обеспечить свою деятельность (после 1943 г.) или разграничить зоны влияния и избежать жертв среди мирного населения.

В конце 1943 г. англичане окончательно прекратили поддерживать отряды ЮВвО, начали сотрудничать с партизанами Тито и согласились с переходом Югославии в советскую зону влияния. Политика Черчилля в декабре 1943 г. была направлена на поддержку Тито в Югославии и противодействие Народно-освободительной армии Греции (ЭЛАС). С другой стороны, с начала 1944 г. усилились попытки партизан прорваться в Сербию из Боснии. Их сдерживали не только немцы, но и гарнизоны сформированного из эмигрантов Русского охранного корпуса, СГС и СДК Милана Недича, а также отряды четников, перекрывавших наиболее труднодоступные места. В результате сотрудничества между командирами ЮВвО и представителями недичевской администрации, полиции и военнослужащих упрочилось. Наконец, 17 мая 1944 г. в селе Брджане вблизи города Горни Милановац состоялась встреча Д. Лютича и представителей ЮВвО — генерала Мирослава «Дрони» Трифуновича, командующего отрядами ЮВвО в Сербии, и Драгиши Васича, члена Центрального национального комитета («теневого правительства», сформированного Михайловичем). А 20 августа 1944 г. в селе Ражан неподалёку от Валево Дража Михайлович, подполковник Балетич, майор Лалатович, капитан Рачич и поручик Калабич «на высшем уровне» встретились с премьером Миланом Недичем, главой его администрации генералом Миодрагом Дамьяновичем и градоначальником Белграда Драги Йовановичем. В результате состоявшихся переговоров была достигнута договорённость о полном

боевом сотрудничестве против «коммунистов Тито», о взаимном «ненападении», о помощи деньгами, оружием и припасами, которую должны были получить четники.

После вступления Красной армии на территорию Сербии правительство М. Недича было распущено. В полночь 4 октября 1944 г. состоялось последнее его заседание, после которого генерал Недич покинул Сербию и выехал в австрийский Кицбил. Бойцы отрядов Недича, полиция и СГС частично разбежались, частично примкнули к отрядам Д. Михайловича. Д. Лютич вместе с формированиями СДК направился в Словению, где попытался осуществить свои планы по формированию единого блока югославских антикоммунистов. Д. Михайлович отступил в горы Восточной Боснии. Позднее, уже в апреле 1945 г., Д. Лютич погиб в автокатастрофе. М. Недич после окончания войны был арестован в Кицбиле англичанами, которые 1 января 1946 г. передали его титовской Югославии. Согласно официальной версии вскоре после этого (4 февраля) М. Недич покончил с собой, выпрыгнув из окна во время допроса. Таким образом, и Д. Лютич, и М. Недич избежали формального суда и не были осуждены. Д. Михайловича арестовали 12 марта 1946 г. в районе Вишеграда (Босния) в результате сложной агентурной операции титовских спецслужб. После публичного суда, построенного по образцу сталинских процессов 1930-х гг., генерал Михайлович был осуждён за организацию ЮВвО, сотрудничество с оккупантами и борьбу против партизан.

Черты коллаборационизма можно найти в деятельности и М. Недича, и Д. Лютича, и Д. Михайловича. Наиболее точно укладывается в классификацию Х. Сетон-Ватсона М. Недич как яркий представитель четвёртого типа.

Д. Лютича можно с некоторыми оговорками отнести к первому типу коллаборационистов, хотя, конечно, его довоенная риторика и политическая практика вовсе не копировали нацистские или фашистские идеи: основой его идеологии был православный фундаментализм, граничащий с фанатизмом, а внешнеполитическим кредо — строгий нейтралитет.

Д. Михайлович, с ещё большими оговорками, чем Лютич, может быть отнесён к пятой категории коллаборационистов, причём его коллаборационизм проявлялся эпизодически и не был последовательным. Основным доказательным материалом против него даже на суде были лишь действия некоторых его офицеров. Прямых же доказательств о каких-либо договорённостях между Д. Михайловичем, немцами и/или итальянцами (по крайней мере до 1943 г.) так и не было обнаружено.

Поскольку деятельность Д. Михайловича и Д. Лютича в годы войны была связана в основном с соответствующими воинскими формированиями (ЮВвО или СДК), то их роль в событиях Второй мировой войны в Сербии установить сравнительно

легко. Более сложно обстоит дело с генералом М. Недичем, который в течение трёх лет находился во главе сербского государства.

Нацистская верхушка с неприязнью относилась к славянским народам, особенно к тем, которые симпатизировали идеям межславянской общности (русским и сербам). В ходе личной встречи Милана Недича и Гитлера, состоявшейся в Оберзальцберге 15 сентября 1943 г., глава сербского государства произвёл на фюрера хорошее впечатление. Однако единственной уступкой, на которую Гитлер был готов пойти в то время (уже отгремела Курская битва, а американцы высадились в Италии) было всего лишь разрешение сформировать «для борьбы с партизанами» еще пять батальонов СДК, состав которых, таким образом, должен был вырасти до пяти полков по два батальона в каждом. Ни возобновить деятельность Белградского университета, ни освободить из-под стражи патриарха, ни воссоединить с недичевской Сербией этнически сербские районы Восточной Боснии и Северной Черногории Гитлер не позволил.

Таким образом, несомненно, в деятельности Милана Недича в 1941–1944 гг. достаточно много очевидных фактов коллаборационизма: помощь немцам в экономической эксплуатации Сербии, создание условий для гражданской войны (в которой сербы убивали сербов). С другой стороны, нельзя не отметить и то, что в нынешнем восприятии сербского народа кроме этого очевидного общего «пассива» в деятельности генерала Милана Недича существует и определённый «актив». К нему стоит отнести стабилизацию ситуации в годы его правления, благодаря чему сербы в Сербии не понесли столь жестоких потерь, как на территориях, подконтрольных хорватам, венграм, албанцам и болгарам. Другим немаловажным фактом была стабилизация экономики страны, что позволило сохранить жизнь тысячам сербских беженцев из независимой Хорватии (под угрозой

смерти, без еды и предметов первой необходимости). Каждый прибывший в Сербию нашёл там пищу, помощь и трудоустройство, что спасло жизнь многим. Хотя права и полномочия М. Недича были очень ограничены, ему всё же удалось наладить подобие нормальной жизни на подконтрольном ему остатке территории довоенной Сербии. Благодаря этому многим людям удалось выжить, дети получали образование, а старики — пенсию. Наконец, немаловажно и то, что М. Недич и Д. Лютич, несмотря на настойчивые уговоры немцев, отказались посылать на Восточный фронт сербские части, даже в количестве чисто символическом. Осенью 1944 г. подконтрольные им соединения, как и четники генерала Михайловича (пытавшегося на первых порах даже организовать сотрудничество ЮВВО с РККА), покинули Сербию, не вступая в боевые действия с Красной армией. Таким образом, в отличие, например, от солдат соседних Венгрии, Румынии или Хорватии, солдаты генерала Недича не смотрели на русских через прицелы своих автоматов*.

Гражданская война и коллаборационизм в Сербии и Югославии оказали большое влияние на послевоенную жизнь страны. Немалую роль в событиях 90-х гг. прошлого века в Хорватии и Боснии сыграли реальные или сконструированные воспоминания некоторых народов Югославии о событиях Второй мировой войны на Западных Балканах. Поиски государственной комиссией мест захоронений Д. Михайловича, непрекращающиеся попытки муниципалитета в Смедерево назвать центральную площадь именем Д. Лютича, обсуждение в сербской Скупщине вопроса об уместности или неуместности помещения в «галерею премьер-министров» на стенах республиканского парламента портрета М. Недича показывают, что события Второй мировой войны в Югославии всё ещё не получили окончательной оценки сербского общества.

¹ Seton-Watson H. The East European Revolution. London, 1956. Димитриевић Б., Николић К. Генерал Михащовић. Биографија. Београд, 2004.

² Павловић М., Младеновић Б. Коста Миловановић Пећанац. Биографија. Београд, 2006.

³ Manojlovic O. «Jbiroka strana moja rodnaja». Spomenici soyjetskim vojnicima podizani u Srbiji 1944–1954 // Tokovi istorije. 2005. № 1–2.

⁴ Глигорщевић Б. Коминтерна, југословенско и српско питање. Београд, 1992.

⁵ David A. T. Stafford, Soe and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941 // Slavic Review. 1977. Vol. 36. № 3. September.

⁶ Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936–1941). Москва, 1969.

⁷ Черчилль У. Вторая мировая война. Москва, 1991. Кн. 2.

⁸ Белов Н. Я был адъютантом Гитлера. Смоленск, 2003.

⁹ Mackenzie W. The Secret History of SOE: Special Operations Executive 1940–1945. London, 2000.

¹⁰ Љботић Д. Биографија / Сабрана дела. кн. I. Београд, 2003.

¹¹ Краков С. Генерал Милан Неди. Београд, 1995. кн. I.

* На 26 июня 1945 г. в плену в СССР находилось 2176 сербов, в том числе 18 офицеров. Большая часть пленных ранее служили в составе венгерских «штрафных рот» (строительных). Сербские военнослужащие были также в составе хорватских частей, воевавших на Восточном фронте. Наконец, отдельные сербские военнослужащие из состава ЮВВО, СДК и пр. были взяты в плен войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов уже на территории Югославии.

- ¹² Карапанцип Б. М. Граб,ански рат у Србији 1941–1945. Београд, 1993.
- ¹³ Николић К. Италијанска војска и четници у Другом светском рату 1941–1943. Београд, 2009.
- ¹⁴ Neubacher H. Sonderauftrag Sudost, 1940–1945. Bericht eines fliegenden Diplomaten. Berlin-Frankfurt, 1956.
- ¹⁵ Издајник и ратни злочинац Дража Михаиловић пред судом: стенографске белешке и документа са суђења Драгољбу-Дражи Михаиловићу. Београд, 1946.
- ¹⁶ Mommsen H. Serbische Nationale Freiwilligen-Verbande / Gutachten des Institute fur Zeitgeschichte. V. II. Stuttgart, 1966.
- ¹⁷ Загорулько М. М., Сидоров С. Г., Царевская Т. В. Военнопленные в СССР: 1939–1956 гг. Документы и материалы. Москва, 2000.
- ¹⁸ Paunić. Sećanja na ratne dane 1941–1945. Novi Sad, 1997.

**Кормилицын Сергей Владимирович, кандидат исторических наук,
ведущий специалист Управления информации
Администрации губернатора Санкт-Петербурга**

Коллаборационизм или предательство? «Идейные предшественники» генерала Власова

Каждый раз, когда в дискуссии речь заходит о Власове и «власовщине», о мотивах, подвигнувших советского генерала не просто сдать в плен, а выступить на стороне противника, так или иначе обычно упоминают и о его «идейных предшественниках» — европейских коллаборационистах, соглашателях, выступивших против собственных народов на стороне гитлеровской Германии. Между тем даже поверхностное изучение политической картины, сложившейся в Европе в первой трети XX в., свидетельствует о том, что речь идёт о двух разных явлениях.

В принципе в отношении европейских соглашателей можно говорить о таком парадоксальном явлении, как «коллаборационизм без коллаборационизма». Дело в том, что Европа начала XX в. была готова принять нацизм, который был плоть от плоти европейской культуры. Он не был для европейцев чем-то чуждым. Напротив, их пугала его идеологическая противоположность — социализм. Социалисты после череды революций, которые привели к падению правящих династий, радикальным и не всегда позитивным переменам в обществе, стали в ту пору подлинным жупелом для Европы. Последователи Муссолини и Гитлера выглядели на их фоне образцом законопослушности и буржуазной культуры — людьми, уважающими частную собственность и не стремящимися к чрезмерным социальным преобразованиям. Расправившись с левым крылом своей партии и оставив слово «социализм» лишь в её названии, лидер Третьего рейха продемонстрировал Европе, что бояться его не стоит. Поэтому-то соглашения с ним не считались зазорными, хотя, как показал опыт Мюнхенского сговора, зачастую они приводили к трагическим последствиям. На контакт с Гитлером с лёгкостью шли самые разные силы, даже те, которые, казалось бы, должны были ему противостоять. Ярчайший тому пример — соглашение с Римским престолом, пресловутый «Имперский конкордат», который до сих пор лежит несмываемым грязным пятном на сутане Ватикана.

Да и в идеологическом плане ни Муссолини, ни Гитлер не сказали в принципе ничего такого, что могло бы испугать европейцев. Возрождение величия католического Рима? Ну что ж, итальянцы вполне в своём праве, хотя получается это у них слегка комично. Социал-дарвинизм? Так ведь им Европа бабовалась на протяжении чуть ли не полувека, причём вовсе не немцы были его первооткрывателями: тут приложил руку скорее француз Гобино, чем Розенберг и Гитлер. А что до уничтожения идеологических противников — так кого это могло удивить? Борьба за власть — есть борьба за власть, и не более. То есть ни в идейном, ни в идеологическом плане фашизм и национал-социализм никого не отталкивали. Поэтому мысль о союзе с Гитлером, которая испугала бы современного человека, для европейца первой трети XX в. вовсе не была невероятной. Напротив, национал-социализм был даже в определённой мере привлекателен, и партии по образу и подобию гитлеровской формировались в то время повсюду — в Австрии, Франции, Норвегии, Великобритании, даже среди русских эмигрантских кругов в Китае.

К примеру, очень популярной фигурой во Франции 1920-х гг. был Жорж Валуа — ветеран Первой мировой войны, публицист и оратор, основатель и лидер «Союза бойцов и производителей». В своей книге «Фашизм», изданной в 1927 г., он уже призывал к созданию гибрида социализма и национализма как действенного средства для борьбы с засильем индивидуализма и либерализма в современном ему обществе. По его словам, только национальное государство могло снять партийные и классовые противоречия в обществе. Гитлеровская партия ещё только-только набирала популярность в Германии, а в Союзе, созданном Валуа, уже состояли несколько тысяч служащих, мелких предпринимателей, представителей интеллигенции и отставных солдат. Можно назвать и другие партии и политические силы, ставшие впоследствии кадровой базой коллаборационизма: военизированную организацию Марселя

Бюкара «Парижские синие рубашки», Французскую социальную партию полковника Де ла Рока. Правда, они возникли несколько позже, уже в 1930-е гг., так что партия Валуа — пример более наглядный.

Разумеется, речь идёт не только о Франции. В Голландии действовала своя национал-социалистическая партия, созданная Антоном Адрианом Мюссертом. Именно она стала «пятой колонной», помогавшей немецким оккупационным властям устанавливать «новый порядок». Нидерланды поставляли немецкой армии добровольцев, из которых состояла 23-я дивизия СС «Недерланд». В Бельгии опорой нацистов были члены возглавленной Леоном Дегрелем национал-социалистической партии «рексистов» и члены добровольческого легиона СС «Валония».

Как ни печально, таких людей было намного больше, чем принято говорить. Во всяком случае, намного больше, чем участников Сопротивления, поскольку число последних традиционно увеличивалось в разы только после освобождения той или иной страны союзниками. При этом внешние проявления Сопротивления могли быть настолько невнятными, загадочными и малопонятными для оккупантов, что на них просто не обращали внимания. Так, скажем, в Австрии противники оккупационного режима помечали стены домов загадочной аббревиатурой «o5», намекая этим, что их страна по-прежнему является империей (Oesterreich), а не одной из областей рейха (Ostmark). А в Норвегии фрондирующие интеллигенты выходили на улицы, прицепив на лацканы пиджаков канцелярские скрепки, — чисто норвежское изобретение, намекающее на то, что германский порядок не заставит норвежцев перестать быть норвежцами. Вероятно, от законопослушных европейцев такое «отчаянное» фрондёрство требовало немалых моральных сил и всей отпущенной им природой смелости. Однако даже с сегодняшних позиций это выглядит несколько странно, если не сказать — смешно. Возникает ощущение, что война в Европе и война в СССР — это две совершенно разные войны.

Конечно, если мы будем говорить о борьбе против оккупантов на территории Советского Союза, то неизбежно выяснится, что вокруг реальных боевых действий, саботажа и диверсий скопилось немало вымысла, мифов, а то и откровенной подтасовки фактов, что на самом деле всё было не настолько масштабно, как мы с детства привыкли думать. Однако никто не будет спорить, что партизанская борьба была, причём велась она не на жизнь, а на смерть, что рейды отрядов Ковпака по вражеским тылам причиняли немцам серьёзное беспокойство, что за спиной у наступавшей армии противника взлетали на воздух мосты, обрывались пути снабжения, ликвидировались склады. То есть был реальный стержень, вокруг которого вполне могла скопиться разнообразная «накипь».

Но в Западной Европе такого стержня не было. И даже относительно активное сопротивление во Франции нельзя считать всенародным, поскольку

соглашателей было больше. Именно они, а не участники Сопротивления, составляли подавляющее большинство. И подавляющее настолько, что сегодня популярные европейские авторы с лёгкостью оправдывают коллаборационистов и «заступаются» за добровольцев легионов СС, тем более что одним из наиболее ярких информационных трендов сегодня является всеобщая толерантность. Мало того, по данным интернет-опроса, 22% участвовавших в нём российских пользователей вовсе не считают коллаборационистов предателями, а ещё 24% склонны «входить в их жизненные обстоятельства». Нельзя не отметить, что цифры эти, мягко говоря, тревожат.

Само понятие «преступное соглашательство», собственно коллаборационизм, оказалось на слуху после того, как политика гитлеровской Германии стала неприкрыто агрессивной, т. е. после оккупации стран Бенилюкса и Франции. При этом об Австрии, скажем, и речь не идёт, поскольку аннексия ближайшего немецкоязычного соседа не вызвала у европейцев никакого протеста, даже у тех, кто боялся нового усиления Германии и повторения бисмарковского объединения немецких земель. И тот же самый Артур Зейсса-Инкварт — коллаборационист по своей сути — вовсе не воспринимался общественностью как предатель. И только тем, кто пошёл по его пути во Франции, Бельгии и Нидерландах, было брошено в лицо это обвинение. Впрочем, далеко не сразу и не всеми, что характерно.

Безусловно, надо понимать, что среди коллаборационистов были люди разные. Многие из них, несмотря на закрепившуюся за ними дурную славу соглашателей, были более чем достойными гражданами. Достаточно назвать, к примеру, Анри Петена — героя Первой мировой войны, маршала Франции, который, подписав капитуляцию Франции, заявил, что «лучше стать нацистской провинцией, чем британской колонией». И тех, кто на тот момент разделял его точку зрения, нашлось немало. Руководствуясь именно этой логикой, он и стал главой коллаборационистского правительства.

Не менее достойным прошлым могли похвастаться министр иностранных и внутренних дел вишистского правительства Пьер Лаваль, ушедший в 1914 г. на фронт добровольцем, и Жан-Луи Дарлан — героический командир морской батареи в Первую мировую войну, ставший военным министром Петена. Нельзя не упомянуть и датского короля Христиана X. Когда немецкие войска подошли к границе с Данией, он призвал свой народ не оказывать им сопротивления, в результате чего на протяжении почти всей войны в стране сохранялась видимость независимости: король оставался на троне; правительству подчинялись армия, флот и полиция; свободно работали государственные учреждения; практически не подвергались репрессиям цыгане и евреи.

Вполне понятно, что заставило этих людей пойти на сотрудничество с Гитлером: они просто

не видели иного выхода. Считая национал-социализм не таким уж опасным явлением, они предпочли иметь дело с ним, а не со Сталиным; или с Германией, а не с Англией.

С другой стороны, были и те, кто ждал прихода оккупантов как манны небесной, строя на этом свои личные планы, свою политическую карьеру. Назовём буквально несколько наиболее характерных имён. В первую очередь, это Жак Дорио, близкий знакомый Ленина и Троцкого, пацифист, из идеологических соображений сдавшийся в плен немцам во время Первой мировой войны. К середине 30-х гг. он круто поменял свои политические воззрения и из коммуниста превратился в нациста, основав Французскую народную партию (ФНП), весьма похожую на Национал-социалистическую рабочую партию Германии. Думается, этого персонажа неплохо характеризует то, что вскоре после оккупации Франции он получил чин лейтенанта СС. Второе имя — Жозеф Дарнан. В отличие от Дорио, в Первую мировую с немцами он воевал, что не помешало ему в период оккупации возглавить подконтрольную вишистскому правительству карательную структуру, проводившую аресты членов Сопротивления и прочих «неблагонадёжных» граждан, которым не нравился новый порядок. Неудивительно, что в 1943 г. он получил звание майора СС и стал шефом французской полиции. Наконец, нельзя не вспомнить Поля Мариона — тоже коммуниста, вступившего впоследствии в ФНП и отвечавшего в правительстве Виши за информацию и пропаганду. Параллельно он возглавлял Комитет друзей войск СС.

Ещё одно имя, которое просто нельзя не назвать, — Видкун Квислинг. Этот двойной предатель не только презрел интересы собственного народа, но и нарушил присягу, принесённую им норвежскому королю. Хокон VII Норвежский, в отличие от своего датского собрата, не принял немецкого ультиматума. Норвегия оказала сопротивление оккупантам, и почти два месяца ей удавалось сдерживать мощь военной машины рейха. Для небольшой по европейским меркам страны это своего рода рекорд. Но речь не об этом. Когда немецкие войска вошли в Осло, Видкун Квислинг — лидер национал-социалистической партии «Народное собрание», не самой крупной и далеко не

самой популярной в стране, объявил о создании нового норвежского правительства, а себя провозгласил его главой, приказал арестовать короля и прекратить сопротивление. В глазах всего мира он стал не просто коллаборационистом, но дважды предателем. От этого клейма ему не удалось избавиться до последних дней жизни, а словечко «квислинг» стало расхожим обозначением для предателей любого сорта. Пребывание такого человека у власти настолько разгневало норвежцев, что спустя всего пять дней правительство «квислингов» было распущено.

Что же в итоге? В итоге мы можем констатировать, что «соглашательство» Европы с Гитлером произошло задолго до того, как впервые заговорили о коллаборационизме и коллаборационистах. Одни европейские политики — плоть от плоти современного им общества — были заранее готовы пойти на союз с Гитлером. Тот представлялся им наименьшим злом, силой, которую можно если не подчинить, то приручить, а то и признать руководящей. Другие — заранее рассматривали нацизм как козырную карту, которую можно разыграть на пёстром сукне европейского стола. В любом случае, думается, можно смело говорить об общем идеологическом кризисе Европы накануне Второй мировой войны, о том, что главная причина её соглашательства состояла в отсутствии идеи, которую можно было бы противопоставить нацизму. О том, что Европа покорила Третьему рейху ещё до того, как он стал по-настоящему опасен, из врага потенциального превратился во врага явного.

Пожалуй, тут-то и кроется основная системная ошибка, лишаящая смысла любые попытки уравнивать предательство генерал-лейтенанта Власова и коллаборационизм европейцев. Если говорить о Петене и короле Христиане X или даже о Дорио и Дегреле, то к ним понятие коллаборационизма вполне применимо. В случае же с Андреем Власовым речь может идти только о предательстве. Сравнить Власова с его «идейными предшественниками» бесполезно и бессмысленно. В отличие от коллаборационистов Европы, он прекрасно представлял себе суть нацистского режима и видел, на чьей стороне выступает против собственного народа. Любая попытка по-другому оценить его действия — как минимум аморальна.

Архимандрит Тихон (Шевкунов), наместник Сретенского монастыря

Исторические персонажи как оружие в назойливых дискуссиях и информационных войнах

Я хотел бы представить вашему вниманию не доклад, а лишь небольшое сообщение.

В сентябре нынешнего года в разгар навязанных нам дискуссий о личности генерала Власова я имел неосторожность напечатать в «Известиях» следующее: «...Пока дети в России, угадывая имя героя войны, будут называть генерала Карбышева,

а не генерала Власова, у нашей страны есть будущее». На днях я встречался со студентами нашей московской Сретенской семинарии. Это высшее учебное заведение, где учатся студенты со всей России. Сначала я обратился к самым младшим, к первокурсникам, и спросил, знают ли они, кто такой генерал Карбышев? Из 35 человек подняли руку только двое.

На втором курсе имя генерала Карбышева знали тоже двое, на третьем, четвёртом — двое–трое. И только на пятом, где читается специальный курс отечественной истории XX в., о Карбышеве знали все. Замечу, что наши студенты воспитывались в православных семьях, где любовь к Родине в большинстве случаев прививается и культивируется с детства. Думаю, что родители этих студентов, так же как и я, будут поражены результатами этого опроса. Скорее всего, они твёрдо уверены, что такого рода знания, несомненно, сообщаются детям в школе.

Нам говорят о нецелесообразности единого учебника по истории нашей страны, приводят аргумент, что учебники должны быть разнообразными и выражать различные точки зрения. Но складывается тревожное впечатление, что при всём декларируемом разнообразии эти учебники как раз удивительно однообразны. Студенты Сретенской семинарии приехали со всей России, а значит, учились по разным учебникам, но результат один: почти никто не знает о такой личности, как генерал-лейтенант Дмитрий Михайлович Карбышев. И лишь один студент сказал, что узнал о Карбышеве в школе. А жил и учился он в Казахстане, в городе Петропавловске.

Потом я задал другой вопрос: кто знает кто такой генерал Власов? Подавляющее большинство подняло руки. На вопрос о том, что они знают о Власове, ответы разнились от «инициатора национально-освободительной борьбы» (этих, слава Богу, было немного) до «изменника, который предал свою Родину». Таких ответов, к счастью, было значительно больше. Были и те, кто вынес из курса средней школы смутное представление о том, что вопрос этот неясный. И хотя почти ничего о Власове они не знают, но, по их мнению, негатив о нём — это советская пропаганда, и вполне возможно, что именно он, Власов, и был настоящим героем войны.

Было бы странно, если бы в молодых головах такие мысли не возникали, когда, например, в школьном учебнике И. И. Дауцкого для 10–11-х классов помещена фотография А. А. Власова с подписью: «А. А. Власов перед солдатами РОА. Освободитель или изменник?»

Итак, перед нами результаты очередного сокрушительного поражения в очередной информационной войне. Цели оппонентов вполне достигнуты хотя бы потому, что о Карбышеве в молодёжной среде не знает почти никто, а о Власове, напротив, знают поч-

ти все. О нём активно спорят, обсуждают его правоту или неправоту, возможность перехода на сторону противника, если «правительство неправильное», и т. п. Но ведь мы прекрасно понимаем, что, в сущности, не имеет особого значения, в каком контексте идёт обсуждение, поскольку согласно простейшим и столь эффективным в сегодняшнем обществе законам рекламы — лишь бы имя было на слуху. Да и цель ясна — по сильнее взбудоражить общество, а дальше сработает принцип, который так замечательно был сформулирован во время Французской революции «другом народа» Маратом: «Постоянно поддерживая народ в возбуждённом состоянии, пока основу существующего строя составят справедливые законы».

Этот тезис сегодня актуален как никогда. Вот, например, что не без удовлетворения констатирует известный американский советолог Стивен Коэн, имея в виду ещё одного исторического деятеля, имя которого уже много лет последовательно используется для «поддержания народа в возбуждённом состоянии»: «Сталинский вопрос имеет отношение ко всей советской, даже российской, истории, пронизывает и заостряет современные политические вопросы. Сталинский вопрос запугивает как высшие, так и низшие слои общества, сеет распри среди руководителей, влияет на принимаемые ими политические решения, вызывает шумные споры в семьях, среди друзей, на общественных собраниях. Конфликт принимает самые разнообразные формы: от философской полемики до кулачного боя».

Итак, в качестве чрезвычайно эффективного оружия в нынешних информационных войнах успешно используются фигуры исторических деятелей из средневековой и новейшей истории. Их имена — царей, гетманов и генеральных секретарей — у всех на слуху. Цели этих назойливых дискуссий очевидны: как с печалью предсказывал покойный старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин), нам будут навязывать «смущение, смятение и неразбериху».

Но главная проблема всё же, как всегда, в нас самих. И, возвращаясь к статье в «Известиях», с которой я начал своё сегодняшнее сообщение, позволю себе переписать её концовку: «Если мы наконец не сделаем всё, чтобы дети в нашей стране узнали и полюбили великие имена и подвиги своих предков, то люди нового поколения вынуждены будут выбрать для себя в герои тех, кого им навяжут, а не тех, о ком мы не нашли ни возможности, ни времени рассказать».

Дробязко Сергей Игоревич, кандидат исторических наук

Восточные формирования в составе вермахта. проблема определения численности

Численность советских граждан, служивших в 1941–1945 гг. в рядах германских вооружённых сил, является одним из показателей масштабов коллаборационизма, т. е. сотрудничества с врагом, причём наиболее активной его формы. Эта цифра до сих пор

остаётся одним из спорных вопросов истории Второй мировой войны. Так, в зарубежной литературе уже полвека имеет хождение цифра в 1 млн человек, основанная, как правило, на оценках германского командования о количестве представителей различных

народов СССР, состоявших в рядах вермахта и других военизированных формирований Третьего рейха, а также на сводных данных о численности отдельных категорий таких военнослужащих. При этом данная цифра (её иногда увеличивают вдвое и больше) вплоть до сегодняшнего дня часто служит одним из главных аргументов для тех, кто пытается поставить знак равенства между сотрудничеством советских граждан с противником и их сопротивлением коммунистическому режиму.

В отечественных публикациях по данной проблеме, напротив, прослеживается тенденция занижения численности наших соотечественников, состоявших на службе в войсках противника. Причём если в «доперестроечные» годы соответствующие издания и публикации избегали называть конкретные цифры, рассуждая лишь о «ничтожной кучке предателей», то в последнее время некоторые авторы приводят собственные математические выкладки, не подкреплённые, однако, никакими документальными материалами. Примером этому, в частности, могут служить данные Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте РФ, согласно которым за годы войны в составе строевых и нестроевых формирований германской армии и полиции служило 250–300 тыс. советских граждан, в том числе 180 тыс. военнопленных. Эти цифры получены в результате простого сложения данных о составе нескольких наиболее крупных формирований и отдельных категорий «восточных добровольцев», зачастую не подтверждённых документально и существенно противоречащих имеющейся информации.

Чтобы получить верное представление об этой проблеме, необходимо обратиться к документам германского командования, фиксирующим численность так называемых «восточных» войск. Прежде чем перейти к обзору этих материалов оговорим основные категории формирований, которые будут в них упоминаться. Согласно документам германского командования, закреплявшим организационные основы и статус «местных вспомогательных сил», последние подразделялись на три основные категории: (1) боевые части, включавшие формирования восточных легионов из представителей нацменьшинств, казачьи части, а также восточные батальоны и роты, состоявшие главным образом из русских и украинцев; (2) охранные и полицейские части в оккупированных районах, подведомственные военной администрации; (3) добровольцы вспомогательной службы в составе немецких частей (так называемые «хиви» — от немецкого *хильфсвиллиге*: добровольные помощники, или, буквально, желающие помочь). К вышеперечисленным категориям не относятся вспомогательная полиция рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина», а также добровольческие формирования войск СС.

Боевые части. Создание германским командованием восточных легионов — частей, сформированных из представителей тюркских, кавказских

и угрофинских народов СССР, помимо чисто военных целей преследовало и цели политические: привлечь на свою сторону национальные меньшинства Советского Союза под лозунгами борьбы против большевизма и русификации. Решение об организации первых четырёх легионов — Туркестанского, Кавказско-магометанского, Грузинского и Армянского — было принято в ноябре 1941 г., а уже в январе-феврале 1942 г. на территории Польши были организованы центры формирования, куда из лагерей стали направлять военнопленных соответствующих национальностей. В мае 1942 г. на территории Полтавской области Украины на базе штаба 162-й пехотной дивизии вермахта был создан ещё один такой центр. В августе 1942 г. Кавказско-магометанский легион был переименован в Азербайджанский и из его состава, как и из состава Грузинского, были выделены представители различных горских народов, объединённые в Северокавказский легион. Тогда же был создан Волжско-татарский легион (который называли также Волжско-Уральским — «Идель-Урал»), объединивший в своих рядах поволжских татар, башкир, марийцев, мордву, чувашей и удмуртов.

Сформированные батальоны направлялись на фронт или в тыловые районы для несения охранной службы. Осенью 1942 г. некоторые из этих батальонов приняли участие в боях против Красной армии на Северном Кавказе, где часть их личного состава, воспользовавшись случаем, перешла на сторону противника. Ненадёжные части снимались с фронта, разоружались и переформировывались во вспомогательные. Процесс разложения восточных легионов усилился в 1943 г. под воздействием военных неудач Германии. Из-за участия в случаях перехода легионеров на сторону советских войск и партизан германское командование приняло решение снять эти части с Восточного фронта и отправить во Францию и на Балканы.

За время действия центров формирования в Польше (до конца 1943 г.) и на Украине (до мая 1943 г.) было создано 80 полевых батальонов: 26 туркестанских, 14 азербайджанских, 9 северокавказских, 12 грузинских, 11 армянских, 7 волжско-татарских и 1 волжско-финский. Кроме того, в составе вермахта появилось большое количество строительных, железнодорожных, транспортных и прочих частей и подразделений, обслуживавших германскую армию, но не принимавших непосредственного участия в боевых действиях. Среди них — 7 туркестанских (на самом деле — многонациональных) строительных батальонов и батальонов снабжения, 5 туркестанских рабочих батальонов (составлявших сапёрную бригаду «Боллер»), 202 отдельные роты (111 туркестанских, 30 грузинских, 22 армянские, 21 азербайджанская, 15 волжско-татарских и 3 северокавказские). Следует упомянуть также кавказское особое соединение абвера «Бергман», сформированное в конце 1941 г. первоначально как батальон и развёрнутое в начале 1943 г. в полк трёхбатальонного состава.

Центр формирования восточных легионов на Украине в мае 1943 г. был преобразован в экспериментальную 162-ю тюркскую пехотную дивизию под командованием генерал-майора О. фон Нидермайера, основой для которой послужили несколько полевых батальонов, как уже действовавших, так и находившихся в стадии организации. В сентябре того же года эта дивизия была отправлена в Словению, а затем в Италию, где до конца войны несла охранную службу и участвовала в боях с партизанами и англо-американскими войсками.

Казачьи части в составе вермахта имели особый статус благодаря репутации казаков как непримиримых борцов с большевизмом в годы Гражданской войны, а также благодаря «теории» об их германском происхождении. Первой такой частью стал сформированный 28 октября 1941 г. в Могилёве в соответствии с приказом командующего тыловым районом группы армий «Центр» генерала пехоты М. Шенкендорфа казачий эскадрон под командованием бывшего майора Красной армии И. Н. Кононова, который был развернут в течение года в дивизион общей численностью до 1,8 тыс. человек. Казачьи части численностью от эскадрона (роты) до полка создавались также штабами ряда армий, корпусов и дивизий. В июне 1942 г. в городе Славута по инициативе штаба командующего лагерями военнопленных на Украине был создан центр формирования казачьих частей, куда предписывалось направлять всех военнопленных, по своему происхождению принадлежавших к казачьему сословию бывшей Российской империи или считавших себя таковыми. За время деятельности этого центра сначала в Славуте, а затем в Шепетовке (до весны 1943 г.) здесь удалось сформировать до 30 частей разной численности, использовавшихся для несения охранной службы на оккупированной территории.

После вступления германских войск на территорию бывших казачьих областей Дона, Кубани и Терека там по инициативе антисоветски настроенных местных жителей также началось формирование казачьих частей для борьбы против Красной армии и партизан. Эти казачьи полки и сотни приняли активное участие в зимних боях против наступающих советских войск. Часть их была уничтожена, а остальные вместе с десятками тысяч гражданских беженцев из казачьих областей ушли с немцами на запад, став основой для созданного весной 1944 г. Казачьего стана, объединившего казачьи беженские станицы и воинские части под руководством походного атамана С. В. Павлова.

Весной 1943 г. германское командование приступило к формированию 1-й казачьей кавалерийской дивизии под командованием генерал-майора Г. фон Паннвица, отобрав для этого наиболее боеспособные казачьи части с разных участков фронта. С осени 1943 г. и до конца войны эта дивизия действовала на территории Хорватии и Боснии против югославских партизан Тито, а в декабре

1944 — марте 1945 г. отдельные её части воевали против советских и болгарских войск. В августе 1944 г. 1-я казачья дивизия была подчинена СС, и с этого же момента началось её развертывание в 15-й казачий кавалерийский корпус войск СС. В него влились другие казачьи части, переброшенные с Западного и Восточного фронтов. Переформирование завершилось в феврале 1945 г. Две входившие в дивизию кавалерийские бригады были переименованы в 1-ю и 2-ю казачьи дивизии без изменения их организационной структуры, созданы Пластунская бригада и ряд частей корпусного подчинения. В конце апреля 1945 г. командование 15-го казачьего кавалерийского корпуса объявило о присоединении к вооружённым силам Комитета освобождения народов России (КОНР) и переходе в подчинение генералу А. А. Власову, хотя в условиях военного и политического коллапса Третьего рейха это присоединение имело лишь символический характер.

Наряду с казачьими формированиями особым статусом в вермахте пользовались калмыцкие части. Калмыцкие эскадроны, возникшие благодаря усилиям абвера и командования 16-й моторизованной дивизии, оккупировавшей районы Калмыцкой АССР, осуществляли разведку и патрулирование в прикаспийских степях, где отсутствовала сплошная линия фронта. После немецкого отступления они были сведены в кавалерийский полк в составе четырёх дивизионов, позднее именованный корпусом (от 2,5 до 5 тыс. человек), который использовался для несения охранной службы и борьбы с партизанами. В самом конце войны остатки калмыцких частей были включены в состав 15-го казачьего кавалерийского корпуса.

Первые восточные батальоны и роты из представителей в основном славянских народов СССР были созданы в конце 1941 — начале 1942 г. на базе более мелких охранных и полицейских частей, возникших в тыловых районах действующей армии. Личный состав этих команд и отрядов (из числа освобождённых военнопленных и жителей оккупированных областей) сводился в более крупные части, которые усиливались немецкими военнослужащими, обеспечивались стандартным обмундированием и вооружением с трофейных складов, проходили военную подготовку под руководством немецких офицеров и превращались, таким образом, в полноценные боевые формирования, способные выполнять самые разные задачи — от охраны объектов до проведения карательных операций в партизанских районах.

К концу 1942 г. почти каждая из действовавших на Восточном фронте немецких дивизий имела одну, а иногда две русские или украинские роты, а корпус — роту или батальон. В распоряжении тылового командования групп армий имелось по несколько восточных батальонов и рот, а в составе охранных дивизий — восточные кавалерийские дивизионы и эскадроны. Помимо этого действовали роты самообороны при комендатурах, отряды и команды по

охране железных и шоссейных дорог, предприятий и лагерей военнопленных.

Большая часть восточных батальонов и рот были пехотными, однако наряду с ними имелись кавалерийские дивизионы и эскадроны, артиллерийские дивизионы и батареи, сапёрные, строительные, штабные части, а также подразделения снабжения и связи. В отличие от национальных легионов восточные батальоны и роты создавались исключительно ради удовлетворения насущных нужд германской армии в охранных и вспомогательных частях, без какого бы то ни было политического подтекста. Лишь в начале 1943 г. в связи с изменением пропагандистских установок большинство восточных батальонов и рот стали номинально считаться частями Русской освободительной армии (РОА), а остальные — частями Украинского вызвольного вийска (УВВ).

Осенью 1943 г., опасаясь за надёжность восточных частей в связи с изменением хода войны в пользу антигитлеровской коалиции, германское командование распорядилось вывести основную часть батальонов с Восточного фронта и перебросить их в Западную Европу — во Францию, Италию и Данию. Восточные батальоны приняли активное участие в боях против высадившихся в июне 1944 г. во Франции англо-американских войск. Некоторые из них при этом удостоились высоких оценок германского командования, однако большинство показали низкую боеспособность и боевой дух. Часть батальонов была разбита и пленена союзными войсками, а некоторые оказались блокированными вместе с немецкими гарнизонами в «крепостях» Атлантического вала. В конце того же года личный состав ряда восточных батальонов был передан на формирование 1-й и 2-й дивизий РОА. Одновременно из батальонов, несших охранную службу на территории Дании, была сформирована 599-я русская гренадерская бригада в составе двух русских и одного кавказского полков. Они имели единую нумерацию с полками 1-й дивизии РОА, однако бригада до самого конца войны оставалась в составе вермахта, равно как и несколько русских батальонов на Западном фронте и в Италии.

Охранные и полицейские части, первоначально называвшиеся «милицией» или «самообороной», появились в зоне ответственности германской военной администрации осенью 1941 г. по инициативе местных оккупационных властей, взаимодействовавших с представителями коллаборационистской администрации. Пытаясь разрешить проблему нехватки охранных частей в тыловых районах действующей армии, Главное командование германских сухопутных войск приказом 1-го квартирмейстера Генерального штаба генерал-лейтенанта Ф. Паулюса от 9 января 1942 г. уполномочило командование групп армий формировать в необходимом количестве вспомогательные охранные части — *хундертшафтен* (сотни) из военнопленных и жителей ок-

купированных областей, враждебно относящихся к советской власти.

Благодаря усилиям местных командных инстанций вермахта весной 1942 г. в тыловых районах групп армий и армий появилось множество охранных вспомогательных частей, не имевших, как правило, ни чёткой организационной структуры, ни штатов, ни строгой системы подчинения и контроля со стороны немецкой администрации. Их функции заключались в обеспечении безопасности во время уборки урожая, охраны комендатур, складов, железнодорожных станций, мостов, автомагистралей, лагерей военнопленных, где они должны были заменить немецких солдат, необходимых на фронте. Привлекались эти вспомогательные части также и к участию в антипартизанских операциях, для чего в отдельных случаях в их составе создавались специальные *ядкоманды*.

В группе армий «Север» такие части были известны как *айнвонеркампфсфербенде* или *айнвонеркампфсбтайлунген* (местные боевые соединения и отряды), в группе армий «Центр» — как *орднунгсдинст* (служба порядка), *фольксвер* и *фольксмилици* (народная стража и народная милиция), в группе армий «Юг» (впоследствии разделённой на группы армий «А» и «Б») — как *хильфсвахманншафтен* (вспомогательные охранные команды). Эти отряды, формировавшиеся по территориальному принципу, насчитывали от 100 до 250 человек. В некоторых случаях они сводились в более крупные части, а на территории Локотского автономного округа (Орловская область) из частей местной «народной милиции» была сформирована бригада в составе пяти пехотных полков и бронедивизиона общей численностью до 12 тыс. человек с танками, бронемашинами и артиллерией. Возглавляемая локотским обер-бургомистром Б. В. Каминским, она носила претенциозное название «Русская освободительная народная армия» (РОНА).

В конце 1943 — начале 1944 г. эти отряды в основном прекратили своё существование, влившись в состав регулярных формирований восточных войск — восточных батальонов и рот. Часть их личного состава дезертировала или перешла на сторону партизан. Бригада Каминского вошла в состав войск СС и в августе 1944 г. принимала участие в подавлении Варшавского восстания. В конце того же года её личный состав был передан на формирование 1-й дивизии РОА.

Добровольцы вспомогательной службы. Летом 1941 г. командиры германских соединений и частей, пытаясь своими силами решить проблему нехватки личного состава, возникшую из-за больших боевых потерь, стали высвобождать для фронта солдат тыловых подразделений, привлекая на их место добровольцев из числа военнопленных и гражданского населения, которых использовали как шофёров, конюхов, рабочих на кухне, разнорабочих и т. п. Добровольцы служили в составе рабочих команд, обозов,

санитарных частей, а также в боевых подразделениях в качестве подносчиков патронов, связных и сапёров. Известные первоначально как «наши русские» и «наши иваны», со временем они получили общее обозначение — «хиви» (см. выше).

Со временем некоторые «хиви», поначалу зачисленные на вспомогательные должности, переводились в состав охранных команд и антипартизанских отрядов, а те, что входили в состав боевых частей, получали оружие и участвовали в боях наравне с немецкими солдатами. По немецким оценкам, таковых было около 20% от общего числа «хиви». Штатная численность «хиви» увеличивалась при фактическом уменьшении штатов немецких дивизий. Так, штаты пехотной дивизии, установленные 2 октября 1943 г., предусматривали привлечение 2005 добровольцев на 10708 немецких военнослужащих (т. е. более 15%).

В люфтваффе в составе эскадрилий наряду с техническим и вспомогательным персоналом действовали русские экипажи, а во флоте комплектовались добровольцами из числа советских граждан части берегового обслуживания, батареи зенитной и береговой артиллерии и даже команды вспомогательных судов. Своими «хиви» обзавелись и военизированные вспомогательные организации, такие как Имперская служба трудовой повинности (РАД), военно-строительная «Организация Тодта» и транспортная организация «Шпеер». Если же говорить о географии их применения, то вспомогательный персонал из числа советских граждан был задействован практически на всех театрах военных действий — от Восточного фронта до Атлантического побережья Франции и от Норвегии до Северной Африки.

Одна из первых попыток определить общую численность восточных формирований и добровольцев, состоявших в рядах германской армии, была предпринята штабом генерала восточных войск — структуры, созданной в декабре 1942 г. для координации процессов формирования, обучения, материально-технического обеспечения и боевого применения частей, сформированных из советских граждан. В докладной записке капитана Доша от 2 февраля 1943 г. общий их численный состав в различных формированиях вермахта оценивался в 750 тыс. человек*. Из них 220–230 тыс. человек служили в боевых и охранных частях (80 тыс. — в национальных легионах, 80 тыс. — в восточных батальонах и ротах и 60–70 тыс. — в службе охраны порядка в тыловых районах), а 400 тыс. составляли добровольцы вспомогательной службы («хиви»). Однако при этом неясно, чем занимались остальные 120–130 тыс. человек. Возможно, это были военнопленные и гражданские лица, работавшие при немецких частях, но не занимавшие штатные должности.

Генерал восточных войск Х. Гельмих в своей докладной записке в Главное командование сухопутных войск от 22 марта 1943 г. определил общую численность своих подопечных в 430 тыс. человек: восточные батальоны (и роты) — 75 тыс., восточные легионы — 42,5 тыс., «хиви» — 310 тыс. При этом в записке отсутствуют данные по службе охраны порядка, а численность «хиви», как показывают другие источники, указана не фактическая, а штатная. Другие данные, предоставленные Гитлеру на совещании в Берхтесгадене 8 июня 1943 г. начальником Генерального штаба того же командования генерал-полковником К. Цейтцлером, выглядят ещё более скромными: 1 полк, 78 батальонов, 122 отдельные роты, 60 тыс. человек в составе отрядов местной вспомогательной полиции в тыловых районах и 220 тыс. «хиви». Он упомянул также о двух формирующихся дивизиях — 1-й казачьей и 162-й тюркской. В сумме получается около 360 тыс. человек, и данная цифра, скорее всего, недалеко от действительности.

Ещё два документа, содержащие сведения о численности советских граждан в рядах германских вооружённых сил, относятся к последним месяцам войны. Один из них — справка Министерства по делам оккупированных восточных территорий, где приводятся данные по состоянию на 24 января 1945 г. о численности представителей народов СССР, состоящих на службе в вермахте, войсках СС, полиции и различных военизированных формированиях, таких как «Организация Тодта» и РАД. Согласно этим данным, среди указанного контингента было 310 тыс. русских, 104 тыс. латышей, 36,8 тыс. литовцев, 36,5 тыс. азербайджанцев, 20,5 тыс. татар и представителей народов Средней Азии, 19 тыс. грузин, 15 тыс. представителей народов Северного Кавказа, 10 тыс. эстонцев, 10 тыс. крымских татар, 7 тыс. армян и 5 тыс. калмыков. Общая численность «восточных добровольцев», согласно этим данным, составляла 573,8 тыс. человек, а с учётом не упомянутых по какой-то причине казаков, украинцев и белорусов — более 600 тысяч.

Второй документ — справка, переданная правительством адмирала К. Дёница представителям союзного командования во Фленсбурге 20 мая 1945 г., в которой указано, что численность советских граждан, находившихся на службе в германских вооружённых силах на февраль 1945 г., составляла 665–675 тыс. человек, из них 600 тыс. — в сухопутных войсках, 50–60 тыс. — в люфтваффе и 15 тыс. — на флоте. Некоторые авторы, в частности А. Даллин, полагают, что данные цифры касаются только «хиви». Однако более вероятно, что речь идёт обо всех категориях «восточных добровольцев», причём не только в вермахте, но и в других военных и военизированных формированиях. В этом случае цифры «фленсбургской справки» вполне согласуются с приведёнными выше.

* Примерами подобных оценок могут служить также данные М. А. Гареева — 200 тыс., Л. Е. Решина — 280 тыс. и П. А. Пальчикова — 40 тыс.

Примером наиболее взвешенной оценки численности восточных формирований является фундаментальное исследование истории германской сухопутной армии в 1933–1945 гг., подготовленное бывшим генералом вермахта Б. Мюллером-Гиллебрандом. Согласно его данным в первой половине 1943 г. численность восточных войск (без «хиви») составляла от 130 до 150 тыс. человек, а добровольцев вспомогательной службы — от 220 до 320 тыс., т.е. всего от 350 до 470 тыс. человек. К концу 1943 г. численность восточных войск, по Мюллеру-Гиллебранду, увеличилась до 370 тыс. человек (очевидно, не только в вермахте, но и в войсках СС и полицейских частях, действовавших в оперативном подчинении армии), а «хиви», напротив, сократилась до 150–250 тыс. В итоге общая их численность достигла 520–620 тыс. человек.

Сводные таблицы по организации восточных войск, отражающие распределение частей по театрам военных действий, позволяют определить общую численность этих войск с достаточной степенью точности. При этом необходимо установить среднюю численность таких соединений, как полк, батальон и рота. В нашем распоряжении имеются, например, таблицы по восточным формированиям групп армий «Центр» и «Юг». Используя средние значения численности отдельных частей (без учёта немецких военнослужащих), можно вывести общую численность формирований восточных войск по состоянию на конкретную дату. Взяв в качестве исходных данных средние значения численности полка (1,5 тыс. человек), батальона восточного легиона (700), восточного или казачьего батальона/дивизиона (500) и отдельной роты/эскадрона/батареи (200), мы можем определить приблизительную численность восточных войск по состоянию на 5 мая и на 22 ноября 1943 г. в 171,5 тыс. и 192,6 тыс. человек соответственно. При всей очевидной погрешности подобных расчётов приведённые данные представляются близкими к истине.

Суммируя их с зафиксированными в «Военном дневнике Верховного главнокомандования вооружёнными силами Германии» данными о численности добровольцев вспомогательной службы по состоянию на 15 марта и 1 декабря 1943 г. (соответственно 147,9 тыс. и 262,3 тыс. человек), а также с приведёнными выше сведениями местной вспомогательной полиции тыловых районов (60–70 тыс. человек), можно приблизительно определить общую численность советских граждан, служивших в рядах вермахта в 1943 г., — 380–540 тыс. человек, в том числе 170–200 тыс. в составе отдельных восточных боевых и тыловых частей, 60–70 тыс. в составе вспомогательной полиции, 150–270 тыс. в рядах добровольцев вспомогательной

службы (включая наземный персонал люфтваффе и личный состав «Организации Тодта»).

Интересно, что в последние полтора года войны численность восточных войск сохранялась примерно на одном уровне. Согласно имеющимся в распоряжении автора сводным таблицам штаба генерала добровольческих соединений (так с 1 января 1944 г. именовалась должность генерала восточных войск), общая расчётная численность этих формирований составляла: на 9 июня 1944 г. — 204 тыс., на 8 октября 1944 г. — 172,5 тыс., на 27 марта 1945 г. — 191,5 тыс. человек. На динамику численности влияли, с одной стороны, боевые и небоевые потери, а с другой — приток новых пополнений из лагерей военнопленных и передача в ряды восточных формирований контингентов из числа «хиви» и местной вспомогательной полиции.

За весь же период войны 1941–1945 гг. через восточные формирования вермахта, по самым осторожным нашим оценкам, прошло не менее 700 тыс. советских граждан, из которых примерно 300 тыс. служили в боевых и тыловых формированиях действующей армии (включая восточные легионы, казачьи части, восточные батальоны и роты) и в отрядах вспомогательной полиции в зоне военного управления, а остальные были добровольцами вспомогательной службы, состоявшими в частях германской армии в индивидуальном порядке или в составе небольших групп. Исключая не входившие в вермахт формирования (прежде всего легионы СС и местной вспомогательной полиции рейхскомиссариатов), численность которых можно оценить как минимум в 400 тыс. человек*, на службе Третьего рейха в годы Второй мировой войны состояло не менее 1,1 млн. наших соотечественников, а, возможно, и более.

Таким образом, цифра в 1–1,2 млн. представляется вполне реальной для оценки общей численности советских граждан, служивших в рядах вермахта и других вооружённых и военизированных формирований Третьего рейха. Согласно имеющимся данным, из них до 290 тыс. составляли жители прибалтийских республик (150 тыс. латышей, 90 тыс. эстонцев, 50 тыс. литовцев) и до 250 тыс. — представители тюркских и кавказских народов (75 тыс. туркестанцев**, 40 тыс. волжских татар, 20 тыс. крымских татар, 40 тыс. азербайджанцев, 30 тыс. северокавказцев, 25 тыс. грузин, 20 тыс. армян). Примерно половина общей численности военных коллаборационистов принадлежала к вспомогательному персоналу вермахта, зачастую не имевшему оружия, а также к местным городским и сельским командам вспомогательной полиции (включая пожарную охрану) и отрядам самообороны, хотя и вооружённым, но, как правило, не принимавшим участия в боевых действиях.

* К концу 1942 г. в рядах местной вспомогательной полиции рейхскомиссариатов состояло, по германским данным, более 300 тыс. человек. Численность прибалтийских и украинских частей СС за весь период войны оценивается в 90 тыс. человек.

** Приведённая цифра включает также военнопленных и восточных рабочих. Реальная же численность представителей народов Средней Азии в вермахте, по-видимому, была вдвое меньше. Более точных данных, к сожалению, нет.

С точки зрения морально-политического состояния эти антисоветские формирования с самого начала не были однородными. Наряду со сравнительно устойчивым ядром из идейных врагов советской власти было много колеблющихся, чей выбор в пользу сотрудничества с врагом был продиктован стремлением вырваться из лагерей для военнопленных. Немалую часть добровольцев составляли люди, внутренне готовые использовать момент для перехода на сторону Красной армии и партизан. Причём на протяжении войны численность первой категории неуклонно сокращалась, а последних двух — увеличивалась (например, в 1-й дивизии РОА в начале 1945 г., по немецким оценкам, их доля доходила до 80%).

В связи с вышесказанным едва ли коллаборационизм советских граждан и эмигрантов в годы Великой Отечественной можно считать вооружённым сопротивлением сталинскому режиму, а тем более выдвигать тезис о «второй гражданской войне». Хотя создание и деятельность ряда антисоветских формирований (таких, например, как Русский охранный корпус в Сербии, казачьи части вермахта и бригада Каминского) можно рассматривать как своего рода рецидив Гражданской войны, однако оценивать таким образом службу подавляющего большинства восточных частей, отрядов местной полиции и добровольцев вспомогательной службы совершенно неприемлемо.

¹ Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 49.

² Война Германии против Советского Союза. Берлин, 1992.

³ Знамя. 1994. № 8. С. 179.

⁴ Красная звезда. 1995. 31 марта.

⁵ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 2002.

⁶ Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 144.

⁷ Общая газета. 1996. 25–31 января.

⁸ Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of Occupation Policies. London-NY, 1957.

⁹ Der Zweite Weltkrieg im Bild und Dokumenten. Bd. 2. München, 1962.

¹⁰ Lagebesprechungen im Führerhauptquartier. Stuttgart, 1964.

¹¹ Kriegstagebuch des Oberkommando der Wehrmacht. Frankfurt/Main, 1961–1965. Bd. 3. 01.04–30.06.1943; 31.12.1943.

Табачник Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, директор Национального экспертного института Украины, депутат Верховной рады Украины

Пролог власовщины: военные и полицейские формирования третьего рейха, созданные в 1941 г. из украинских националистов

Ко времени создания Русской освободительной армии (РОА) гитлеровские спецслужбы и командование вермахта уже имели значительный опыт создания и использования в войне против СССР коллаборационистских военных и полицейских подразделений, сформированных из украинских националистов. При организации власовских частей этот опыт широко ими использовался для военной, диверсионно-разведывательной, репрессивно-карательной и пропагандистской работы. Исходя из этого, изучение истории созданных немцами в 1941 г. формирований украинских националистов позволит лучше понять мотивы, которыми руководствовалось командование вермахта и СС в работе с власовскими коллаборационистами.

Наиболее крупными подразделениями, созданными абвером ещё до начала войны с СССР, являются батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» — специальные диверсионно-разведывательные подразделения, состоявшие из членов бандеровской Организации украинских националистов — ОУН(б).

В феврале 1941 г. референт разведки и связи ОУН(б) Рихард Ярый начал переговоры с предста-

вителями абвера об обучении нескольких сотен бандеровских боевиков. Итогом переговоров с участием Степана Бандеры, главы абвера адмирала Вильгельма Канариса и командующего Сухопутными силами вермахта генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича стало соглашение о подготовке 800 рядовых и командиров для действий в тылу Красной армии после начала военных действий. В документах абвера создающиеся формирования были обозначены как специальное подразделение «Нахтигаль» и специальное подразделение «Роланд», которые из документов и историографии ОУН(б) известны как дружины украинских националистов («группа Север» и «группа Юг» соответственно), или Украинский легион имени Степана Бандеры.

Официально создание батальонов было санкционировано 25 февраля 1941 г. приказом адмирала Канариса.

Набор личного состава проводился в Кракове, где курсанты проходили базовую подготовку, и осуществлялся абвером согласно указаниям уполномоченных ОУН(б). Специализированная подготовка была налажена в лагерях на территории

оккупированной Польши и Германии, куда поначалу направляли тех, кто должен был получить усиленную диверсионно-разведывательную подготовку.

Курсанты обучались минному делу, диверсиям на транспорте и линиях связи, технике проведения террористических актов. После подготовки в лагерях основной состав «Нахтигалья» был переправлен в Бранденбург, где началось обучение совместным действиям с 1-м батальоном специального диверсионно-разведывательного полка абвера «Бранденбург-800». Его командир, майор Фридрих Гейнц, осуществлял общее руководство; обер-лейтенант Ганс-Альбрехт Герцнер был немецким командиром «Нахтигалья», а его украинским командиром от ОУН(б) — Роман Шухевич. Задачи координации между немецким командованием и ОУН(б) выполнял обер-лейтенант Теодор Оберлендер. Следует отметить, что Шухевич, не будучи гражданином Германии и вопреки Нюрнбергским расовым законам, благодаря Канарису сразу получил звание гауптмана, что было для вермахта исключительным случаем и показывало, какое значение придавало немецкое командование использованию украинских националистов.

К началу лета 1941 г. бойцы «Нахтигалья» были обучены технике диверсионно-разведывательной работы, батальон был укомплектован немецким командным составом и получил стандартное обмундирование вермахта.

В батальоне «Роланд» украинскими командирами были сначала Рихард Ярый, а потом Евген Побигущий, тоже получивший звание гауптмана.

Окончившие обучение к концу мая 1941 г. диверсионные группы «Нахтигалья» были переброшены на советскую территорию к середине июня. Им были поставлены задачи по минированию военных объектов, диверсиям на транспорте и линиях связи, террористические акты против командного состава Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Основную часть батальона, находившегося в оперативном подчинении командования 1-го батальона полка «Бранденбург-800», перебросили к линии наступления в районе Перемышля к 21 июня. Ему предстояло осуществлять диверсионные операции в передовом эшелоне группы армий «Юг». 22 июня в 3 часа утра 1-й батальон «Бранденбург-800» и «Нахтигаль» перешли границу на реке Сан и начали продвижение в сторону Львова. Однако, если не считать ранее заброшенных в тыл Красной армии диверсионных групп, батальон исполнял в основном чисто карательные функции — уничтожал всех заподозренных в нелояльности к ОУН(б), не успевшие эвакуироваться семьи военнослужащих РККА, присланных с Востока Украины специалистов народного хозяйства, еврейское и в значительной мере польское население.

Сразу после вступления «Нахтигалья» во Львов, 29 июня 1941 г., началась операция по уничтожению польской интеллигенции, во время которой погибли 38 профессоров Львовского университета. Детальные

списки на уничтожение были составлены заранее, в них были указаны домашние адреса будущих жертв и их родственников.

По личному указанию Шухевича начались также массовые убийства евреев и всех заподозренных в отрицательном отношении к украинскому национализму. Общее количество жертв колеблется, по разным оценкам, от 3 до 4 тысяч. В конце концов убийства достигли такого незапланированного немцами размаха, что германское командование сочло необходимым через 10 дней передислоцировать «Нахтигаль» в Тернополь, откуда тот начал движение по маршруту Проскуров–Жмеринка–Винница. Как и ранее, диверсионно-разведывательных функций «Нахтигаль» практически не выполнял, а использовался как эйнзатцгруппа. По маршруту следования нахтигальевцы проводили карательные акции, включая тотальное уничтожение еврейского населения.

«Роланд» действовал на южном отрезке фронта, на румынской границе. Из-за менее успешного продвижения немецко-румынских войск он попал на территорию УССР только в июле 1941 г. и вообще не занимался диверсионно-разведывательной работой. Во время продвижения к Одессе батальон, как и «Нахтигаль», выполнял исключительно карательные функции, проводя массовые убийства еврейского населения. В октябре «Роланд» находился в городе Балта Одесской области, где расстрелял оставшихся евреев и значительную часть мирного населения других национальностей.

В конце октября 1941 г. оба батальона были переброшены во Франкфурт-на-Одере, где началось обучение личного состава для несения охранных полицейских функций и противопартизанской борьбы. В ноябре того же года «Нахтигаль» и «Роланд» были переформированы в 201-й шуцманншафтбатальон — первый из позднее сформированных семи украинских шуцманншафтбатальонов. Мотивы действий немецкого командования по расформированию спецподразделений и их передаче из подчинения абвера в ведомство рейхсфюрера СС Гимmlера достаточно очевидны: «Нахтигаль» и «Роланд» не оправдали ожиданий командования вермахта как диверсионно-разведывательные формирования, но оказались способны выполнять функции эйнзатцгрупп.

Уже 25 ноября 1941 г. с личным составом батальона начали заключать индивидуальные контракты сроком на 1 год — с 1 декабря 1941 г. по 1 декабря 1942 г. После прохождения обучения около 700 солдат и 22 офицера четырёх рот 201-го шуцманншафтбатальона были переброшены в Белоруссию, где перешли в подчинение обергруппенфюрера СС, генерала войск СС и полиции Эриха фон дем Бах-Зелевски — начальника полиции сектора «Центральная Россия».

Этот батальон возглавил гауптман Евген Побигущий, а его заместителем и командиром одной из рот стал Роман Шухевич. С весны до зимы 1942 г. эта часть действовала против партизан и участвовала

в карательных операциях на территории Белоруссии. 29 сентября батальон понёс наибольшие потери — 27 солдат и офицеров.

За 9 месяцев пребывания в Белоруссии 201-й штурманшафтбатальон потерял 49 человек убитыми и 40 ранеными, уничтожив, по его собственным данным, более 2 тыс. партизан. Однако, согласно имеющимся архивным документам партизанского движения, в зоне действий батальона партизаны в этот период понесли значительно меньшие потери. Не вызывает сомнения, что подавляющее большинство из «уничтоженных партизан» составляли мирные жители.

Среди прочих военных преступлений батальона в зоне его действий можно назвать и полное уничтожение еврейского населения.

За успехи в борьбе с партизанами офицеры Брилинский, Малый и Герцык были награждены медалями, а весь батальон — знаком «За борьбу с партизанами». При прощании с личным составом генерал Бах-Зелевски особо отметил, что из подчинённых ему подразделений батальон лучше всех справлялся с партизанами.

После истечения срока контракта, с 5 декабря 1942 г. до 14 января 1943 г., батальон частями был переброшен во Львов. В дальнейшем все служившие в нём заняли командные должности в дивизии СС «Галичина» и Украинской повстанческой армии (УПА). Так, Побигущий стал в 1944 г. командиром 1-го батальона 29-го гренадёрского полка дивизии СС «Галичина» и получил звание штурм-банфюрера СС, а Шухевич возглавил созданную при содействии абвера УПА.

Среди других украинских коллаборационистских формирований следует также отметить так называемые «курени» — подразделения украинской вспомогательной полиции, ставшие позднее основой для формирований штурманшафтбатальонов.

Первым в начале августа 1941 г. был создан Буковинский курень. Он был сформирован по соглашению Андрея Мельника, руководителя ОУН(м), с командованием вермахта, выделившим финансирование и оружие. Командиром Буковинского куреня был назначен мельниковец Пётр Войновский, позднее возглавивший штурманшафтбатальон и получивший звание штурмбанфюрера СС.

Курень присоединился к так называемым «походным группам» ОУН(м), которые с санкции немецкого командования направлялись на оккупированные территории Украины для создания органов коллаборационистской администрации и полиции. «Походные группы» действовали под руководством видных националистов Омеляна Сенюка и Мыколы Сциборского, а после их убийства бандеровцами 30 августа 1941 г. в Житомире командование над группами приняли Олесь Кандыбы-Ольжич и Зыбачинский.

Буковинский курень также считался резервом руководящих кадров для коллаборационистской ад-

министрации. Значительная часть командного состава куреня заняла в ней руководящие должности: например, ротный Орест Масикевич стал бургомистром Николаева.

В августе 1941 г. курень занимался уничтожением еврейского населения и советских военнопленных на территории Буковины. В сентябре «буковинцы» прибыли в Киев, где проводили расстрелы в Бабьем Яру, в том числе массовое убийство евреев 29–30 сентября, в ходе которого погибло более 33 тыс. мирных жителей.

Вместе с ними в этих расстрелах участвовал и Киевский курень — созданное в сентябре подразделение украинской вспомогательной полиции под командованием мельниковца Петра Захвалынского.

В ноябре 1941 г. Буковинский и Киевский курени были расформированы, а на их основе создана Киевская вспомогательная полиция под командованием Захвалынского, а также 115-й и 118-й штурманшафтбатальоны. Эти батальоны охранной полиции были направлены немецким командованием для проведения карательных операций в Белоруссию, где отличались особой жестокостью даже по сравнению с немецкими эйнзатцгруппами. Так, именно 118-й штурманшафтбатальон украинских националистов уничтожил Хатынь вместе с её жителями.

В заключение необходимо отметить, что националистический коллаборационизм нынешнее руководство Украины не только не осуждает, но и преподносит в качестве образца патриотизма. Символично, что президентским указом Шухевичу присвоено звание Героя Украины. И это решение, как и восхваление других коллаборационистов-националистов, в том числе воевавших в составе «Нахтигала», «Буковинского куреня», дивизии СС «Галичина» и УПА — вовсе не внутреннее дело Украины. Речь идёт не о локальном внутривнутриполитическом явлении. Впервые с 1945 г. на высшем государственном уровне предпринята попытка пересмотреть итоги Второй мировой войны, попытка не только реабилитировать, но и героизировать преступную организацию СС, попытка оправдать преступления против человечности и идеологию национал-тоталитаризма в целом. Такие действия уже давно были юридически квалифицированы как преступление приговором Нюрнбергского международного трибунала, который является неотъемлемой частью действующей системы международного права. Впервые Европа столкнулась с подобным вызовом, и ответ на него должен основываться не на эмоциях, а на положениях международного права.

Особую циничность действиям украинской власти придаёт то обстоятельство, что официальные СМИ и историки постоянно ссылаются на якобы проходящую в России реабилитацию Власова. При этом умалчивается, что власовщину пытаются реабилитировать только маргинальные организации и политики. Стараются не упоминать о том, что такие попытки немедленно получают должную оценку

органов государственной власти, и показательным в этом отношении является создание при Президенте России Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории. На Украине же речь идёт о последовательной государственной политике «коллорационистской Реконкисты», а присвоение

звания Героя Украины преступникам, сооружение мемориалов эсэсовцам и палачам ОУН и УПА служат инструментами создания тоталитарной системы с неизменными со времён Второй мировой войны русофобской, антисемитской и антиправославной составляющими.

**Бочарников Игорь Валентинович, доктор политических наук,
профессор Академии военных наук Министерства обороны РФ**

**Деятельность и ликвидация бандформирований на Северном Кавказе
в годы Великой Отечественной войны**

Фашистская агрессия против СССР стала действенным фактором активизации антиросийски настроенных националистических сил Северного Кавказа. Обстановка во многом осложнялась тем, что в предвоенные годы были допущены перекосы в ходе коллективизации, репрессии в отношении местных руководителей, духовенства и интеллигенции, которые создавали потенциально конфликтную ситуацию в регионе. Эти обстоятельства оказались в центре внимания немецких спецслужб.

«С первых дней Великой Отечественной войны, — доносил в Ставку Военный совет Северо-Кавказского военного округа, — резко активизировались националистические элементы на всей территории Северного Кавказа, в особенности в Урус-Мартановском, Ачхой-Мартановском и Советском районах Чечни». С тревогой отмечалось, что основная масса местного населения не желает участвовать в войне против немецких захватчиков. Это выразилось в том, что под влиянием таких настроений две трети мужчин, подлежащих призыву, уклонились от него. Звучали также заявления, что если в войну вступит Турция, то всё русское население будет вырезано. Мужчины уходили в горы, где создавали банды, численность которых доходила до 600–700 человек. Нередкими были случаи, когда уже призванные в армию жители ряда республик Кавказа с оружием уходили в горы и вливались в эти отряды. Руководили бандами, как правило, бывшие партийные или государственные работники из местных органов власти, были среди них даже сотрудники НКВД.

В феврале 1942 г. в Шатое и Итум-Кале поднял мятеж бывший прокурор Чечено-Ингушетии Майрбек Шерипов, который объединился с действовавшей в этих местах бандой Хасана Исраилова.

Были созданы объединённый штаб и повстанческое правительство. В июле того же года сепаратисты приняли воззвание к чеченцам и ингушам, в котором говорилось, что кавказские народы ожидают немцев как гостей и окажут им гостеприимство взамен признания независимости Кавказа.

Присутствие националистических банд создавало благоприятные условия для диверсионно-террористической деятельности в регионе. Уже в июле 1941 г.

немецкое командование стало разворачивать здесь сеть разведывательных и диверсионных школ, где готовились диверсанты исключительно для Северного Кавказа. Для пополнения этих школ в лагерях военнопленных инструкторы полка специального назначения «Бранденбург-800» начали вербовку выходцев с Кавказа. Формировались целые роты из представителей коренного населения этого региона. Осенью 1941 г. в лагере «Штранс» было сформировано специальное воинское подразделение — батальон «Бергман» («Горец»), предназначенный для подрывной работы на Кавказе. Личный состав батальона насчитывал 1,5 тыс. человек и был разбит на пять рот. 1-я и 4-я были укомплектованы грузинами; 2-я — карачаевцами, кабардинцами, осетинами, ингушами, чеченцами; 3-я — азербайджанцами; 5-я — армянами. К осени при батальоне были сформированы два кавалерийских эскадрона. В июле 1942 г. батальон «Бергман» прибыл в Таганрог, где 1-я и 3-я роты были приданы 23-й танковой дивизии и действовали в районе Моздока, 2-я рота — 13-й танковой дивизии в районе Майкопа, 4-я рота дислоцировалась в районе Эльбруса. Из личного состава 2-й и 4-й рот были назначены бургомистры и старосты в оккупированных районах Северного Кавказа. Перед 5-й ротой была поставлена задача по захвату Военно-Грузинской дороги. Кавалерийские эскадроны действовали также в тылу советских войск в долине реки Баксан.

Подразделения специального назначения перебрасывали в тыл советских войск диверсионные группы для разрушения коммуникаций и создания паники. Одной из таких групп под видом отходящих раненых красноармейцев удалось захватить мост в районе Майкопа. Кроме того, все роты проводили операции по захвату «языков», разбрасывали листовки за линией фронта, выступали по радио с призывами переходить к немцам.

Две трети полка (позднее — дивизии) «Бранденбург-800» с лета 1942 г. были также задействованы в боях на Северном Кавказе. В штатах 4-го батальона в июле 1941 г. была развернута, но готовилась отдельно, особая группа капитана Ланге, условно именованная «предприятие Ланге». Этот лагерь среди агентов был известен под названием «Кавказский

орёл». Подчинялась команда непосредственно отделу Абвер-2 управления «Абвер-заграница». Агенты были сведены в три учебные группы (30–35 человек) по принципу землячества.

В конце июля 1942 г. группа агентов — адыгейцев, карачаевцев, кабардинцев и черкесов под командованием фельдфебеля Морица была переброшена в район Майкопа. Спустя месяц группа капитана Ланге в количестве 30 человек, укомплектованная главным образом чеченцами, ингушами и осетинами, была переброшена в районы селений Чишки, Дачу-Барзой и Дуба-Юрт Атагинского района для проведения одной из наиболее масштабных по замыслу абвера диверсионной акции по захвату нефтяных месторождений и нефтеочистительных заводов в Майкопе и Грозном. Операция получила название «Шамиль». Диверсионная группа состояла из переодетых в советскую военную форму немецких солдат и агентов из числа военнопленных (в соотношении 1:2). Обучение проводилось в специальном лагере. Заброска парашютистов состоялась примерно за 3–8 дней до ожидавшегося наступления германских войск.

Всего во время войны различными германскими разведывательными органами на территорию Чечено-Ингушской АССР было заброшено 8 парашютных групп общей численностью 77 человек: 5 групп общей численностью 57 человек — в июле-августе 1942 г. и 3 группы численностью 20 человек — в августе 1943 г.

Немецкое военное командование и разведывательные органы ставили перед забрасываемыми агентами-парашютистами и разведчиками достаточно конкретные задачи:

- создать и максимально усилить повстанческие формирования, чтобы отвлечь на себя части действующей Красной армии;
- перекрыть важные для продвижения Красной армии дороги;
- провести ряд диверсий;
- совершать террористические акты и т. п.

В летнем наступлении 1942 г. германское командование поставило перед диверсионной частью абвера («Бранденбург») задачу оказать помощь действовавшим на южном крыле советско-германского фронта немецким войскам и одновременно установить связь с бандформированиями, действовавшими на Кавказе.

Перенос линии фронта на территорию Северного Кавказа и появление там фашистских войск вызвало новый всплеск антисоветских и антиросийских настроений среди горцев. Участились нападения на отдельные воинские подразделения, тылы и транспорты. Стали массовыми случаи террористических актов против военнослужащих и отдельных граждан, диверсий на предприятиях, коммуникациях и линиях связи. Немецкая агентура пыталась координировать действия местных повстанческих отрядов, а также провоцировать в тылу Красной ар-

мии вооружённые выступления против советской власти. С этой целью распространялись немецкие листовки, в которых народам Кавказа обещали передать извечно спорные земли их соседей. В листовках систематически напоминалось об обидах столетней давности, причинённых русскими. Чеченцев призывали уничтожать «русских захватчиков» и помогать «Великой Германии». Противник рассчитывал на так называемый «кавказский эксперимент», суть которого сводилась к организации всеобщей борьбы населения Кавказа с советской властью. Используя национально-бытовые особенности населения Чечни, повстанцы угрозами и распространением слухов о неизбежном поражении СССР спровоцировали вооружённые выступления против советской власти, произошедшие в разное время в период с 28 октября по 8 ноября 1941 г. Однако своевременные действия НКВД и властей позволили ликвидировать эти выступления достаточно быстро. Часть их участников вернулась в свои селения, а большинство, в том числе организаторы и руководители, скрылись в горах и перешли на нелегальное положение.

Наиболее активно бандформирования и террористические группы действовали на Северном Кавказе в 1942 г. Так, только на территории четырёх районов Дагестанской АССР и Азербайджанской ССР (Дербентско-Табасаранского, Кайтакского, Хивского и Касушкентского) в сентябре 1942 г. насчитывалось 33 бандгруппы численностью до 500 человек. Население этих районов оказывало бандитам материальную помощь и укрывало их. С немецких самолётов для них сбрасывались оружие и имущество, что доказывает связь бандформирований с германскими войсками. Абвер и РСХА всячески подталкивали эти группы к активным действиям, понимая, что для борьбы с ними в горных условиях советская сторона должна будет перебросить с фронта значительные силы и средства.

Советское командование для охраны своего тыла было вынуждено проводить специальные операции, к которым привлекались значительные силы. Оперативные документы тех лет свидетельствуют, что в различные периоды обороны Кавказа в борьбе с бандитизмом участвовали также и войсковые формирования, снятые непосредственно с фронта, в частности 242-я горнострелковая, 347-я и 317-я стрелковые дивизии Закавказского фронта, 28-я запасная стрелковая бригада, Орджоникидзевская дивизия НКВД, практически все военные училища, расположенные на территории Закавказского фронта. Задачи по борьбе с бандгруппами выполняли также 44-я и 28-я армии.

Таким образом, на Кавказе советским войскам приходилось воевать на два фронта, поскольку удара можно было ожидать не только со стороны немцев, но и с тыла, со стороны местного населения. О том, какую опасность представляли банды в тылу наших войск, свидетельствуют следующие факты: 27 июля 1942 г. резервная рота 66-го полка попала в засаду

в районе горы Кур-Кумас и была блокирована бандой. Только через четверо суток с помощью прибывшего 114-го полка войск НКВД роте удалось вырваться из мешка. Одна из крупных банд в январе 1944 г. сковала выдвижение целой стрелковой дивизии, которая горной дорогой шла в район Нальчика. Постоянными были обстрелы колонн войск, передвигавшихся по горным дорогам, нападение на железнодорожные составы, угоны скота, террор.

В августе 1942 г. объединённые бандгруппы Бадаева, Магомадова и другие в количестве 1,5 тыс. человек окружили районный центр Итум-Кале и находившийся там небольшой гарнизон советских войск, попытавшись захватить власть в этом горном районе. Принятые органами НКВД агентурно-оперативные и войсковые меры позволили это восстание подавить. Часть его руководителей были ликвидированы или задержаны. Однако и после этого активность бандформирований не угасла.

Анализ документов свидетельствует, что главными методами бандформирований были терроризм, беспокорящие действия и насильственные акции, в которых использовались факторы внезапности. Они проводились стремительно, тщательно и заблаговременно готовились, а после их завершения участвовавшие в них отряды максимально рассредоточивались. Последний приём давал ощутимые результаты даже в масштабе всего движения, но особенно эффективным он оказался для мелких отрядов и повстанческих очагов.

При этом в открытый бой бандформирования вступали только на хорошо известной им местности, и лишь обладая явным преимуществом. Небольшие войсковые подразделения истреблялись из искусных засад, внезапными и стремительными налётами, неизменно преследуя цель захвата оружия, военного имущества и продовольствия.

Особой подготовки требовал уход всей банды или части её в подполье. В этом случае члены формирования временно прекращали открытую деятельность, а отдельные участники банды переходили на нелегальное положение. Основной целью таких действий было стремление уберечь всю банду от разгрома в неблагоприятной для активных вооружённых действий ситуации. Такая тактика применялась и после нанесённого по базе и самой банде удара. Тогда её остатки уходили в подполье, чтобы сохранить силы, провести доукомплектование, пополнить арсенал и затем продолжить свою подрывную деятельность.

Сильным элементом тактики бандформирований являлась разведка. С этой целью организовывалось постоянное наблюдение за коммуникациями,

прослушивание линий связи. Особое место в организации разведки занимала работа с местным населением. Поддержанию связи с ним руководители бандформирований уделяли наибольшее внимание, поскольку это являлось важнейшим условием существования банд: население не только укрывало и снабжало их продовольствием (зачастую вынужденно), но и служило потенциальным резервом бандформирований.

Что касается советской стороны, то характерной тактикой борьбы с незаконными вооружёнными формированиями на Северном Кавказе в то время была не полная ликвидация, а вытеснение обнаруженных банд в горы и рейды по районам, где были обнаружены вооружённые группировки. Эта тактика сочеталась с оперативной и агентурной работой органов НКВД. К явным недостаткам действий советских войск можно отнести практику вытеснения противника в горы, слабое знание местности и плохую организацию разведки. Немаловажным являлось и то, что Красная армия, в отличие от повстанцев, не пользовалась поддержкой большинства местного населения. В результате действия по ликвидации бандитизма в целом ряде районов в 1942 г. не дали ожидаемых результатов. Банды, действовавшие там, были рассеяны, но не уничтожены. Уроки из опыта борьбы с бандформированиями извлекались, что называется, на ходу*.

В результате поражения немецких войск на Кавказе снабжение бандформирований оружием и материальными средствами резко ухудшилось, а затем и вовсе прекратилось, что стало сдерживающим фактором для роста повстанческого движения на Северном Кавказе. Успешные действия армии и НКВД против бандформирований, предпринятые в 1942–1943 гг., позволили уничтожить основные силы повстанцев. К концу 1944 г. все крупные банды в регионе были ликвидированы или рассеяны. Однако борьба с их остатками продолжалась и после войны.

Для пресечения деятельности бандформирований советское руководство решило одним ударом максимально сузить социальную базу повстанчества. В конце 1943 — начале 1944 г. органы НКВД по распоряжению Сталина провели поголовную депортацию ряда северокавказских народов (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев) из мест их постоянного проживания в отдалённые районы Средней Азии и Казахстана (всего было выселено 581 644 человека). Однако эта масштабная, бесчеловечная и откровенно репрессивная акция не решила проблемы бандитизма на Северном Кавказе.

* Так, в результате операции, проведённой советским командованием осенью 1942 г., в течение боя 2–3 октября основная часть обнаруженной бандгруппы была уничтожена. Противник потерял более 150 человек убитыми, а более 230 были захвачены в плен. В ходе прочёсывания лесных массивов удалось разгромить 8 бандитских штабов, в том числе и те, которые поддерживали связь с немцами и возглавлялись кадровыми немецкими разведчиками. Это стало возможным благодаря грамотным действиям советских командиров, которые не стали вытеснять противника, а фланговыми ударами рассекли группировку, блокировали разрозненные группы и прочесали местность, не позволив противнику безнаказанно уйти от преследования.

Большинство граждан северокавказских республик пострадали незаслуженно, а уклонившиеся от выселения и возмущённые жестокими репрессиями перешли на нелегальное положение и ушли в горы, пополнив ещё не ликвидированные на февраль 1944 г. бандформирования. Массовая депортация северокав-

казских народов поставила под сомнение легитимность борьбы с бандформированиями и обострила и без того сложные межнациональные отношения в регионе. Более того, в последующем именно эта акция стала одним из основных факторов дестабилизации внутривнутриполитической ситуации на Северном Кавказе.

Фоменко Александр Владимирович, директор Центра изучения конкурентных преимуществ и альтернативных стратегий развития Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ)

Пересмотр итогов Второй мировой войны и проблема коллаборационизма: внешнеполитический аспект

Отношение западных стран, и особенно западных стран континентальной Европы, ко Второй мировой войне всегда отличалось и будет отличаться от нашего отношения к Великой Отечественной по нескольким причинам.

Очевидно, что действительно страшным испытанием для Европы стала Первая, а не Вторая мировая война. Для европейцев была Великой войной именно война 1914–1918 гг. Вторая мировая велась со страшными разрушениями и с нечеловеческим напряжением сил лишь на Восточном фронте. И только два государства — Советский Союз и германский рейх — заплатили по всем её счетам. И потому сегодня День Победы вне границ России и СНГ имеет непререкаемо большое значение лишь для Израиля.

Вооружённое сопротивление Гитлеру в Европе, в силу разных причин, носило вполне локальный характер: ни одно из государств континента не смогло или не захотело тогда меряться силами с Германией. И наше — русское и советское — отношение к этой войне не могут разделять граждане тех стран, для которых материальные бедствия войны сводились лишь к отсутствию кофе в свободной продаже. И это не преувеличение: именно так обстояло дело в либо оккупированной, либо контролируемой нацистами Западной Европе. Так, присутствие немецкого оккупационного гарнизона в Париже в начале 1940-х гг. не помешало ни выступлениям популярных французских шансонье, вроде Мориса Шевалье, ни творчеству представителей высокой культуры, вроде Жана Кокто.

Попытки пересмотреть итоги этой войны предпринимались и раньше, например в США, когда почти сразу после её окончания было принято решение о начале жёсткого противостояния с СССР — недавним союзником по антинацистской и антимилитаристской коалиции. В проводившихся в ходе «холодной войны» психологических операциях исторические факты были лишь материалом для создания обеими сторонами нужных им *идеологически верных* (на Западе говорят — *политически корректных*) образов.

В результате взаимных усилий к началу 90-х гг. прошлого века граждане СССР имели слабое пред-

ставление о степени ожесточённости японо-американской войны на Тихом океане, а граждане США и стран-сателлитов были уверены в том, что и немцев, и японцев разбили именно американцы при некотором участии англичан. Правда, дальнейшего занижения степени и значения участия в той войне Советского Союза и его армии дело тогда не пошло (конечно, не на официальном уровне, а *лишь* в средствах массовой информации). Ибо любой намёк на оправдание действий нацистской Германии (в духе современных Таллина или Львова) неизбежно ставил под сомнение роль самих англосаксонских *солдат-освободителей*, пришедших в Западную Европу в 1944–1945 гг.

Все существующие на современном Западе политические режимы легитимизированы именно былой победой *коалиции демократических наций*. Но историческое значение и политический смысл майской Победы 1945 г. для великих западных держав — США, Великобритании с её доминионами, Франции, Германии, как и для большинства остальных стран Европы, — различны.

Для Лондона — это последняя славная страница истории Британской империи, ибо уже через несколько лет, в 1949 г., после признания независимости Индии эта империя прекратила своё существование.

Для Вашингтона — это символ окончательного обретения геополитического наследия Британии и начало полномасштабного военно-политического присутствия в Европе.

Для Парижа — это подтверждение факта возвращения Франции в клуб великих держав после поражения 1940 г. и оккупации немцами половины собственной территории.

Для Берлина — это начало новой, уже не прусской, а европейской, посттоталитарной истории Германии, идейная основа её современной либеральной государственности.

А для других европейских столиц, не притязавших на статус мировых, происшедшая после мая 1945 г. смена правящих режимов во всех не бывших нейтральными европейских странах стала либо подтверждением неполной суверенности этих стран внутри западного мира, либо началом периода

столь же неполной суверенности внутри «социалистического лагеря». Эти страны с того момента стали лишь объектами, но никак не субъектами мировой истории.

Предпосылки для попыток пересмотра итогов Второй мировой войны были заложены ещё двадцать лет назад, в середине 1980-х гг., когда горбачёвский СССР согласился с воссоединением Германии. Именно тогда дальнейшее существование *ялтинско-потсдамско-хельсинкской* системы впервые было поставлено под сомнение. Хотя даже после вхождения ГДР в ФРГ эрозии этой системы вполне можно было избежать.

Однако после распада СССР и не только фактического перекраивания границ в Европе, но и перестройки всей мировой политической архитектуры, трудно было сохранить в неприкосновенности само идеологическое обоснование старой системы — мифологему о *союзной* победе во Второй мировой войне. Сегодня Западная Европа внутри своих старых границ всё ещё продолжает по инерции поддерживать оставшиеся от времён Хельсинкского совещания идеологические клише, а ОБСЕ делает всё, чтобы доказать неизменность старого курса. Тем не менее после агрессии стран НАТО против Югославии и последующего отторжения от Сербии её провинций Косово и Метохии эрозия старого мира стала уже необратимой.

Нужно иметь в виду, что, хотя правящие круги на Западе и вспоминают сегодня о победе над нацистами, делают они это иначе, чем мы.

Если мы как страна в будущем хотим добиться от европейских институтов каких-то дисциплинирующих действий в отношении некоторых новых членов ЕС, то нам явно не следует жаловаться в Брюссель на поведение всяких политических хулиганов.

Учитывая, что генерал Ш. де Голль, придя в 1944 г. к власти, отправил на казнь действительно великого поэта Робера Бразийяка, в общем-то, именно за его *предпочтение* Гитлера Сталину, понятно, какую судьбу он мог бы уготовить какому-нибудь корсиканскому или эльзасскому Степану Бандере.

Совершенно очевидно, что сегодняшние ссылки наших политических и государственных деятелей на мифологию «антигитлеровской коалиции» не имеют для их западных собеседников большого смысла. Вашингтон и Брюссель сегодня мало волнуют события в Ялте и Потсдаме: времена «Большой тройки» давно канули в Лету. Континентальную Европу явно не греют воспоминания о том, как прибывшие из-за океана или из-за Ла-Манша англосаксы (американцы и британцы) за столом переговоров с русскими коммунистами, но без остальных европейцев, определяли судьбу старого континента. Соединённым Штатам

тоже гораздо более приятна новейшая мифология их победы в «холодной войне»* вместе с нынешними западноевропейскими союзниками, нежели историческая реальность Ялты и Потсдама.

Сегодня политика России в области «мягкой силы» должна уступить место политике активной, инициативной. Реакция на те или иные попытки враждебной нам интеллектуальной ревизии итогов Второй мировой войны может иметь смысл только в качестве дополнения к нашим собственным починам в этой сфере. В «войне интерпретаций» следует тратить силы и время на правильную формулировку своих вопросов, предлагая вниманию Парижа, Лондона и Брюсселя соответствующую «ревизию» официальной западной интерпретации истории Второй мировой, а не на поиски нужных ответов на чужие вопросы.

Необходимо при каждом удобном случае напоминать Брюсселю и Парижу о содержании тех страниц европейской военной истории, к которым по воле победителей все послевоенные десятилетия не принято было привлекать излишнего внимания. (В Бельгии, например, сегодня публично даже не упоминается факт участия бельгийских добровольцев пехотной дивизии СС «Валлония» под командованием Леона Дегреля в боях на Восточном фронте, в частности в Эстонии.)

Мы должны поставить «старых европейцев» перед необходимостью определиться, должны ли они сегодня солидаризоваться с духовными потомками тех ветеранов Второй мировой, которые воевали за установление в Европе «нового порядка», или можно обойтись привычными клятвами в вечной дружбе с народами стран антигитлеровской коалиции.

Стоит нам лишь начать публичное обсуждение с западными коллегами неприглядных для западных стран фактов, и мы достаточно скоро почувствуем снижение градуса «войны интерпретаций», поскольку обращение к многогранной теме взаимоотношений Европы и гитлеровского нацизма — весьма неудобно для правящих либеральных европейцев всех стран, даже тех, которые в 1945 г. оказались на *правильной* стороне, на стороне англосаксонско-советских победителей.

Учитывая тот факт, что о наших чувствах Париж и Лондон сегодня особенно не заботятся, нам тоже не следует осторожничать. Впрочем, и нам тоже придётся расстаться с некоторыми историческими иллюзиями и штампами, ставшими привычными за прошедшие после войны десятилетия. Во-первых, мы, не вдаваясь в теоретические и практические различия между версиями европейского антилиберального и антикоммунистического национализма, называли всех без исключения врагов коммунизма и либерализма «фашистами», подразумевая при этом

* К сожалению, мы не очень настойчиво противостояли этой версии роковых событий рубежа 1980–1990 гг. Хотя, между прочим, Горбачёв в Рейкьявике, собственно, не «капитулировал», а закончил «холодную войну» на весьма почётных условиях. Всё, что происходило внутри бывших советских границ потом, после смещения Горбачёва Ельциным и роспуска СССР, относится к нашей внутривнутриполитической, а не военно-дипломатической истории.

немецких национал-социалистов. Хотя разница между католическими корпоративистскими режимами доктора Салазара и генерала Франко, с одной стороны, и революционно-прогрессистскими проектами известного социалиста Бенито Муссолини и не менее известного национал-социалиста Адольфа Гитлера — с другой, огромная. Да и между фашистским режимом Муссолини, явно не симпатизировавшего немцам и идеологически чуждого каким-либо расовым мотивам, и режимом Гитлера различий было не меньше, нежели между двумя течениями ислама — суннитским и шиитским. Так, в июле 1943 г. именно Высший совет фашистской партии Италии проголосовал за отставку Муссолини (и некоторые его заслуженные члены, например Де Боно, заплатились за это головой*). В итоге Итальянское королевство в сентябре того же года замирилось с антигитлеровской коалицией, а 13 октября даже объявило войну Германии.

Во-вторых, в СССР неумеренно прославляли «всеевропейское движение Сопротивления» против нацизма, вне всякой связи с исторической реальностью придавая ему слишком большое значение. А ведь так называемое *Сопротивление* в странах старой Европы носило вполне локальный характер, воздействие его на военную машину Берлина было ничтожно малым. Более или менее масштабное партизанское движение существовало лишь на территории Сербии, а в рядах союзных армий против Гитлера воевали лишь поляки (в гораздо большем числе, нежели официальные победители — французы де Голля).

Славные легенды о французских коммунистах — героях антигитлеровского Сопротивления должны были, в частности, скрыть один бесспорный факт: люди Мориса Тореза в 1940 г. были «пораженцами», выступавшими против войны своей страны с нацистской Германией — тогдашним союзником советских коммунистов. Лишь после 22 июня 1941 г. французские коммунисты и нацисты оказались по разные стороны фронта.

Как в Париже, так и в Москве, Лондоне и Вашингтоне в послевоенные десятилетия предпочитали не вспоминать и о том, как именно появился на свет и что представлял собой известный «вишистский режим». Надо сказать, что национального героя Франции маршала Филиппа Петена (победителя битвы под Верденом) законно избранный французский парламент в 1940 г. с соблюдением необходимых формальностей наделил полномочиями главы *Французского государства*. Маршал был законным главой именно Французского государства, а не какого-то «режима Виши», и в глазах антигитлеровских союзников (как минимум до 1942 г., пока не разорвал отношения с ан-

гლოსаксами из-за их вторжения на территорию французской Северной Африки), и в глазах большинства французов (до осени 1944 г.).

Французское государство, возглавляемое маршалом Петеном, не *капитулировало* перед Германией: военные действия на француско-немецком фронте были остановлены после подписания простого *перемирия* между Парижем и Берлином. И условия этого перемирия были много легче условий известного Брестского мира, заключённого в 1918 г. большевиками (Франции удалось при этом даже сохранить свою огромную колониальную империю).

Глава Французского государства (кстати, как и вождь Испании — генерал Франко), несмотря на давление Германии, так и не объявил войну ни США, ни СССР, т.е. фактически не был союзником Гитлера. Берлин должен был довольствоваться возможностью использовать на Восточном фронте части французских добровольцев из дивизии СС «Карл Великий»**.

Вообще говоря, граждане стран западной Европы вступали в ряды добровольцев «Ваффен СС» в гораздо большем количестве, нежели в ряды Сопротивления. В боевых частях СС этнических немцев было меньше, чем добровольцев из других европейских стран. Даже некоторые идеалистически настроенные представители нейтральных государств Европы вступали в ряды СС и отправлялись на Восточный фронт. Слава Богу, и к счастью для нас, число этих «пассионарных» адептов панъевропейского проекта Гитлера и Гимmlера измерялось сотнями тысяч, а не десятками миллионов.

Европейский коллаборационизм — это отдельная большая тема истории Второй мировой войны. И мы знаем о ней гораздо больше, чем, например, о мучениях и лишениях так называемых «перемещённых лиц», уже после войны миллионами покидавших места своего довоенного проживания или изгнанных отсюда не только советскими коммунистами, но и не советскими либералами-антикоммунистами.

Но история историей, а сегодняшняя политическая реальность Европы вовсе не предполагает пересмотра основополагающей для послевоенного ооновского миропорядка идеологии, даже если в войне *демократических наций* против нацизма и фашизма не всё было так просто, как утверждала пропаганда союзников — американская, британская и советская. И если даже относиться к ней по примеру известного немецкого историка Эрнста Нольте как к всеевропейской *гражданской* войне, то это вовсе не значит, что сегодня непременно нужно героизировать воинов Гая Мариа, проигравшего в начале I в. до Рождества Христова гражданскую войну Луцию Корнелию Сулле.

* Когда Муссолини, освобождённый из-под ареста немецкой группой специального назначения под командованием Отто Скорцени, попытался вернуться к власти на немецких штыках, создав на севере Италии так называемую *Республику Сало*, то с попавшими ему в руки бывшими соратниками, отказавшими ему в доверии, он поступил, так сказать, по законам военного времени.

** Ни в Москве, ни в Париже, ни в Берлине никогда не вспоминали о том, что воинским подразделением, до последней капли крови защищавшим рейхсканцелярию от наступающих советских частей, была именно рота этой дивизии СС.

Известно, что и в более ясных, как с моральной, так и с юридической точек зрения, случаях исторические изыскания и оценки не могут приводить и не приводят к пересмотру оценок политических. В пору американской Войны за независимость, например, десятки тысяч британских колонистов сохранили верность короне и заплатились за это, подвергшись беспощадным репрессиям после победы сепаратистов. Оставшись верными своему королю и своему государству, с современной точки зрения они пострадали совершенно безвинно. Но никакое правительство США не сможет позволить себе сомневаться в юридической и политической правоте Дж. Вашингтона и Т. Джефферсона.

Сегодня нам можно быть вполне откровенными в освещении всех без исключения трудных тем истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. В том числе и темы русского и советского коллаборационизма. Нет таких тем, обсуждение которых может быть неудобно для нашей страны — не только правопреемницы СССР, но и наследницы Российской империи. Нет никаких причин объявлять деятельность разного рода русских и советских коллаборантов альтернативой тому антигитлеровскому сопротивлению, в котором объединилось безусловное большинство как советских граждан, так и русских антисоветски настроенных эмигрантов.

Понятно, что в условиях войны недопонимание природы гитлеровского режима и его отношения к нам, русским, можно было объяснять разного рода обстоятельствами, *бедствиями войны*, но сегодня эти объяснения неприемлемы. Смешно рассуждать о *борьбе с коммунизмом*, а не с *Россией* применительно к всеевропейскому походу против СССР в 1941–1945 гг.

Очевидно, что национал-революционер Гитлер не готовил для России никаких реставрационных проектов, а любой антикоммунистический проект неизбежно реставрационен, хотя бы по форме.

Сегодня можно только сожалеть о политической и человеческой наивности, с которой на «антикоммунистическую» идейную приманку клюнули многие европейские антикоммунисты, русские белоэмигранты и бывшие советские граждане, сотнями тысяч служившие как в немецких вооружённых силах, так и в различных этнических формированиях на стороне нацистов. Зимой и весной 1945 г. они вряд ли вступали в РОА и тем более шли в бой из простой трусости или каких-либо подобных чувств. Видимо, степень ненависти к режиму превышала у этих людей все возможные пределы, и можно только догадываться, какие события в их семейных историях и истории их страны послужили причиной этой ненависти. То, что в 20-е и 30-е гг. прошлого века советский режим сделал с подвластным ему народом, мы до сих пор не можем до конца понять. Похоже, никогда народы Российской империи не испытывали к своим правителям таких чувств, какие испытывали в 1920-е

или 1930-е гг. народы СССР. Если в 1914 г. латыши верноподданнейше просили Государя даровать им возможность создать национальные части латышских стрелков для борьбы с германской армией, то в 1941 г. национальные латышские части формировались уже и на немецкой стороне, в рядах «Ваффен СС». Если в 1916 г. Государь благодарил за военные подвиги на австрийском фронте *своих славных ингушей и чеченцев*, добровольно вступавших в русскую армию, то в 1944 г. маршал Сталин депортировал тех же горцев из родных мест, не будучи удовлетворён степенью их лояльности советскому режиму.

Весьма показательна в этом смысле судьба «белого» коллаборанта, видного русского писателя и героя Первой мировой войны генерала П. Н. Краснова. В 1941–1945 гг. он решил продолжить свою собственную Гражданскую войну с «красными», хотя якобинцев к тому времени уже вымели из Кремля корсиканской метлой, и из разнородного революционного сброда уже выросли будущие сталинские маршалы.

Нужно признать фундаментальную разницу в юридической и моральной ответственности, так сказать, «белых» и «красных» коллаборантов. Ибо тот же Краснов, в отличие от Власова, определённо не предавал «нашу Советскую Родину» ни в 1941, ни в 1945 году. Присягу он давал в своё время государю императору, а не Советскому правительству. (С вполне февралистски настроенным семинаристом-коммунистом Власовым реакционер и казак Краснов, кстати, решительно не захотел иметь дела.) Поэтому Краснова можно было, в соответствии с нравами Гражданской войны, убить как политического врага советского режима, воевавшего на стороне тогдашнего противника, его можно осуждать за шашни с нацистами, но его, в отличие от Власова, не за что было судить советским судом.

С холодно-исторической точки зрения можно согласиться с тем, что у бойцов Русского корпуса генерала Штейфона, воевавшего в Югославии против коммунистических партизан Тито, как и у казаков Краснова и фон Паннвица, была своя правда в той войне. Но это совсем не отменяет того бесспорного факта, что своя правда была и у генштабистов Шапошникова, и у солдат Рокоссовского (тот и другой, кстати, были офицерами ещё царского производства). Эта-то историческая правда Шапошникова (а не Краснова) и победила в 1945 году.

Русскую судьбу в XX в. можно действительно считать трагической, потому что в высоком жанре трагедии все протагонисты правы, но итог трагедии — катастрофа. В отличие от драмы, где всем ясно — кто герой, а кто злодей. Но недаром ведь драма считается мещанским жанром. А Эсхил, Софокл и Еврипид — это что-то иное, бесконечно более высокое.

На чём нам действительно стоит настаивать в разговорах с бывшими союзниками по Второй мировой, так это на том, что последствия «мягкого» пересмотра её итогов, хотя и не столь уж очевидны

сегодня, но вполне угрожающе для существующей системы международных отношений. Это не всегда учитывают как в Риге и Таллине, так и в Вашингтоне, Париже и Лондоне.

Год 1945-й был не только годом военного торжества либерализма и коммунизма, но и годом военного поражения идеи этнического и расового национализма. Многонациональные имперские миры Вены и Петербурга, разрушенные под аккомпанемент мантр о «самоопределении» народов, были отмщены. Далеко не случайно те восточноевропейские политики, кто попробовал пересмотреть итоги Второй мировой и дать новую жизнь старым политическим проектам националистического свойства (вроде новой усташской державы 90-х гг. — Хорватии), не смогли сделать этого, не пролив реки крови.

Год 1945-й был годом прекращения внутриевропейского соперничества и противостояния, собственно, и породившего в начале века весь кошмар второй Тридцатилетней войны 1914–1945 гг. Даже будучи зажатые между Москвой и Вашингтоном, европейские страны именно тогда поверх блоковых барьеров почувствовали, наконец, свою континентальную общность.

Пересмотр политических итогов европейской гекатомбы означает восстановление под тем или иным предлогом старой парадигмы внутривидового соперничества в отношениях между европейскими державами. Европа из-за прививки ей восточноевропейского антикоммунизма рискует потратить годы на «исторические» разборки. Ведь если Рузвельт, Черчилль и Сталин были неправы в мае 1945-го, то тогда всё возможно в 2010-м или 2015-м!

Важный для нас вопрос — избавление от советских иллюзий о «всемирно-историческом значении» нашей победы во Второй мировой войне. Чтобы ощутить законную гордость за свою страну и свой народ, нам вполне достаточно сознания того, что это была *наша Великая победа в нашей Отечественной войне* и что в *такой* войне не мог добиться военной победы *никто, кроме нас*. Именно для нас и только для нас это была война на выживание. И именно мы нанесли военное поражение врагу на поле боя. Англо-американцы, канадцы и французы так никогда и не почувствовали, к счастью для них, что означают слова, выбитые на сталинских медалях: «За взятие...» (читай — Кенигсберга, Берлина, Вены и Будапешта)*.

В мире никто, кроме британцев, по большому счёту не был столь уж заинтересован в победе союзников.

Для большинства граждан США европейская война (в отличие от войны тихоокеанской) тогда представлялась не более необходимой, нежели ны-

нешняя иракская кампания. Тогдашние американские правые интеллектуалы, не только историки-ревизионисты, исходя из совершенно патриотических и консервативных соображений, оценивали действия администрации Ф. Рузвельта не менее жёстко, чем современные левые интеллектуалы оценивают действия администрации Буша-младшего. Поэтому американские исследователи могут десятилетиями обсуждать степень серьёзности причин и поводов для вступления их страны в войну как против Японии, так и против Германии.

Та часть населения британских колоний, которая тяготилась колониальным статусом и мечтала о деколонизации, явно предпочла бы победу нацистской Германии над колонизаторами из Лондона.

Иранские же интеллектуалы вряд ли радовались, что территория их страны в годы Второй мировой войны была оккупирована СССР и Британской империей и что без всякого спроса на их земле наша «Большая тройка» проводила свои встречи.

По схожим причинам националистически настроенные латиноамериканцы не особенно радовались победам североамериканских «гринго». А после войны именно в Латинской Америке укрывались бежавшие из Европы гитлеровцы.

Нам настолько привычно отмечать день 9 Мая как важнейшую дату нашего календаря, что удивительным кажется тот факт, что сам-то победитель Гитлера, генералиссимус Сталин, не считал необходимым превращать этот день в государственный и всенародный праздник, каким мы его знаем. Для него этот день был важнейшей вехой в истории страны (и, между прочим, день его личного торжества), но побеждённый в той войне враг был для него лишь побеждённым врагом, но никак не персонификацией мирового зла.

Для Брежнева, ветерана Великой Отечественной, эта война была главным в жизни событием, поэтому он и оказался в роли инициатора всенародного празднования в СССР Дня Победы. Вольно или невольно брежневская инициатива стала зримым выражением не столько сознательной *русификации*, сколько бессознательного и естественного *обрусения* коммунистического режима. И к тому же, если какое событие и могло служить основанием для разговоров о существовании *новой исторической общности людей — советского народа*, то это Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Сегодня, через два десятилетия после роспуска СССР, День Победы, пусть и на территории СНГ, ежегодно даёт повод для общих воспоминаний, повод говорить об исторически существовавшем единстве — *единстве судьбы*, и настаивать на сохранении

* Немецкий комендант 18-тысячного немецкого гарнизона Ла-Рошели, за время оккупации превращенной в неприступную твердыню, после высадки союзников в Нормандии получил из Берлина приказ оборонять город до последнего, а затем взорвать его. Вполне осознавая бессмысленность сопротивления, но не желая позорного плена без боя, он в октябре 1944 г. заключил с представителем правительства де Голля соглашение о «ненападении» и спустил флаг лишь 8 мая 1945 г. Это была — другая война.

этого (континентального по масштабам!) единства. Уже по одной этой причине (так сказать, волею истории) современный посткоммунистический Кремль просто обязан продолжать эту старую, начатую в начале правления генсека Брежнева, традицию. Вне зависимости от того, насколько велико всемирно-

историческое значение нашей победы в Великой Отечественной войне для глобализирующегося мира, для одной шестой части земной суши — территории Российской империи и СССР, 9 Мая — великий день. Значение его для нас нельзя переоценить.

Это — наш праздник.

¹ Квицинский Ю. А. Россия-Германия. Воспоминания о будущем. М., 2008.

² Фоменко А. В. Выход — был! Наследие Франца-Фердинанда // Международная жизнь. 2009. № 2–3.

³ Фоменко А. В. Прибалтика как русская проблема // Международная жизнь. 2008. № 5.

⁴ Russett B. M. No Clear and Present Danger. A Skeptical View of the United States Entry into World War II. New York, Hagerstown, San Francisco, London, 1972.

⁵ Stonor S. F. Who Paid the Piper? The CIA and the Cultural Cold War. London, 2000.

**Кринко Евгений Фёдорович, доктор исторических наук,
заместитель директора Института социально-гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону)**

Русские казаки по обе стороны фронта: окончательные акценты расставила война

С момента своего прихода к власти большевики осуществляли репрессивную политику в отношении казачества. Тяжёлым следствием Гражданской войны стала вынужденная эмиграция десятков тысяч казаков. А сотни тысяч оставшихся в России с 1918 г. и до начала 1930-х гг. подвергались физическому истреблению и выселению. «Расказачивание» и коллективизация, ограничения в военной службе и ношении традиционной одежды вели к ликвидации казачества как определённой социальной группы со своими моральными нормами, ценностями и образом жизни. Только в середине 30-х гг. прошлого века политика в отношении казачества стала меняться, и в составе Рабочее-крестьянской Красной армии (РККА) появились казачьи кавалерийские дивизии. Однако в 1940–1941 гг. большую часть кавалерийских частей расформировали, а их личный состав передали в танковые и механизированные войска.

К 22 июня 1941 г. в составе РККА действовало только одно соединение, носившее название казачьего — 6-я Кубано-Терская Чонгарская краснознаменная кавалерийская дивизия, входившая в состав 6-го казачьего кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора М. П. Константинова. Находясь в первых эшелонах советских войск, части дивизии уже 22 июня противостояли соединениям вермахта, наступавшим в направлении Ломжи, а затем стали отходить на Белосток. Не имевшие никакого прикрытия с воздуха части дивизии попали под удар авиации противника, были отрезаны и уничтожены.

В ходе первых боёв Красная армия понесла значительные потери, что резко сократило манёвренность её частей и соединений. Поэтому в 1941 г. были сформированы 82 кавалерийские дивизии лёгкого типа, численностью примерно по 3 тыс. человек. Система подготовки кавалерийских частей, действовавшая во второй половине 1930-х гг. в тер-

риториальных формированиях, особенно в местах компактного проживания казачьего населения, позволила в короткие сроки при минимальных затратах сил и средств создать и отправить на фронт новые соединения. Только на Северном Кавказе летом 1941 г. было сформировано и направлено в действующую армию 17 кавалерийских дивизий. В связи с тяжёлой обстановкой свой боевой путь они начинали практически одинаково, отправляясь на фронт уже через 10–15 суток после начала комплектования. Обычно кавалерийские соединения вводились в прорыв на узком участке фронта и действовали в тылу противника, сковывая продвижение его моторизованных сил и нанося им ущерб.

Один из первых таких рейдов предприняла в июле 1941 г. в Белоруссии кавалерийская группа, сформированная из 32-й (под командованием полковника А. И. Бацкалевича), 43-й (комбриг И. К. Кузьмин) и 47-й (генерал-майор А. А. Сидельников) кавалерийских дивизий. В ходе ожесточённых боёв, натолкнувшись на сильное сопротивление врага и понеся большие потери, кавалерийская группа, тем не менее, свою боевую задачу выполнила, сковав 43-й немецкий армейский корпус севернее Мозыря и задержав продвижение 35-го армейского корпуса.

В Крыму действовали 40-я (под командованием полковника Ф. Ф. Кудерова), 42-я (полковник В. В. Глаголев) и 72-я (генерал-майор В. И. Книга) кавалерийские дивизии. А 62-я (полковник И. Ф. Куц), 64-я (полковник Н. В. Симеров) и 66-я (полковник В. И. Григорович) кавалерийские дивизии вошли в состав Южного фронта и приняли активное участие в оборонительной и наступательной операциях в районе Ростова. В состав кавалерийской группы генерал-майора А. Г. Селиванова, затем кавалерийской группы полковника Л. М. Доватора вошли 50-я (под командованием полковника И. А. Плиева) и 53-я

(комбриг К. С. Мельник) кавалерийские дивизии, которые участвовали в Смоленском сражении, а позднее — в битве за Москву. Из оренбургских казаков были сформированы 8-я гвардейская Ровенская казачья кавалерийская дивизия и ополченческая казачья дивизия (в Челябинске).

Всего в годы войны в Советском Союзе было сформировано более 70 казачьих частей и соединений, многие из них впоследствии стали гвардейскими. Казачья кавалерия сыграла определённую роль в отражении ударов вермахта в первый, самый сложный период войны. Казаки продемонстрировали умение наступать и обороняться, действовать как в конном, так и в пешем строю. Однако, не имея тяжёлого вооружения, их дивизии оказывались практически беззащитными перед налётами авиации противника и несли серьёзные потери. Поэтому большая их часть была расформирована, а их личный состав передан на комплектование других воинских формирований.

Наибольшую известность среди всех казачьих частей, созданных в годы Великой Отечественной войны, получил 17-й и сформированные на его основе 4-й и 5-й гвардейские кавалерийские корпуса. Они комплектовались на добровольной основе из лиц непризывного возраста по принципу: одна сотня из района Ростовской области на одну сотню из Краснодарского края. По традиции казаки должны были явиться на призывные пункты в полном обмундировании, со всем необходимым снаряжением и на лошадях, выделенных колхозами. Однако казачье происхождение, как и в других советских казачьих частях, при этом не учитывалось: на службу принимали представителей разных национальностей, но не брали воевавших за «белых» и родственников репрессированных граждан, к которым власть сохраняла недоверие.

Первым был зачислен в кадровый состав Красной армии 17-й казачий кавалерийский корпус (4 января 1942 г.). В него вошли 12-я и 13-я Кубанские, 15-я и 116-я Донские казачьи дивизии. Командиром корпуса стал генерал-майор М. Ф. Малеев, позднее на этом посту его сменил генерал-майор Н. Я. Кириченко. Боевым крещением для казаков оказались бои в конце июля — начале августа 1942 г. с частями 17-й армии вермахта, наступавшими на Кубань с севера. Энергичные действия казаков на Северном Кавказе на фоне невыразительного сопротивления других советских частей заслужили высокую оценку командования. Ставка Верховного Главнокомандования поставила их в пример другим соединениям, указав командованию фронта: «Добейтесь того, чтобы все ваши войска действовали, как 17-й кавалерийский корпус».

Однако в условиях общего отступления корпусу пришлось отойти на юг, ведя упорные бои в горно-лесистой местности с мотомеханизированными частями противника. За проявленную доблесть 27 августа 1942 г. 17-й корпус был преобразован

в 4-й гвардейский казачий кавалерийский корпус. 12-я и 13-я кавалерийские дивизии стали соответственно 9-й и 10-й гвардейскими Кубанскими казачьими, 15-я и 116-я — 11-й и 12-й гвардейскими Донскими казачьими кавалерийскими дивизиями. Позднее, 20 ноября, был образован 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус под командованием генерал-майора А. Г. Селиванова, куда вошли 11-я и 12-я гвардейские Донские казачьи, а также 63-я кавалерийская дивизии. 4-й гвардейский корпус стал именоваться Кубанским, в его состав вошла 30-я краснознамённая кавалерийская дивизия. В 1943 г. кавалерийские корпуса объединили с танковыми частями в конно-механизированные группы, более отвечающие требованиям современной войны.

На территории казачьих районов были сформированы и другие части. В частности, на Кубани была создана 9-я гвардейская пластунская Краснодарская Краснознамённая дивизия под командованием генерал-майора П. И. Метальникова. Сталин держал эту дивизию под своим личным контролем, и использовать пластунов можно было только с разрешения Ставки Верховного Главнокомандования. Как и другие казачьи соединения, пластуны имели соответствующее парадное обмундирование — тёмно-синюю черкеску с чёрной отделкой, красные бешмет и башлык. Но надевали их лишь во время смотров и в других торжественных случаях. Полевое обмундирование рядовых и сержантов состояло из казакина цвета хаки, а офицеры были одеты в общеармейские гимнастёрку или китель. От других частей пластуны отличались кубанкой, которую носили наряду с пилотками и фуражками общеармейского образца, а также кинжалами. С августа 1944 г. пластуны в составе 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта вели боевые действия на территории Польши, овладели важным узлом коммуникаций и крупным центром авиационной промышленности — городом Дембицы. В январе 1945 г. казачьи части прорвались к Висле и вошли в древнюю польскую столицу Краков, а затем перенесли боевые действия на территорию Германии. Завершилась война для пластунов 12 мая 1945 г. западнее Праги.

В целом в годы войны советское руководство изменило своё отношение к казачеству, признав его самостоятельным народом. Своеобразной демонстрацией этого стало участие представителей казачества Кубани, Дона, Терека и Сунжи в антифашистском митинге народов Северного Кавказа, проходившем 13 августа 1942 г. в Орджоникидзе. Создание казачьих частей стало следствием нового политического курса, направленного на единение всех народов страны в борьбе со смертельным врагом, и служило прямым подтверждением справедливости «ленинско-сталинской национальной политики».

Руководство Германии в годы войны также активно пыталось разыграть «казачью карту», получив поддержку части представителей казачьей эмиграции,

многие из которых испытывали ненависть к большевизму. При этом некоторые эмигранты связывали своё будущее с освобождением России от большевиков, другие придерживались идеи создания независимого казачьего государства. Лишь немногие признавали возможность компромисса с советской властью. Поэтому значительная часть эмигрантов восприняла нападение Германии на СССР с воодушевлением, ожидая скорого возвращения на родину.

Однако политические цели Третьего рейха не предусматривали ни сохранения единой России, ни создания на её месте новых независимых государственных образований. Первоначально Министерство по делам оккупированных восточных территорий планировало выделить населённую казаками территорию между Доном и Волгой в особый полуавтономный район, но вскоре отказалось и от этой идеи. Земли донских казаков предполагалось включить в состав имперского комиссариата «Украина», кубанских и терских — в состав комиссариата «Кавказ». Гитлер прямо утверждал: «Только немец может владеть оружием, а не славянин, не чех, не казак, не украинец!» В силу этого участие эмигрантов в войне против СССР было признано нежелательным.

Ситуация изменилась уже к концу 1941 г., когда провал «блицкрига», немалые потери на фронте и подъём сопротивления на оккупированной территории вынудили немецкое командование пойти на создание вооружённых частей из граждан СССР различных национальностей. Казаки при этом рассматривались не только как прирождённые воины, но и как наиболее убеждённые борцы с большевизмом. Идеологическим основанием для привлечения казаков к военной службе на стороне Третьего рейха стала теория об их «арийском» происхождении, в соответствии с которой они считались потомками германского племени остготов, владевшего Причерноморьем во II—IV вв.

Гитлер разрешил использовать казаков для борьбы с партизанами и в боевых действиях на фронте как «равноправных союзников» 15 апреля 1942 г. Впрочем, первые казачьи части в составе вермахта по инициативе отдельных немецких командиров появились ещё осенью 1941 г. Первоначально создавались сравнительно небольшие подразделения — сотни и эскадроны — для охраны тыла действующей армии и борьбы с партизанами. Первую относительно крупную казачью часть — 102-й (затем — 600-й) дивизион, сформированный в Могилёве из военнопленных и насчитывавший 1,8 тыс. человек, возглавил донской казак и майор Красной армии И. Н. Кононов, добровольно перешедший на сторону противника в конце августа 1941 г.

Центрами формирования казачьих частей на Украине с лета 1942 г. стали лагеря в Виннице, Славуте и Шепетовке, куда направляли всех советских военнопленных, признавших себя казаками. Здесь был создан 1-й Атаманский полк под командованием под-

полковника барона фон Вольфа, затем ещё 13 полков и другие части. Вся служба в них, включая распорядок дня, была организована по образцу дореволюционных казачьих войск. Впрочем, «природных казаков» в них оказалось немного, большинство составляли военнопленные красноармейцы, назвавшиеся казаками для того, чтобы выжить и при удобном случае перейти на сторону советских войск. Кубанские полки действовали сначала на Украине, а затем в Белоруссии, охраняли железные дороги и другие военные объекты от нападений партизан.

Немецкое командование в Сербии в 1941 г. тоже разрешило создать из эмигрантов и их детей Русский охранный корпус для действий против югославских партизан. Он включал 1-й казачий полк под командованием генерал-майора В. Э. Зборовского.

Численность казаков в вермахте возросла летом-осенью 1942 г., когда немецкие войска оккупировали прежние казачьи территории — Дон, Кубань и Терек. Там воссоздавалось казачье самоуправление во главе со станичными и окружными атаманами, возродилась религиозная жизнь. На нижней Кубани был создан автономный казачий район, включавший территорию шести административных районов Краснодарского края с населением около 160 тыс. человек.

На созданные в кубанских станицах казачьи сотни возлагались задачи борьбы с партизанами и охрана различных объектов, некоторые впоследствии вошли в состав более крупных частей.

Из казачьих сотен, сформированных при 17-й армии вермахта, был создан полк, носивший имя героя Отечественной войны 1812 г. М. И. Платова и насчитывавший около 2 тыс. кубанских, донских, терских и уральских казаков. Полком командовал майор Томсен.

Активно участвовал на стороне оккупантов в битве за Кавказ казачий полк, сформированный в составе 1-й танковой армии вермахта и носивший имя своего командира, подполковника И. фон Юнгшуйльца. В эти и другие казачьи части вступали люди, не принимавшие советскую власть. Кроме того, германское руководство применяло различные методы вербовки. На оккупированной территории Краснодарского края семьям казаков, добровольно вступавших в вермахт, выдавали денежное вознаграждение в 500 руб. «Особо преданные» казаки зачислялись в разряд «нового казачества», представители которого получали дополнительный земельный надел из расчёта 1 га на человека и по 2 лошади на хозяйство, им также в два раза снижали налоги. Холостым казакам платили по 250 руб., женатым — по 300 руб. в месяц.

Существенное значение уделялось пропаганде, особенно в средствах печати. Специально для казаков, служивших в вермахте, издавались газеты «Казачья заря», «Казачий клич», «Казачий вестник», «Казачий клинок», журналы «На казачьем посту» и «Казачья кавалерия». Военнопленным зачитывали приказ

№ 270 Ставки Верховного Главнокомандования, объявлявший их изменниками Родины, сообщали о победах вермахта, «захватах» Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Сочи, Тбилиси и других советских городов. Широко распространялись материалы о массовых репрессиях советского режима, о самобытности казачества, казачьих обычаях и православных обрядах, о необходимости совместной с германскими войсками борьбы против общего врага — большевизма.

К пропаганде активно привлекались эмигранты. Ещё в июле 1942 г. П. Н. Краснов составил проект обращения Гитлера к казакам, который лишь 10 ноября был опубликован за подписями Кейтеля и Розенберга. Германские руководители обещали казакам сохранение их самобытности, соблюдение прежних привилегий, неприкосновенность земельных угодий, а также обустройство казачьей жизни на востоке Европы в случае, если возвращение «на земли предков» будет невозможным. Лидеры эмиграции призывали казаков бороться вместе с немцами против большевиков, обещая создать казачье государство на Дону, Кубани и Тереке.

Тем не менее далеко не все жители оккупированных районов стремились вступить в казачьи части и воевать вместе с гитлеровцами. Поэтому немецкое командование использовало и принудительную мобилизацию, подвергая репрессиям всех, уклонившихся от неё, а также членов их семей. В целом части, сформированные из добровольцев в казачьих станицах и перебежчиков при германских полевых соединениях, оказались более надёжными, чем сотни и эскадроны из военнопленных.

Осенью 1942 г. командующий 1-й танковой армией, а затем группой армий «А» генерал-полковник Э. Клейст поручил полковнику Г. фон Паннвицу сформировать и возглавить казачью дивизию. Однако успешное контрнаступление советских войск в январе 1943 г. сорвало эти планы. Казакам, перешедшим на сторону Германии, пришлось спешно эвакуироваться с территории Северного Кавказа вместе с отступавшими немецкими войсками. С ними уходили члены их семей, а также все те, кто опасался восстановления советской власти. Впоследствии беженцы составили Казачий стан, который возглавил походный атаман С. В. Павлов, а после его гибели — Т. И. Доманов.

В апреле 1943 г. в польском городе Млау под командованием ставшего генерал-майором Г. фон Паннвица началось формирование 1-й казачьей дивизии. В неё вошли наиболее боеспособные полки под командованием Юнгшульца, Томсена и Вольфа, дивизион Кононова и другие части, сформированные по принадлежности к определённому войску. Дивизия состояла из двух конных бригад — 1-й Донской (1-й Донской, 2-й Сибирский, 4-й Кубанский полки) и 2-й Кавказской (3-й Кубанский, 5-й Донской, 6-й Терский полки), двух конно-артиллерийских дивизионов (Донского и Кубанского) и других подразделений. Все командиры полков, кроме И. Н. Кононова,

были немцами; в каждом эскадроне 12–14 хозяйственных должностей занимали немецкие солдаты и унтер-офицеры. Всего в дивизии насчитывалось 18,5 тыс. человек, в том числе 4049 немцев.

Хорошо говоривший на русском языке и прекрасно сидевший в седле фон Паннвиц поощрял в своём соединении соблюдение казачьих обычаев и церковных обрядов. Парадная форма была сшита по образцу казачьей: командир дивизии и другие высшие немецкие офицеры носили черкески с газырями, наборные пояса и папахи. В Млау были также сформированы учебно-запасной полк, унтер-офицерская школа и школа юных казаков для нескольких сотен подростков, лишившихся родителей.

Общее руководство всеми казачьими частями в вермахте осуществлял отдел добровольческих формирований при Главном командовании сухопутных войск Германии. В декабре 1942 г. при Министерстве по делам восточных оккупированных областей было создано специальное Казачье управление во главе с Н. А. Гимпелем, а в марте 1944 г. при нём возникло Главное управление казачьих войск (ГУКВ), которое должно было играть роль «казачьего правительства» в изгнании во главе с П. Н. Красновым. В него вошли походный атаман казачьих войск С. В. Павлов, кубанский войсковой атаман В. Г. Науменко, походный атаман Терского войска полковник Н. Л. Кулаков. ГУКВ занимался отбором казаков в лагерях военнопленных и восточных рабочих, их вербовкой в казачьи части вермахта, устройством казачьих семейств, стариков и инвалидов.

К этому времени участились случаи перехода военнслужащих коллаборационистских формирований на сторону советских войск, и в конце 1943 г. германское командование перевело большую их часть в Западную Европу. Во Франции казачьи части участвовали в охране Атлантического вала и в борьбе с югославскими партизанами. 1-ю казачью дивизию немецкое командование первоначально предполагало использовать на Восточном фронте, но изменившаяся обстановка заставила перебросить её в сентябре 1943 г. в Югославию. В междуречье Дуная и Тисы дивизия вела боевые действия против партизан, охраняла коммуникации и другие стратегические объекты. Благодаря своей манёвренности она оказалась лучше приспособлена к горным условиям Балкан и действовала более эффективно, чем немецкие пехотные и моторизованные дивизии. В течение лета 1944 г. части дивизии предприняли не менее пяти самостоятельных операций в горных районах Хорватии и Боснии, уничтожив целый ряд партизанских опорных пунктов.

В конце войны соединению Г. фон Паннвица пришлось сражаться против регулярных частей Красной армии. В декабре 1944 г. войска 3-го Украинского фронта вышли в долину реки Драва, и германское командование выдвинуло навстречу им 1-ю казачью дивизию. В районе Вировитица, на правом берегу

Дравы, заняла плацдарм 233-я Кировоградско-Знаменская стрелковая дивизия. 26 декабря 2-я Кавказская казачья бригада при огневой поддержке шести миномётных и трёх артиллерийских батарей сумела смять боевые порядки 703-го полка. Чтобы избежать окружения, советские войска отошли, потеряв 205 человек убитыми, 145 красноармейцев попали в плен. В дальнейшем казаки продолжали удерживать фронт против болгарских войск и югославских партизан, затем с боями прорвались в Австрию.

Ещё в августе 1944 г. все иностранные национальные формирования перешли в ведение СС. Пополненная переброшенным из Франции казачьим полком под командованием Рентельна, казачьими батальонами из Польши и другими подразделениями дивизия 25 февраля 1945 г. была преобразована в 15-й казачий кавалерийский корпус войск СС, что позволило улучшить её обеспечение оружием, боевой техникой и автотранспортом. Обе кавалерийские бригады были переименованы в дивизию, конно-артиллерийские дивизионы — в полки, а на базе 5-го Донского полка Кононова началось формирование Пластунской бригады из двух полков. Общая численность корпуса к этому времени достигла 25 тыс. солдат и офицеров, в том числе от 3 до 5 тыс. немцев.

В конце войны, стремясь использовать любую возможность, чтобы предотвратить надвигающийся крах, германское руководство пошло на объединение всех частей, сформированных из советских граждан, в единую Русскую освободительную армию во главе с генерал-лейтенантом А. А. Власовым. 14 ноября 1944 г. в Праге состоялось Учредительное собрание Комитета освобождения народов России (КОНР), в состав которого вошли действовавшие к тому времени национальные комитеты. Поскольку П. Н. Краснов выступил против такого объединения, в противовес ГУКВ в феврале 1945 г. были созданы Управление казачьих войск при КОНР и Совет казачьего войска, в который вошли полевые атаманы Донского, Кубанского и Терского войск, представители оренбургских, уральских, астраханских, сибирских, семиреченских, забайкальских, амурских и уссурийских казаков.

В марте 1945 г. в подчинение КОНР перешла группа генерал-майора А. В. Туркула, преобразованная в казачью кавалерийскую бригаду из трёх полков, во второй половине апреля — Казачий стан, 15-й корпус СС и учебный казачий полк А. Г. Шкуро. 22 марта 1945 г. атаман Науменко объявил о подчинении Власову кубанских казаков, а через два дня общеказачий съезд в Вировитице принял решение о немедленном подчинении КОНР всех казачьих войск, сосредоточении их в районе Зальцбурга и Клагенфюрта для создания казачьей ударной армии, отстранении всех несогласных с этим планом немецких офицеров и Краснова. Походным атаманом казаков впервые был избран иностранец — генерал-лейтенант фон Паннвиц.

К середине мая 1945 г. Казачий стан, 15-й корпус и некоторые другие части сосредоточились в долине реки Драва на стыке австрийской, итальянской и хорватской границ в Тирольских Альпах и сдались там англичанам. Первое время казаков содержали в относительно свободных условиях, отношение английских солдат к ним было подчёркнуто корректным. Однако по соглашению, подписанному в Ялте в феврале 1945 г., судьба казаков была уже предreshена. Сначала англичане разоружили их под предлогом выдачи нового оружия, затем арестовали генералов и офицеров, лишив казаков руководителей. После этого была проведена массовая депортация из долины Дравы.

Всего в казачьих частях на стороне противника в годы Великой Отечественной войны сражалось не менее 70–80 тыс. человек, из них примерно 50 тыс. составляли потомственные казаки. Весной-летом 1945 г. в СССР были насильственно репатриированы 50–55 тыс. казаков, включая не менее 3 тыс. эмигрантов, на которых Ялтинские соглашения официально не распространялись. Большинство оказалось в советских лагерях, часть по возвращении домой сразу расстреляли. В январе 1947 г. были казнены казачьи генералы П. Н. Краснов, А. Г. Шкуро, С. Н. Краснов, Т. И. Доманов и Г. фон Паннвиц, а также черкесский князь, генерал К. Султан-Гирей. Таким образом, поражение Германии в войне стало поражением и для той части казачества, которая вольно или невольно связала свою судьбу с рейхом.

Часть II

Власов и власовщина: история расставляет оценки

Мультигули Пётр Валентинович, руководитель интернет-сайта «Академия российской истории»

Генерал Власов — история предательства

Личность генерала Власова сама по себе не стоит того, чтобы посвящать ей научные конференции. В истории всех стран встречаются изменники, которые предпочли служить не своей родине, а её внешним врагам. Такие примеры есть и в истории России. В этом смысле Власов ничем не отличается от князя Курбского или гетмана Мазепы. Тем более что сам Власов уже предстал перед Вечным Судией и лишь Ему принадлежит право последнего приговора. Поэтому речь должна идти не столько о прошлом, сколько о настоящем. А сегодня наблюдается очень опасная тенденция возводить измену в добродетель и оправдывать это политической целесообразностью. Под видом неприятия большевизма сегодняшние защитники Власова, по существу, занимаются реабилитацией этого самого большевизма как политического инструмента. (Ленин, как известно, желал поражения своей собственной стране в Первой мировой войне.)

Примечательно, что сегодняшние апологеты Власова одновременно восторгаются декабристами и горячо оправдывают генералов-изменников, предавших Царя в феврале 1917 года.

Но самой кощунственной, самой чудовищной, безусловно, следует назвать попытку реабилитировать предателей времён Великой Отечественной войны — самой тяжёлой и кровавой из всех войн, которые вела Россия за всю её историю. Это не только кощунственно, но и весьма опасно с точки зрения государственных интересов. Не случайно, что презентация уже неоднократно упоминавшейся книги о Георгии Митрофанова, в которой автор возводит Власова в ранг национального героя, состоялась 22 июня 2009 г., а уже 3 июля Парламентская ассамблея ОБСЕ приравнивала нашу страну к нацистской Германии. Совпадение? Может быть. Но в любом случае, героизация Власова выгодна сегодня в первую очередь нашим врагам, точно так же, как она была выгодна им 65 лет назад.

Здесь следует отметить, что вся апологетика власовцев наполнена ложью.

Первая ложь — это определение Великой Отечественной войны как войны братоубийственной. Всякие попытки представить её «второй Гражданской войной» оказываются несостоятельными, если проанализировать национальный состав советских коллаборационистов. Заметим, что на службе у нацистской Германии состояло (а не воевало!) 1 млн

200 тыс. советских граждан. Опять-таки заметим — советских граждан, а не только русских. Как мы помним, в состав Советского Союза накануне Великой Отечественной войны вошли государства Прибалтики, которые были нацигерованы прогерманской агентурой. С приходом немцев эта агентура вербовала в эсэсовские части сотни людей, по тем или иным причинам недовольных советской властью. Но ещё больше прибалтов пошли служить в эти части из-за куска хлеба. В то же время сотни тысяч советских граждан из числа латышей, литовцев и эстонцев воевали в рядах Красной армии, а на фронтах Великой Отечественной погибли 21,2 тыс. эстонцев, 11,6 тыс. латышей и 11,6 тыс. литовцев.

Кстати, число прибалтов, воевавших на стороне Рабочее-крестьянской Красной Армии (РККА), превышало число тех, кто воевал на стороне гитлеровской Германии. Что касается последних, о памяти которых так трогательно печётся о. Георгий, то они не воевали с регулярными частями РККА, а убивали мирное население. Особенно эти наймиты преуспели в уничтожении евреев. От преступлений латышских и эстонских эсэсовцев, этих «борцов со сталинским режимом», до сих пор волосы встают дыбом. Какую «боль» и за какую страну испытывали эти негодяи, у которых руки по локоть в крови невинных женщин и детей?

Другие «борцы со сталинским режимом» — украинские самостийники, главным образом с Западной Украины. Их через карательные и воинские части СС и вермахта всего прошло 250 тыс. человек из почти 30-миллионного населения тогдашней УССР! Хотя украинских пособников было ничтожное число по сравнению с общей численностью населения, «подвиги» они совершили немалые, грабя, насилюя и убивая ни в чём не повинных людей, а также воюя с партизанами.

Другие пособники Гитлера из числа советских граждан по национальному признаку распределялись следующим образом:

70 тыс. белорусов, 70 тыс. казаков, 70 тыс. представителей народов Средней Азии, 12 тыс. волжских татар, 10 тыс. крымских татар, 40 тыс. азербайджанцев, 20 тыс. грузин, 25 тыс. армян, 30 тыс. выходцев с Северного Кавказа. А великороссов, которые должны были в случае новой гражданской войны составить костяк «борцов с большевизмом», оказывается, было, по самым завышенным оценкам, 310 тыс.

из 99,5 млн. населения РСФСР накануне войны*. Вот, собственно, и почти весь миллион.

Однако здесь опять-таки следует уточнить, что приведённые выше цифры — это общая численность лиц, в той или иной мере сотрудничавших с немцами, в том числе работавших на стройках, расчистке улиц и т. п. Их называли *хиви* от немецкого *хильфсвиллигер* (добровольные помощники), и их численность в конце войны составляла около 700 тыс. человек (из пресловутого миллиона). То есть с оружием в руках в составе германских войск служило всего-навсего 400–450 тыс. советских граждан. Вот вам и гражданская война!

Таким образом, ни о каком противостоянии советского, а тем более русского народа с советской властью в ходе Великой Отечественной войны говорить не приходится. На стороне немцев были либо предатели, либо малодушные и сломленные пленом люди, либо враги существующего строя (и их было абсолютное меньшинство).

Ложь вторая заключается в том, что Власов был убеждённым антикоммунистом. Напротив, он был типичным образцом подлинного коммуниста-троцкиста. Не членом коммунистической партии, в которую в 30–40-е гг. вступало огромное число патриотов, а именно троцкистом с его оппортунизмом, приспособленчеством, жестокостью, вероломством и беспринципностью.

Именно эти качества толкали Власова на постоянную измену. В юношеском возрасте он поступил в духовное училище, а после его окончания — в семинарию в Нижнем Новгороде. Однако учёба была прервана революцией. Власов немедленно бросил семинарию и начал учиться на агронома, а весной 1920 г. пошёл служить в Красную армию.

Власов быстро поднимался по служебной лестнице, командовал ротой, пешей и конной разведкой, служил в штабе на оперативной работе. Его апологеты, в частности Е. Андреева, пытаются нас уверить, что «нет ни малейшего упоминания об участии Власова в коммунистической деятельности». Мы не знаем, что имеет в виду г-жа Андреева под «коммунистической деятельностью» (если участие в слёте юных пионеров, то, конечно, не занимался), но в 1937–1938 гг. Власов был членом военного трибунала Киевского военного округа, который вынес не один смертный приговор, о чём сам генерал в 1940 г. с гордостью писал в своей автобиографии. В парт-характеристике Власова от 1938 г. говорится: «Много работает над вопросами ликвидации остатков вредительства в части».

Типичными для Власова являются следующие слова из его автобиографии 1940 г.: «Всегда твёрдо стоял на генеральной линии партии, всегда за неё боролся, никаких колебаний не имел».

Любопытно, каким образом Власов оказался во главе 99-й дивизии. Инспектируя её, он выяснил, что

комдив изучал тактику боевых действий вермахта, и сообщил об этом в рапорте. Комдив был арестован, а Власов назначен на его место. Во время командования вверенной ему 99-й стрелковой дивизией Власов проявил жестокое рвение в наведении дисциплины.

К какой же категории коллаборационистов относился генерал Власов? В отличие от других пособников Гитлера, белых генералов П. Н. Краснова и А. Г. Шкуро, он никакой другой России, кроме как советской, не служил и не присягал. Только советской власти он клялся в верности и преданности. Именно советской властью Власов был награждён и возвышен, а потому действия генерала зимой 1942 г., его готовность сотрудничать с немцами нельзя расценивать иначе, как нарушение присяги.

Так почему же обласканный советской властью генерал перешёл на сторону немцев? Почему именно Власову принадлежит печальная слава «главного предателя»? Почему немцы сразу же, в 1942 г., стали «раскручивать» его как главного оппозиционера сталинскому режиму?

Обычно на эти вопросы дают два ответа: первый — он был трусом, а второй — генерал решил воспользоваться немецкой помощью, чтобы сбросить сталинский режим, но был обманут тупоголовыми нацистами, которые не оценили подарок, который сделала им судьба, послав такого человека, как Власов. Попробуем разобраться.

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война стала суровым испытанием для Советского Союза в целом и для Красной армии в частности. Советское руководство не ожидало, что на СССР обрушится удар подобной силы, причём по всей западной границе. Вопреки досужим рассказам РККА была достаточно хорошо вооружена, но вот советский Генштаб был на тот период времени хуже подготовлен и хуже организован, чем германский, и немецкие генералы переиграли советских. Сказалось и уничтожение в России профессиональной армии (не той, которая была подвергнута пресловутым «сталинским чисткам» в 1937–1938 гг., а той русской императорской армии, которая была уничтожена в 1917–1920 гг.). РККА не представляла собой слаженного организма, её командованию не хватало выучки и опыта. Сыграло свою роль отсутствие в Красной армии унтер-офицерского состава. Вермахт же действовал как часы: каждый немецкий солдат, унтер-офицер, офицер и генерал был на своём месте, знал, что ему делать, когда и как.

В результате нанесённого удара взаимодействие советских войск было нарушено, танки зачастую посылались в бой без прикрытия пехоты и наоборот. Удары германских моторизованных частей по стыкам слабо взаимодействовавших между собой соединений советских войск, поддержанные с воздуха, позволяли окружать большие группировки.

* По данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.

В плену у немцев к январю 1942 г. находилось уже 3 млн. 350 тыс. советских солдат и офицеров.

Естественно, что большинство красноармейцев попали в плен не потому, что стремились перейти на сторону противника по причине ненависти к Сталину. Это хорошо понимали и немецкие генералы. Так, командующий 3-й танковой группой генерал-полковник Г. Гот писал: «В германской армии, в отличие от партийных инстанций, не строили никаких иллюзий относительно стремления русского солдата бежать от большевистского режима. Было известно, что армию, особенно офицерский корпус, русские обеспечивали всеми средствами, находившимися в руках государства, хорошим снабжением, высоким жалованьем, освобождением от квартирной платы, возможностью провести отпуск на курорте, клубами, бесплатным проездом по железной дороге».

Численность советских военнопленных говорит об огромных масштабах военной катастрофы, которая поразила Красную армию летом 1941 года. При этом надо помнить, что любая армия — это прежде всего люди. Оказавшись перед лицом смертельной опасности, они ведут себя по-разному. Некоторые готовы исполнить свой воинский долг при любых обстоятельствах даже ценой собственной жизни. Таких в Красной армии 1941 г. было очень много. Другие — откровенные трусы, думающие только о спасении собственной жизни. Они тоже были, но составляли меньшинство. Многие из них стали изменниками и пошли на службу к немцам, и именно о них нынешние скрытые и явные апологеты власовщины пишут как о «борцах со сталинизмом».

Большую же часть военнопленных составляли обыкновенные люди, которые перед лицом страшной стальной машины гитлеровского вермахта просто-напросто растерялись, испугались, были ранены или контужены. Многие из них попадали в плен голодными и больными после долгого блуждания по лесам в надежде выбраться к своим. Ни у кого сегодня не хватит духу осуждать этих людей. К тому же они чаще всего вели себя в плену весьма достойно, пытались бежать и организовывали сопротивление.

А рассказы о том, как целые подразделения Красной армии с оружием в руках переходили на сторону вермахта, — это откровенная ложь.

Кстати, вопреки мифам, будто бы всех вернувшихся из немецкого плена отправляли прямиком в ГУЛАГ, отметим, что из 1 млн. 836,5 тыс. бывших военнопленных было осуждено всего 233,4 тыс. человек.

В ходе победоносной кампании лета 1941 г. немцы захватили и значительное число советских генералов. Назовём лишь некоторых из них: генерал-лейтенант Д. М. Карбышев, командующий 6-й армией генерал-лейтенант И. Н. Музыченко, командующий 12-й армией генерал-майор П. Г. Понеделин, командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Н. К. Кириллов, командир 113-й стрелковой дивизии генерал-

майор Х. Н. Алавердов, командир 172-й стрелковой дивизии генерал-майор М. Т. Романов, заместитель командира 62-й бомбардировочной авиационной дивизии генерал-майор Г. И. Тхор, командир 19-й армии генерал-лейтенант М. Ф. Лукин и другие. Большинство держались в плену мужественно, отказываясь сотрудничать с оккупантами. Многие, как, например, Карбышев, Алавердов, Романов, Никитин и Тхор, были зверски убиты. Другие, такие как генералы Музыченко, Снегов, Тонконогов, Скугарев, Абрамидзе и Лукин, были в 1945 г. освобождены советскими войсками, восстановлены в званиях и продолжили военную службу.

Но были и другие. Так, в июне 1941 г. на сторону немцев добровольно перешёл начальник штаба 6-го стрелкового полка 6-й армии Юго-Западного фронта генерал-майор Б. С. Рихтер. В течение нескольких лет он служил в абвере и возглавлял обучение в школе диверсантов. В августе 1945 г. по приговору военного трибунала Рихтер был расстрелян за измену Родине. После войны по обвинению в измене были расстреляны также генералы Понеделин и Кириллов.

Таким образом, мы видим, что уже в 1941 г. у немцев было достаточно кандидатов на роль главы «антисталинского сопротивления». И тем не менее единственное, что интересовало немцев, так это расположение советских войск, номера дивизий, полков, имена командующих. Даже генерала Рихтера нацисты законспирировали и направили в разведшколу под псевдонимом «Рудаев» в режиме строгой секретности. То есть в тот момент серьёзных попыток использовать пленных генералов в политических целях не предпринималось. И хотя, казалось бы, 1941 г. был наиболее благоприятен для создания антисталинской силы из советских военнопленных, ни одного самостоятельного русского военного формирования создано не было. В тот момент нацисты не нуждались ни в «российском правительстве», ни в «русской армии». Россия должна стать просто колонией Третьего рейха.

Почему же в 1942 г., взяв в плен генерала А. А. Власова, германское командование начало активно рекламировать этого генерала? Сыграла ли свою роль личность Власова или дело было в изменившейся военно-политической обстановке на Восточном фронте?

В конце августа — начале сентября 1942 г. части Гудериана и Клейста обошли Киев с флангов и взяли в кольцо обороняющиеся советские войска. Советское командование 19 сентября приказало 37-й армии отходить, но было поздно: немцы Киев взяли, и частям 37-й армии пришлось вырываться из окружения.

Интересно, что почти весь штаб Юго-Западного фронта погиб в боях за Киев. Власов же с остатками своей армии полтора месяца блуждал по лесам, пока 1 ноября, пройдя 500 км, не вышел к своим в районе Курска, измождённый и больной. Однако позднее генерал А. Н. Сабуров, который в начале войны был офицером НКВД, с уверенностью утверждал, что

Власов перед выходом из вражеского тыла якобы уже побывал в немецком плену и был «отпущен» в обмен на обещание сотрудничать. «Особисты» якобы передали эту информацию начальству, но никакой реакции на неё не последовало, что само по себе в то время было невероятно.

Интересно, что после выхода из окружения Власова вообще не подвергли проверке. Напротив, советское руководство выказывало ему всяческое расположение. В середине ноября 1942 г. Сталин поручил Власову возглавить формирование 20-й армии, которая должна была оборонять Москву. Сам Власов в письме своей жене пишет о своей первой встрече со Сталиным: «Ты не поверишь, дорогая Аня, какая радость у меня в жизни! Я беседовал с самым большим нашим Хозяином. Такая честь выпала мне ещё первый раз в моей жизни».

С этого момента легенды вокруг имени Власова приобретают просто невиданный характер. Если им верить, то Власов, преодолевая болезнь, формирует 20-ю армию, бросает её в бой против танковых частей вермахта без танковой и авиационной поддержки и наголову громит войска генерала Моделя, отбрасывая немцев на 100 км от Москвы. «Такого в истории РККА ещё не было, — восхищается один из апологетов Власова. — Было от чего получить прозвище „спаситель“ Москвы».

Однако все эти восторги ни на чём не основаны. Непосредственного участия ни в формировании, ни в наступлении 20-й армии генерал Власов не принимал: с ноября по декабрь он находился в госпитале. Фактически командующим 20-й армией был его начальник штаба полковник Л. М. Сандалов. Именно под его руководством советские войска освободили Красную Поляну, Солнечногорск и Волоколамск. За эти успехи 27 декабря 1941 г. Сандалов получил звание генерала.

Апологеты Власова пытаются нас уверить, что это — позднее искажение фактов и что именно Власов командовал в тот момент 20-й армией. Но факты — вещь упрямая. Имеется ответ на запрос Военного совета 20-й армии, в котором начальник штаба Юго-Западного фронта Бодин сообщает, что командующий Власов сможет прибыть к войскам не ранее 25–26 ноября 1942 г. из-за воспаления среднего уха.

После битвы под Москвой Власов превратился в некую полуполулегендарную фигуру. Почему-то именно к нему потянулась вереница иностранных корреспондентов. 17 декабря 1941 г. генерал дал в штабе своей армии интервью американским журналистам. Француженка Ева Кюри встретила с ним несколькими неделями позже. Заметим, что почти все корреспонденты были американцами. В своих репортажах они писали о полководческом даровании Власова, о его популярности в войсках и т. п. Кроме них хвалу Власову воздавали и отечественные мастера художественного слова. В марте 1942 г. в 20-ю армию выезжал И. Г. Эренбург. В статье «Перед весной», опублико-

ванной 11 марта 1942 г. в «Красной звезде», он писал: «Генерал Власов разговаривает с бойцами. Любовно и доверчиво смотрят бойцы на своего командира: имя Власова связано с наступлением — от Красной Поляны до Лудиной Горы. У генерала рост метр девяносто и хороший суворовский язык».

Апологеты Власова приводят смехотворное объяснение такому интересу: мол, генерал был «любимцем Сталина», тот ему доверял, потому и допускал до него иностранцев и Эренбурга. Как будто Сталин не доверял Жукову, Рокоссовскому и тому же Сандалову!

Постоянные славословия вскружили голову и без того крайне честолюбивому и не очень умному военачальнику. В своих письмах жене он хвастливо пишет: «Ведь недаром я получил звание генерал-лейтенанта и орден Красного Знамени, и я два раза лично беседовал с нашим великим Вождём. Это, конечно, так не даётся. Тебе уже, наверное, известно, что я командовал армией, которая обороняла Киев. Тебе также известно, что я также командовал армией, которая разбила фашистов под Москвой и освободила Солнечногорск, Волоколамск и другие города и сёла, а теперь также команду ещё большими войсками и честно выполняю задания правительства и партии и нашего любимого вождя тов. Сталина».

Создаётся впечатление, что за границей явно хотели создать положительный образ Власова. Не вызывает сомнений и то, что «раскручивал» его кто-то из высоких советских кругов. Но кто это мог делать и зачем?

Для того чтобы ответить на это вопрос, нужно вернуться в 1937 год. Тогда летом НКВД объявил о раскрытии заговора военных против Сталина. С лёгкой руки Хрущёва и нынешних «прорабов перестройки» принято считать, что никакого заговора не было, а просто маньяк Сталин расстрелял цвет своей армии накануне войны. На самом деле объективные данные говорят о том, что некий заговор существовал и во главе его стояли маршал М. Н. Тухачевский, комбриг И. Э. Якир, командарм И. П. Уборевич и другие высокопоставленные военные. И в 1937–1938 гг. НКВД арестовало далеко не всех.

Любопытно, что в своё время предшественником Власова на должности советника Чан Кайши в Китае был маршал В. К. Блюхер. Его, как и Власова, китайский генералиссимус очень ценил. В 1929–1938 гг. Блюхер командовал отдельной краснознамённой Дальневосточной армией и по своей должности и влиянию был фактически военным диктатором советского Дальнего Востока. Блюхер и Власов были лично знакомы: об этом говорит тот факт, что до августа 1938 г. в кабинете Власова висел портрет Блюхера с дарственной надписью. Кстати, вполне возможно, что в Китай Власова послали с одной целью — дать ему возможность успешно продвинуться по службе. Так же, как, например, Д. Г. Павлову, которого И. П. Уборевич направил в Испанию исключительно для этого.

Следующей весьма интересной фигурой, с которой соприкасался в своей жизни Власов, был генерал К. А. Мерецков, который близко знал многих главных заговорщиков и начинал свою военную карьеру в штабе Блюхера. В 1937 г., когда заговор был раскрыт, Уборевич, признавшись, что был завербован германской разведкой и Тухачевским, дал показания на Мерецкова. Тот их прочитал и 7 июня 1937 г. написал Сталину и Ворошилову письмо, в котором каялся, что «проглядел германского шпиона Уборевича» и отрицал своё участие в заговоре.

Тогда Мерецкова не тронули, послали воевать с Финляндией и даже представили к званию Героя Советского Союза, а затем назначали начальником Генерального штаба РККА. Однако 23 июня 1941 г. Мерецков был арестован. Следствие полагало, что он и некоторые другие военачальники ведут изменническую деятельность и тайно готовят поражение СССР в войне с нацистской Германией. Этот заговор даже получил кодовое обозначение «Заговор Героев». По делу о «Заговоре Героев» перед войной и в самом её начале были арестованы командующий ВВС МВО генерал-лейтенант авиации П. И. Пумпур, генерал-полковник Г. М. Штерн, начальник ГУ ВВС КА генерал-лейтенант П. В. Рычагов, командующий Западным фронтом генерал армии Д. Г. Павлов и др. Многие из них дали показания на Мерецкова.

В связи с этим особого изучения требует версия существования в среде высшего военного состава РККА остатков оппозиции, члены которой надеялась с началом войны открыть немцам фронт и осуществить в Москве государственный переворот.

В июле 1941 г. арестованный генерал Павлов дал показания против Мерецкова, заявив, что в своих разговорах тот убеждал его в желательности победы Германии над СССР в предстоящей войне. Павлов также показал, что Мерецков сознательно делал всё, чтобы провалить мобилизационный план Советского Союза, что подтверждалось реальными фактами.

Однако судьба была непонятно милостива к Мерецкову. Пройдя через жёсткие допросы и одиночную камеру, полностью признав свою вину, он, тем не менее, был «освобождён на основании указаний директивных органов по соображениям особого порядка».

Весной 1942 г. Ставка планировала операцию по прорыву к Запорожью, и Сталин отправил Власова на Юго-Западный фронт заместителем командующего. Но вдруг вместо этого его назначили заместителем командующего Волховским фронтом, т. е. заместителем Мерецкова. Кто был инициатором этого переназначения? На этот счёт имеются разные мнения.

Вскоре К. А. Мерецков направил Власова своим представителем во 2-ю ударную армию, которая должна была улучшить положение блокадного Ленинграда. Между тем эта армия находилась в критическом положении, и главная ответственность за это лежала на Мерецкове (как писал сам Мерецков, «я и штаб фронта переоценили возможности собственных

войск»). Именно он загнал 2-ю ударную в немецкий «мешок» и, не наладив снабжения, сообщил в Ставку, что «коммуникации армии восстановлены». Именно Мерецков посоветовал Сталину направить на спасение этой армии Власова (вместо раненого командарма Н. К. Клыкова). 20 марта Власов прибыл на место, чтобы организовать новое наступление. 3 апреля под Любанью это наступление началось и закончилось полным провалом — окружением 2-й ударной армии и сдачей в плен генерала Власова при весьма тёмных обстоятельствах.

Какими мотивами руководствовался Власов, сдаваясь в плен к немцам? Его апологеты стараются уверить, что, блуждая по волховским лесам, видя весь ужас и всю бесполезность гибели своей армии, Власов понял преступную сущность сталинского режима и решил сдаться.

Думается, что весной 1943 г., находясь на службе у немцев, Власов, приводя эти же мотивы своей сдачи в плен, как обычно, лгал. Во всяком случае, доверять словам бывшего командующего нет никаких оснований, так как ещё за два месяца до своего пленения, перед назначением на Волховский фронт, он в письме к жене так описывал свою вторую встречу со Сталиным: «Дорогой и милый Алик! Ты всё же не поверишь, какое большое у меня счастье. Меня ещё раз принимал самый большой человек в мире. Беседа велась в присутствии его ближайших учеников. Поверь, что большой человек хвалил меня при всех. И теперь я не знаю, как только можно оправдать то доверие, которое мне оказывает ОН...»

Вторым объяснением сдачи в плен Власова, которое нам предлагают его защитники, является утверждение, что командарм боялся выходить к своим, так как понимал, что Сталин его немедленно расстреляет за погубленную армию. При этом они не останавливаются перед самыми невероятными домыслами. «Его военной карьере, — как пишет Е. Андреева, — без сомнения, пришёл конец, он был командиром 2-й ударной армии, которая была разбита, и вне зависимости от того, на ком лежала ответственность, расплачиваться придётся ему. Другие командиры в подобных ситуациях были расстреляны».

Под «другими командирами» Е. Андреева имеет в виду расстрелянных по делу «Заговора Героев», а также по делу генерала Д. Г. Павлова. Но при этом она ни слова не говорит о том, что подлинной причиной их расстрела были не военные неудачи (многие из них даже не успели принять участия в боевых действиях), а обвинение в измене Родине и сознательном вредительстве в войсках Западного фронта.

Что же касается Власова, то он, по сути, не мог нести ответственность за гибель 2-й ударной. Главная вина за это лежала на Мерецкове или на руководстве Ставкой. Власов не мог не знать, что Сталин совсем не был склонен к расправам над невиновными подчинёнными. Тем более что после окружения под Киевом его не только не расстреляли, но послали командовать

20-й армией. К тому же, находясь в плену, Власов сам хвастливо заявлял, что Сталин послал для его спасения самолёт. Именно для спасения, потому как никаких репрессий к вырвавшимся из окружения применено не было. Например, эвакуированный начальник связи 2-й ударной армии генерал-майор А. В. Афанасьев был награждён и продолжил службу. Примечательно также, что Сталин очень долго скептически относился и к самому факту предательства Власова. Его проверка шла целый год. В это время приказом по Наркомату обороны СССР от 5 октября 1942 г. Власов был зачислен в пропавшие без вести и числился таковым до 13 апреля 1943 г., когда факт его измены подтвердился.

Третьей причиной, по которой Власов сдался в плен, могли быть его трусость и страх перед смертью. Именно это проходило красной строкой в материалах следствия, и именно малодушием объяснял на суде своё предательство сам Власов. Однако следует признать, что никаких веских причин считать его трусом нет. Напротив, на фронте он не раз демонстрировал презрение к смерти, спокойно находясь в зоне артиллерийского обстрела.

Есть, правда, ещё одна версия. В. И. Филатов полагает, что Власов был тайным сотрудником ГРУ, заброшенным нашей военной разведкой к немцам для предотвращения возможного формирования антисоветского движения. При всей внешней привлекательности этой версии она имеет несколько крупных изъянов, которые делают её невозможной. Прежде всего, заслав Власова к немцам, чтобы контролировать создание антисоветской армии, Сталин заложил бы под свою власть мину замедленного действия. Кто мог гарантировать, что Власов не стал бы играть по немецким правилам? Слишком рискованно было своими руками создавать силу, которая грозила прибавить к войне внешней войну гражданскую. Сталин же авантюристом никогда не был.

Таким образом, версия Филатова представляется полностью несостоятельной. Весьма вероятно, что Власов был действительно направлен к немцам, но теми троцкистами из числа советского партийного и военного руководства, которые надеялись в сговоре с германскими генералами свергнуть Сталина.

Тесные связи немецкого генералитета и РККА имели место ещё до прихода Гитлера к власти. Германский генерал-фельдмаршал, а затем и рейхспрезидент П. фон Гинденбург открыто благоволил командармам И. Э. Якиру и И. П. Уборевичу. Имел самые тесные связи с германскими военными кругами и маршал М. Н. Тухачевский. «Всегда думайте вот о чём, — говорил он германскому военному атташе генералу Кёстрингу в 1933 г., — вы и мы, Германия и СССР, можем диктовать свои условия всему миру, если мы будем вместе». Причём многие военачальники Красной армии, находившиеся в доверительных отношениях с германскими генералами, были обвинены в заговоре 1937 года. Тухачевский в своём предсмертном

письме к Сталину, известном как «План поражения в войне», признал существование сговора между советскими и германскими военными.

Немецкие генералы в 1935–1937 гг. преследовали аналогичную цель — свергнуть Гитлера и нацистов. Внутренние противоречия между фюрером и германским генералитетом сохранялись и в 1941 году. Многие из них, включая начальника генштаба Ф. Гальдера, полагали, что дальнейшая война с СССР губительна для Германии, что Гитлер и нацисты ведут страну к катастрофе. Закончить войну с Россией по своему сценарию, а не по сценарию Гитлера — вот каковы были планы части германского генералитета. И сговор с советской военной верхушкой, стремящейся свергнуть Сталина, был для них крайне желателен.

Со своей стороны, заговорщики из числа генералов РККА, вступая в контакт с немцами, могли надеяться, что антисоветская армия из военнопленных под командованием их сообщника Власова сможет коренным образом изменить ход войны.

Обе стороны полагали, что у Гитлера не будет причин продолжать войну в случае прихода к власти нового внешне антисоветского режима. При этом немецкие генералы считали, что заключённый по их сценарию мир будет почётным и победным для Германии и позволит сохранить Россию как подконтрольное Германии, пусть и «суверенное», государство. Такое государство, полагали германские военные, могло бы стать их союзником против Гитлера.

С другой стороны, советские заговорщики могли надеяться, что, заключив мир с Германией, они смогут создать «демократическое» правительство, которое признают США и Англия. Таким образом, «пятая колонна» в СССР, ориентированная на троцкистские круги Запада, ценой расчленения территории страны и заключения мира с его злейшими врагами расчищала себе дорогу к власти. То, что не получилось летом 1937 г., должно было получиться в 1942 или 1943 году. В 1937 г. кандидатом в «диктаторы» был Тухачевский, в 1942 г. им должен был стать Власов.

Конечно, прямых подтверждений этой версии на сегодняшний день нет. Нужно помнить, что все архивы, касающиеся процессов 30–40-х гг., до сих пор засекречены. Но даже по некоторым эпизодически всплывающим документам можно судить о масштабах заговорщической деятельности в рядах РККА. В пользу версии «Власова-заговорщика» свидетельствует также и то, что его главные опекуны из числа германских военных оказались позднее на стороне антигитлеровской оппозиции.

Итак, взятый в плен при весьма странных обстоятельствах командующий 2-й ударной армии генерал-лейтенант А. А. Власов был доставлен в Сиверскую, в штаб 18-й армии, где его немедленно принял её командующий генерал-полковник Г. фон Линдеман. Ему Власов выдал ряд важнейших сведений, составляющих государственную тайну. Затем его направили в лагерь для высокопоставленных советских

военнопленных «Променент» в Виннице, который подчинялся непосредственно главнокомандованию сухопутными силами вермахта. К моменту прибытия Власова в винницком лагере уже содержались пленные советские генералы Понеделин, Потапов, Карбышев, Кириллов, а также сын Сталина Яков Джугашвили. А руководил этим лагерем... американец немецкого происхождения Петерсон. (Потрясающие сведения даёт нам апологет Власова К. Александров. Он пишет, что лагерь в Виннице «находился под фактическим контролем представителей антигитлеровской оппозиции».)

В августе у Власова состоялась встреча с руководством лагеря, представителями германского МИД и разведки. Что примечательно: советник Министерства иностранных дел Г. Хильдер уже на этой встрече обсуждал возможность участия Власова в марионеточном правительстве России, которое должно было официально передать Германии территории Украины и Прибалтики. То есть на эту встречу прибыл высокопоставленный сотрудник МИД Германии, который беседовал с пленным советским генералом в присутствии человека из США!

И вот что интересно: Хильдер беседовал в винницком лагере ещё и с полковым комиссаром И. Я. Кернесом, который добровольно перешёл на сторону немцев в июне 1942 г. на Харьковщине. Попав в плен, тот сообщил, что после разгрома в СССР троцкистско-бухаринского блока и групп Тухачевского, Егорова и Гамарника их остатки объединились в широко разветвлённую организацию, имеющую филиалы как в армии, так и в госучреждениях, а он, Кернес, является членом и посланником этой организации.

Сведения, которые дал немцам Кернес, подтверждали, что в СССР существует антисталинская подпольная организация, стоящая на платформе «продолжения истинного учения Ленина, искажённого Сталиным». Её целями являются свержение Сталина и его правительства, возврат к НЭПу, уничтожение колхозов и ориентация во внешней политике на нацистскую Германию. На вопрос, есть ли представители «организации» в органах НКВД, Кернес ответил, что таковые имеются даже в центральном аппарате, но никого не назвал.

Любопытно и следующее: то, что рассказал Кернес о планах «организации», почти полностью совпадает с «Манифестом Комитета освобождения народов России», подписанным Власовым в ноябре 1944 года.

И хотя представитель МИД Хильдер в своём официальном рапорте усомнился в серьёзности полномочий Кернеса, нетрудно догадаться, что это было сделано для того, чтобы отвлечь от него внимание нацистского руководства, поскольку в планы германского генералитета не входило, чтобы о переговорах с «красными» заговорщиками узнал Гитлер.

Как нетрудно убедиться, с Власовым встречались те же люди, что и с Кернесом. Вполне возможно, что

на встрече они присутствовали вместе. Вполне возможно также, что они знали друг друга: оба воевали на Украине в 1941 году.

После встречи с представителями германского МИД и разведки Власов пишет следующую записку: «Офицерский корпус Советской армии, особенно попавшие в плен офицеры, которые могут свободно обмениваться мыслями, стоят перед вопросом: каким путём может быть свергнуто правительство Сталина и создана новая Россия? Всех объединяет желание свергнуть правительство Сталина и изменить государственную форму. Стоит вопрос: к кому именно примкнуть — к Германии, Англии или Соединённым Штатам? Главная задача — свержение правительства — говорит за то, что следует примкнуть к Германии, которая объявила борьбу против существующего правительства и режима целью войны. Однако вопрос будущности России неясен. Это может привести к союзу с Соединёнными Штатами и Англией, в случае если Германия не внесёт ясность в этот вопрос».

Поразительный документ! Советский генерал сидит в немецком плену, который, как известно, курортом не был, и свободно рассуждает о том, к кому должна примкнуть постсталинская Россия — к США, Англии или Германии! В конце Власов милостиво соглашается присоединиться к Германии, но предупреждает, что если последняя будет себя плохо вести, Россия может найти общий язык и с западными союзниками! Представить себе, чтобы нацисты терпели такие выходы от какого-то «унтерменша», пленного коммуниста, можно только в одном случае — если Власов писал свою записку не для нацистов, а для оппозиционных гитлеровскому режиму генералов. Записка эта есть не что иное, как обращение ко всему враждебному СССР Западу, призыв к началу немедленного сотрудничества и декларация готовности выступить против Сталина. Примечательны в связи с этим слова Власова, сказанные им немецкому офицеру русского происхождения и кадровому разведчику капитану В. Штрик-Штрикфельдту: «Мы решили на большую игру».

Тот же Штрик-Штрикфельдт, который курировал Власова, даёт нам представление о сущности этой «большой игры». Он вспоминал, что пленный генерал призывал пойти «по ленинскому пути», т. е. воспользоваться войной, чтобы «освободить народ и страну от большевистского режима». Ведь во время Первой мировой войны Ленин и Троцкий помогли немцам победить Россию, за что получили власть в стране. Почему бы и сейчас во имя свержения Сталина не вступить в соглашение с Гитлером и не купить у Германии мир, отдав ей Прибалтику, Белоруссию и Украину?

«Дадут ли нам, — вопрошал Власов Штрик-Штрикфельда, — возможность выставить против Сталина русскую армию? Не армию наёмников. Она должна получить своё задание от национального

русского правительства. Только высшая идея может оправдать выступление с оружием в руках против правительства своей страны. Эта идея — политическая свобода и права человека. Вспомним о великих борцах за свободу в США — о Джордже Вашингтоне и Вениамине ФранкLINE. В нашем случае, только если мы поставим общечеловеческие ценности над ценностями националистическими, — оправданно и согласие на вашу помощь в борьбе против большевистской диктатуры».

Эти призывы к приоритету «общечеловеческих ценностей» над «националистическими» мы уже слышали в нашей недавней истории. Нам уже кто-то твердил о «правах человека» и «о борцах за свободу» в США? Если не знать, что приведённые выше слова принадлежат изменнику Родины Власову и сказаны они в 1942 г., то можно подумать, что это речь члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева, произнесённая им в 1990 году.

По всей видимости, в 1942 г. германский генштаб начал крупную игру для свержения Сталина и замены его троцкистско-либеральным режимом.

Но эта игра была выиграна Адольфом Гитлером. Ему была совершенно не по вкусу вся эта возня с «русским освободительным движением». И дело здесь не только в зоологической русофобии фюрера. Он не мог не видеть, что манипуляции с «новым русским правительством» затеяны его старыми недругами из генеральского корпуса. Кроме того, формирование независимой русской армии грозило нацистской Германии непредсказуемыми последствиями. Вооружить несколько сотен тысяч советских военнопленных немецким оружием, чтобы они потом перешли на сторону Сталина и повернули это оружие против него, Гитлера?! Нет, кем-кем, а дураком Гитлер не был. Но даже в случае успеха антисталинского заговора он не выигрывал ровным счётом ничего. Напротив, его власть снова оказалась бы под угрозой. Ведь тогда пропадал главный предлог войны — большевистская угроза Европе. С «новым русским правительством» волей-неволей пришлось бы заключать мир, что означало конец всем планам в отношении русской территории и русского народа. А «новое русское правительство» при этом могло спокойно заключить мирный договор и с Западом. Тогда во имя чего надо было начинать войну? Не говоря уже о том, что такой исход делал оппозиционных генералов реальной силой, способной осуществить государственный переворот в рейхе, опираясь на помощь своих «русских союзников». Не потому ли Гитлер категорически отказывался не только видеть, но даже слышать о Власове.

Власова отправляют под домашний арест, потом отпускают, он живёт в Берлине, в хороших условиях, но всё равно остаётся на положении полупленного. Его изгоняют из большой игры.

План советских и германских заговорщиков рухнул, не начав осуществляться. Этому способствовали

сначала успехи германских войск, а с 1943 г. — успехи советских войск, которые сделали Сталина лидером Антигитлеровской коалиции.

Брошенный и своими друзьями-заговорщиками, и немецкими генералами, Власов оказался в ужасном положении. В своих честолюбивых планах он должен был стать главнокомандующим «новой русской армии», а может быть, и «диктатором» России, а стал немецкой марионеткой, одетой не то в русскую, не то в немецкую форму. Напрасно Власов продолжал носиться с идеями РОА и независимого русского правительства — всё это, по существу, было уже никому не нужно. Гитлер не дал хода формированию независимых русских воинских частей, разрешив лишь создать эсесовские национальные подразделения с русской символикой. Как манекен, Власов на парадах вскидывал руку в полунацистском приветствии, обращенном к «русским» солдатам, одетым в форму вермахта; как попугай, повторял демагогические лозунги о «свободной России без большевиков».

Между тем в этих подразделениях всё больше разочаровывались в нацистах. 16 августа 1943 г. на сторону советских партизан перешли солдаты и офицеры 1-й Русской национальной бригады СС («Дружины») во главе с бывшим подполковником Красной армии В. В. Гиль-Родионовым. За этот переход, во время которого новоявленные партизаны перебили немало немцев, он был восстановлен в армии с присвоением очередного воинского звания и, более того, награждён орденом Красной Звезды, а его подразделение было переименовано в 1-ю антифашистскую партизанскую бригаду.

Но нельзя сказать, что Власов вообще не играл никакой роли в Третьем рейхе. По воспоминаниям одного из руководителей германской разведки начальника VI отдела РСХА В. Шелленберга, «с генералом Власовым и его штабом мы заключили особые соглашения, предоставив ему даже право создать в России свою собственную разведывательную службу». Что это была за служба? Какими источниками она пользовалась? Этот вопрос ещё ждёт своего исследователя.

Во второй половине 1944 г. Власов вновь понадобился немцам в их большой игре. Теперь, однако, эта игра была внутригерманской. В июле почти все немецкие покровители Власова (фельдмаршал Т. фон Бок, генерал-полковник Г. Линдемман, полковник граф К. фон Штауффенберг и др.) оказались косвенными или прямыми участниками заговора против Гитлера. Как выясняется, Власов со своим несуществующим «войском» играл в планах заговорщиков не последнюю роль. Вот что пишет об этом куратор Власова В. Штрик-Штрикфельд: «Власов достаточно хорошо знал о той самостоятельной и активной роли, которая предназначалась заговорщиками РОА. Согласно их плану предусматривался немедленный мир на западе, а на востоке продолжение войны с превращением её в гражданскую. Для этого была нужна хорошо подготовленная и мощная власовская армия».

То есть немецкие генералы готовили для Власова всю ту же роль главаря братоубийственной войны. И тот радостно соглашается на этот план. «Я знаю, — заверяет он немецких генералов, — что ещё сегодня я могу выиграть войну против Сталина. Если бы я располагал армией, состоящей из граждан моего отечества, я бы дошёл до Москвы и закончил войну по телефону, просто поговорив с моими товарищами».

Однако и в случае с антигитлеровским заговором у Власова всё складывается не просто. 20 июля 1944 г. он настойчиво добивается встречи с рейхсфюрером Г. Гиммлером. (Встреча эта тогда не состоялась из-за покушения на Гитлера и начавшегося государственного переворота, который был подавлен Й. Геббельсом и аппаратом СС.) Что хотел сообщить Власов Гиммлеру? Сейчас сказать об этом трудно, но известно, что после провала заговора 20 июля Власов демонстративно отвернулся от своих вчерашних союзников-генералов, которые оказались заговорщиками. Эта беспринципность Власова поразила даже Штрик-Штрикфельда. Когда последний в разговоре с Власовым назвал Штауфенберга и других мятежников «наши друзья», то Власов резко перебил его: «О таких покойниках не говорят как о друзьях. Их не знают».

После провала заговора Власов понял, что дело генералов кончено и единственная реальная сила в Германии — это Национал-социалистическая рабочая партия Германии, а конкретнее — рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, чья власть и возможности после провала путча неимоверно возросли. Власов вновь спешит на приём к «Чёрному Генриху» и просит о встрече. Такая встреча состоялась 16 сентября 1944 года. Любопытно, что проходила она за закрытыми дверями, один на один, а её результатом стало признание Власова «союзником» рейха и главнокомандующим РОА. 14 ноября 1944 г. в Праге торжественно прошло учредительное заседание Комитета освобождения народов России (КОНР), которое приняло известный «манифест». Председателем Комитета был избран Власов.

Между тем началась агония гитлеровской Германии. И Власов в очередной раз попытался сменить хозяев. Он наносит немцам удар в спину в Праге в мае

1945 г., однако оставаться там долго не может — приближается Красная армия.

Власов бежит к американцам, которые, вроде бы, согласились принять его услуги, но, выполняя один из пунктов соглашения с СССР, выдали его группе захвата СМЕРШа, вынудив следовать в составе танковой колонны якобы в американский штаб.

На этом, собственно, жизнь Власова кончилась. Страшной и чёрной она была. Этот человек всю жизнь предавал всех и вся: церковь, служению которой хотел посвятить жизнь; Сталина, которому присягал и которым «восхищался»; Родину, которой был обязан всем; солдат и командиров 2-й ударной армии, от которых сбежал; своих покровителей — немецких генералов и новых покровителей — Гиммлера и СС. Власов предавал жён и любовниц, вождей, генералов и солдат. Предательство стало для него нормой жизни, определённым внутренним её содержанием.

Но следствие и процесс над изменниками Родины Власовым и его подельниками были закрытыми, а протоколы допросов полностью не рассекречены до сих пор. Поэтому остаётся тайной, кто же стоял за спиной Власова в трагические дни 1942 г.?

В заключение хотелось бы сказать, что эта статья обращена скорее в настоящее и будущее, чем в прошлое. Там, в прошлом, всё стояло на своих местах: Верность называлась Верностью, Доблесть — Доблестью, трусость — трусостью, измена — изменой. Но сегодня появились крайне опасные тенденции к подмене этих понятий, поскольку есть желающие назвать измену — Доблестью, а трусость — Героизмом. У «власовых» появились сотни почитателей и апологетов, скорбящих об их «мученической кончине». Такие люди делают преступное дело — они оскорбляют святую память о наших воинах, подлинных мучениках, павших в годы Великой Отечественной войны за Веру и Отечество.

Когда-то в далёком 1942 г. Власов с упоением читал книгу «Грозный и Курбский», не раз восторгаясь словами и поступками князя-изменника. Ему удалось продолжить дело своего кумира, и кто бы что ни говорил, Власов и ему подобные найдут достойное место в позорном ряду предателей России.

Гагарин Анатолий Станиславович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, директор Института системных политических и гуманитарных проектов

Власов — «раб», не ставший «господином»

Когда мой отец, писатель Станислав Гагарин, работал в конце 1980-х гг. над романом «Мясной Бор», посвященным подвигу 2-й ударной армии, брошенной на помощь осаждённому Ленинграду, то тема предательства генерала Власова, принявшего командование этой армией в последние дни Любанской операции, не могла не возникнуть.

Я в те годы окончил философский факультет, и мы с отцом вели долгие дискуссии на темы жизни, смерти, подвига и предательства. В результате этих бесед литературный герой романа, Олег Кружилин, один из немногих вымышленных персонажей, необходимых для сюжета в этом художественном произведении, стал в романе выпускником философского

факультета. Он постоянно пытается уловить суть происходящего, осмыслить её с помощью философских категорий, которые принято называть экзистенциальными. Эти беседы обусловили также тему моей докторской диссертации, посвященной одиночеству, страху и смерти.

Роман вышел в 1991 году. Отец скоропостижно скончался в 1993-м. И сегодняшняя конференция как бы продолжает наши дискуссии. Так что я буду говорить не только за себя, но и за отца. А его позиция в оценке последних вех жизненного пути Власова была твёрдой. Она исходит из проверенной веками максимы: «Единожды предавший...»

Эта позиция и не могла быть другой, ведь Станислава Гагарина побудило написать роман именно замалчивание подвига 2-й ударной армии, а порой и откровенное шельмование её героев после Великой Отечественной войны.

Главной причиной подобного отношения стали, конечно, предательство генерала Власова и последующее создание им Русской освободительной армии (РОА). Предательство одного человека, пусть и генерала, бросило тень на всю 2-ю ударную армию, которая после гибели практически всех её бойцов (а также 52-й и 59-й армий) в Любанской наступательно-оборонительной операции Волховского фронта в 1942 г. была сформирована заново и прошла с боями до Берлина. Напомню, что знамёна 2-й ударной армии были вынесены бойцами из окружения, а 103 её воинам были присвоены звания Героев Советского Союза. И вот этих людей стали называть «власовцами», а эту армию — упорно считать «власовской».

Но были те, кто стремился восстановить правду, очистить подвиг бойцов от лежавшей на них тени предательства. Таким человеком был вице-адмирал Н. А. Шашков, сын начальника особого отдела 2-й ударной армии А. Г. Шашкова, погибшего при выходе из окружения.

Станислав Гагарин приступил к написанию романа после знакомства с этим замечательным человеком. Я видел, с каким трудом им приходилось пробивать стену молчания вокруг этой темы. И тем не менее общими усилиями удалось организовать публикации в «Советской России» и «Известиях», выпустить роман «Мясной Бор». И защитить доброе имя ветеранов, воевавших и после предательства Власова.

Почему возникает вопрос о реабилитации Власова? Ведь, по сути, это оправдание предательства. Независимо от тех мотивов, которыми руководствовался Власов. Аргумент «борьбы с большевизмом» выглядит неубедительно. Именно поэтому сегодня активно вбрасывается версия о «секретной миссии» Власова, в результате чего он выглядит неким «коктейлем» из Гесса, Зорге и Штирлица в одном лице. В изложении авторов версии, этот «суперагент» борется руками самих фашистов и наших бывших военнопленных и с фашистами, и с собственной Родиной.

Наше время — время наступающего релятивизма, при котором сильна тяга к свержению авторитетов, к желанию представить вечные истины и абсолютные ценности как относительные, амбивалентные, двойственные.

Что двигало Власовым? Почему он, преклонявшийся до плена перед Сталиным, называвший его «Большим Хозяином», постоянно подчёркивавший в разговорах его особое внимание к себе, якобы ценившего его заслуги, в новых обстоятельствах поменял полюса? Власов сам признавался в своих званиях, что советская власть не сделала ему ничего плохого. Этим признанием он пытался доказать, что у него с нею не личные счёты, не месть, а внутреннее, метафизическое противоречие как с тотальным врагом. Именно Сталин, «сталинизм» стал главным врагом в манифестах Власова.

В своё время немецкий философ Георг В.-Ф. Гегель в «Феноменологии духа» изложил диалектику отношений господина и раба. О ней же говорил ещё Платон, указывая, что любой тиран — сам раб, т. е. порабощение другого есть также и порабощение себя.

Марксисты часто обращались к этой диалектической взаимозависимости (имеющей отношение к процессу самосознания) для обоснования неизбежности процесса социального превращения «никого» во «что-то». У Гегеля в поединке «господина» и «раба» первый рискнул и, победив, стал хозяином. «Раб» же испугался смерти и, потерпев поражение, спасая свою жизнь, согласился с положением раба и превратился в некую «вещь», зависимую от господина. В результате господин эксплуатирует раба, принуждая его работать на себя, и довольствуется потреблением того, что производит для него раб.

Однако при таком раскладе сил возникает диалектическое движение, которое в конечном счёте приводит к изменению положения участников игры. Господин становится зависимым от вещей, которые уже не умеет производить сам, а раб тем временем получает независимость от вещей, поскольку сам же их и производит. При этом господин не способен полностью реализовать своё самосознание в силу того, что раб, низведённый до положения вещи, не может служить тем диалектическим полюсом, с которым его хозяин мог бы себя адекватно соотносить (справедливо замечено, что быть только господином значит намного меньше, чем быть личностью, наделённой самосознанием). В то же время раб в лице господина такой диалектический полюс имеет, поскольку тот — носитель самосознания, который повелевает. Так Гегель обозначил необычайную диалектическую потенцию, таящуюся в труде. По его словам, рабское сознание «именно в труде обретает самоё себя, стремясь найти собственное значение, хотя труд, как казалось, делал это значение отвлечённым».

Власов — это тот самый «раб», который (по Гегелю) хочет стать «господином».

Попав в плен, он решил использовать свой шанс стать вровень и даже выше своего прежнего господина и «Большого Хозяина» — Сталина (т. е. победить его).

Сервиллизм Власова в одночасье сменяется расчётливым бунтом (предательством). «Раб» в этом случае ищет более сильного хозяина, сам рассчитывая при этом стать господином.

Фридрих Ницше (опираясь на творчество Ф. Достоевского) писал про вероломство слабых и великодушные сильных духом. Сам Власов, описывая свой поступок — переход на сторону врага, признавался: «Смалодушничал». Именно проявленное малодушие как признак внутренне слабого, но амбициозного человека стало первым толчком, импульсом в трагедии падения Власова.

Для претензий на то, чтобы стать «господином», Власову нужна была сила, и такой силой, по его замыслу, должна была стать для него, мечтавшего занять место своего прежнего «хозяина» — Сталина, армия «рабов» — исполнителей честолюбивого замысла.

Поэтому ни о каком самоубийстве (как это сделал, попав в плен, генерал Самсонов в 1914 г.), или о пребывании в концлагере, или о героической смерти (вспомним смерть генерала Карбышева, отказавшегося присоединиться к предателю) сам Власов не помышлял. Он слишком высоко ценил самого себя и свой военный талант военачальника, чтобы брать смерть в том или ином виде.

Таким образом, Власов совершил ещё одно предательство — он предал своих прежних соратников, за что и был удостоен плевка в лицо от пленного советского генерала, которому он предложил вступить в РОА. Ведь фашистам Власов был нужен как советский военачальник, перешедший на сторону врага и объединивший воинские подразделения из числа перебежчиков, готовых воевать против своих соотечественников.

Власов же решил «выжать из ситуации» всё. Он решил обыграть и Сталина, и Гитлера. Поэтому он не просто перешёл на сторону нацистов, к чему подталкивали его те немецкие разведчики, которые обрабатывали его в плену. Он решил возглавить процесс *массового* перехода на сторону врага, используя своё генеральское звание, полученное в Советской армии. Власов предложил создать армию из советских пленных и бросить её в битву со Сталиным.

Замысел самонадеянный, демонстрирующий уровень дьявольски авантюрных притязаний Власова. О его честолюбии говорят многочисленные свидетели — как российские, так и немецкие. (Доста-

точно вспомнить его поучения, которые он раздавал и Гиммлеру, и Гитлеру, о том, как надо вести войну с Россией, как он мог бы взять Ленинград, если бы ему дали несколько дивизий.)

Является ли эта самая печально известная часть жизненного пути Власова активной борьбой со сталинизмом, с режимом? Только косвенно. По сути же, это была и борьба с государством, и борьба с народом, и борьба с самим собой — прежним рабом. Но на деле же это стало обретением нового рабского состояния, купленного ценой *государственной измены*, ценой перехода на сторону врага и борьбы с оружием в руках против своей Родины*.

Николай Бердяев писал, что человек должен стать не господином, а *свободным*. И самый свободный из сынов человеческих — Христос: он свободен от мира, он связывает лишь любовью**.

Что касается Власова, то он — «раб», так и не ставший «господином». Потому что была борьба Власова — «раба нового» с Власовым — «рабом старым».

Цена этого *бунта на коленях* была высока — тень предательства, которая легла на бойцов 2-й ударной армии, обман тех, кого он вовлёк своей пропагандой в РОА, предательство народа, России как Отечества и своих близких.

И сегодня этот обман продолжается, к сожалению, во всяком случае, для тех, кто не только готов обманываться сам, но и вводить в иску относительных псевдоистин других людей.

История не знает сослагательного наклонения, но попробуйте представить, что вдруг Барклай де Толли или Багратион, оказавшись в плену, перешли бы на сторону Наполеона и оправдывали бы это «борьбой с царизмом». Возможно ли это? Думаю, что нет. Хотя скептики могут сказать, что времена были другими.

Но вот другой пример — генерал Антон Деникин, отказавшийся благословить власовцев. Ему даже приписывают фразу: «Если бы мне могли дать должность генерала в Красной армии, я бы немцам показал». Как писала историк Н. А. Нарочницкая, для таких людей, как Деникин, Россия в любом обличье оставалась Родиной, и для них сохранить её для будущих поколений было важнее, чем при жизни увидеть крах ненавистного режима. А для власовцев — наоборот, лучше бы не было никакой России, чем Россия большевистская.

Иван Ильин справедливо отметил, что Россия не есть «пустоеместилище», в которое можно механически, по произволу, вложить всё, что угодно. Россия есть живая духовная система со своими историческими дарами и заданиями. И нужно считаться с законами

* Во всех странах подобные деяния оцениваются весьма сурово. В Конституции США, например, даётся чёткое определение: «Государственной изменой Соединённым Штатам считается только ведение войны против них или присоединение к их врагам и оказание им помощи и содействия».

** «Свобода есть свобода не только от господ, но и от рабов. Господин детерминирован извне, господин не есть личность, как раб не есть личность, только свободный есть личность, хотя бы весь мир хотел его поработить» (Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии).

её духовного организма. Именно национальная духовная жизнь есть то, за что и ради чего можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него. В ней — сущность Родины, та сущность, которую стоит любить больше себя.

Ключевые понятия здесь: Россия, Отечество, патриотизм, долг. По мнению Ильина, в основе пат-

риотизма лежит «творческий акт духовности самоопределения». Душа истинного патриота может жить только до тех пор, пока она пребывает в творческом объединении с жизнью своего народа.

Власов сделал свой выбор. Нарушив свой воинский долг, он отделил себя от народа, от Отечества, от России.

Куртов Аждар Аширович, главный редактор журнала «Проблемы национальной стратегии»

Правовая оценка инициативы по реабилитации руководителей РОА

Сегодня за круглым столом собрались преимущественно представители исторической и военной наук. Однако затрагиваемая нами тема совершенно очевидно имеет также и юридический аспект. Ведь за призывами пересмотреть оценки деятельности РОА и её руководителей стоит не просто желание изменить отношение общества к событиям прошлого на уровне чисто политического, оценочного восприятия. Сторонникам данной инициативы для достижения поставленной цели необходимо добиться отмены правовой квалификации деятельности руководителей РОА, зафиксированной не просто в каком-то постановлении ЦК КПСС, а в приговоре, вынесенном государственным судебным органом.

Сам термин «реабилитация» — это прежде всего правовое понятие, предусматривающее восстановление в правах, включая восстановление утраченного доброго имени, а также (если речь идёт об уголовном аспекте) отмену вынесенного судом обвинительного приговора, как правило, в силу «отсутствия состава преступления». Именно последним реабилитация отличается от внешне схожих с ней юридических понятий — «амнистия» и «помилование», которые оставляют вынесенный приговор в силе, а помилованного — лицом, совершившим преступление.

Поскольку в нашем случае речь идёт о реабилитации руководителей РОА, осуждённых в советский период, то не лишне будет напомнить, что советское уголовное право рассматривало реабилитацию как восстановление в прежнем состоянии *невинного* лица, которое было привлечено к уголовной ответственности *необоснованно*. В ныне действующем законодательстве России (УПК РФ) в п. 34 ст. 5 реабилитация тоже определяется как порядок восстановления прав и свобод лица, *незаконно или необоснованно* подвергнутого уголовному преследованию.

Очевидно, что сторонникам реабилитации руководителей РОА такой подход законодателя только на руку, поскольку он позволяет им надеяться, что клеймо уголовных преступников с них будет снято, без чего добиться желаемых перемен в отношении общества к РОА было бы проблематичным. Вполне вероятно, что сторонники подобных взглядов постараются представить руководителей РОА такими

же жертвами сталинского репрессивного аппарата, как и политических противников Сталина — Бухарина или Троцкого. Они с помощью имеющихся легитимных возможностей попытаются добиться отмены приговора, вынесенного руководителям РОА в далёком 1946 году. Наверняка будут звучать призывы «довести до логического завершения процесс реабилитации репрессированных в СССР лиц», начавшийся после смерти Сталина в 1953 г., сошедший на нет во времена Брежнева и возобновившийся при Горбачёве.

В связи с этим напомним, что постановлением Политбюро ЦК КПСС «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией необоснованно репрессированных в 1930–1940-е годы и начале 1950-х годов» от 11 июля 1988 года. Прокуратуре СССР и КГБ СССР было дано поручение продолжить работу по пересмотру дел в отношении лиц, репрессированных в годы сталинского режима, причём даже без подачи заявлений о реабилитации от родственников и жалоб от самих репрессированных граждан. 16 января 1989 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, который отменял внесудебные решения, вынесенные в указанный период внесудебными «тройками» НКВД–УНКВД, коллегиями ОГПУ и «особыми совещаниями» НКВД–МГБ–МВД СССР. Однако реабилитация на основе этих решений не распространялась на изменников Родины, карателей, нацистских преступников, на работников, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, и на лиц, совершивших убийство.

Законодательство нынешней России тоже содержит акты, посвященные реабилитации. Помимо упомянутого УПК РФ к ним можно отнести Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г., Указ Президента РФ «Об утверждении положения о Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий» от 25 августа 2004 года.

Очевидно, что сторонники реабилитации руководителей РОА попытаются опереться именно на нормы Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», в частности на ст. 2, где говорится,

что «целью настоящего Закона является реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года...»

Не могу не отметить, что в плане воздействия на общественное мнение у сторонников реабилитации руководителей РОА имеется возможность спекулировать на некоторых правовых терминах. Это сегодня действующий УК РФ содержит нормы, лишённые идеологического содержания, даже для такого преступления, как «государственная измена» (ст. 275). А на момент суда над руководителями РОА в РСФСР действовал УК 1926 г., в котором имелись так называемые «контрреволюционные» статьи. Тем не менее речь идёт именно о возможности спекулировать на терминах, поскольку УК РФ, как и аналогичные законодательства других стран, отнюдь не отказывается от уголовного преследования за действия, направленные на подрыв государственных основ (гл. 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»).

Отметим также, что российское законодательство позволяет подать заявление о реабилитации не только самим осуждённым (в нашем случае это невозможно, поскольку они казнены), но и членам их семей, а также любым общественным организациям и сторонним лицам.

К каким юридическим аргументам из области материального и процессуального права могут прибегнуть сторонники реабилитации руководителей РОА? Начнём с процессуального аспекта. Генерал Власов был задержан в 1945 г. и после следственных действий 1 августа 1946 г. был приговорён к смертной казни через повешение. Специально отметим, что руководителей РОА осудил именно суд, т. е. они были подвергнуты судебному, а не внесудебному преследованию, и приговор выносила высшая судебная коллегия, а не какая-то «тройка». Это обстоятельство лишает сторонников реабилитации сразу целого ряда аргументов в пользу версии о чисто политическом преследовании генерала Власова и его соратников.

Однако можно ожидать, что они попытаются всё-таки обосновать свою инициативу тем, что политическая мотивация преследования руководителей РОА просматривается в ряде процессуальных нарушений, которые должны быть установлены и послужить основанием для отмены вынесенного приговора. Как эксперт-правовед, я не могу не отметить, что с формально-юридической точки зрения необходимых и достаточных оснований для подобной позиции нет. В пользу версии, которую отстаивают сторонники реабилитации, имеются лишь определённые намёки, факты, которые можно интерпретировать не столько в чисто правовом, сколько в политическом плане.

Дело в том, что незадолго до начала судебного процесса, 23 июля 1946 г., состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором было принято следующее решение:

«1. Судить Военной коллегией Верховного суда СССР руководителей созданного немцами «Комитета освобождения народов России»: Власова, Малышкина, Трухина, Жиленкова и других активных власовцев в количестве 12 человек.

2. Дело власовцев заслушать в закрытом судебном заседании под председательством генерал-полковника юстиции Ульриха без участия сторон (прокурора и адвоката).

3. Всех обвиняемых в соответствии с п. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. осудить к смертной казни через повешение и приговор привести в исполнение в условиях тюрьмы.

4. Ход судебного разбирательства в печати не освещать.

По окончании процесса опубликовать в газетах в разделе «Хроника» сообщение о состоявшемся процессе, приговоре суда и приведении его в исполнение.

Судебный процесс начать во вторник, 30 июля с.г.».

Сторонники реабилитации руководителей РОА в своих публикациях уже активно используют данный исторический факт как безусловное, с их точки зрения, доказательство того, что суд был актом политической мести, что осуждены власовцы не как уголовные преступники, а как оппоненты большевиков.

Однако давайте разберёмся в этой ситуации. Действительно, принятие фактически судебного решения высшим партийным органом до проведения процесса и вынесения приговора с позиций дня сегодняшнего предосудительно, поскольку его можно расценить как вмешательство в дела правосудия. Но с правовой точки зрения принципиальным является то обстоятельство, что приговор всё-таки был вынесен судом, а не Политбюро. Решение Политбюро не отменяло суда и не заменяло его с процессуальной точки зрения. Сам же факт рассмотрения партийным органом подобного вопроса в реально-исторических условиях той эпохи был делом вполне обычным и, кстати, не слишком расходился с действующим законодательством СССР, в котором была зафиксирована особая роль партийных органов в решении всех важных вопросов государственной и общественной жизни.

Не является значимым нарушением и решение проводить судебные заседания в закрытом порядке — это была вполне обычная для того времени практика. Конечно, часто суды над полицией и предателями в СССР старались проводить в открытых слушаниях. Но в случае с Власовым и его соратниками было принято иное решение. И даже если признать, что при этом имело место нежелание властей предоставить руководителям РОА даже малейшую возможность для публичного оглашения своих взглядов и критики в адрес советской власти, то это нельзя квалифицировать как значимое процессуальное нарушение. Решение о закрытом характере процесса выносится судом по самым разным соображениям, в том числе и исходя из необходимости защиты государственной

или военной тайны. Можно долго спорить о том, какими мотивами в данном случае руководствовалась Военная коллегия, но в любом случае правовую возможность выбора закон оставлял за ней.

То же можно возразить и на возможные обвинения в скоротечности процесса, который продолжался всего два дня. Это действительно разительно контрастирует с той практикой, которая существует в настоящее время. Но нельзя современные реалии, современное законодательство применять к событиям прошлого. Следствие по делу Власова и его соратников велось достаточно долго, доказательства его вины были собраны. Полученные сведения проверялись в том числе и в архивах Германии. Кстати, Власов на процессе признал выдвинутые против него обвинения, и это принципиально важно. Поэтому скоротечность процесса нельзя признать процессуальным нарушением.

Никаких нарушений нет и в том, что была применена норма Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. Ведь речь шла только о способе приведения приговора в исполнение и ни о чём больше. Я позволю себе процитировать данный нормативный акт. Полное название Указа — «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».

Итак, Указ предусматривал:

«В освобождённых Красной армией от немецко-фашистских захватчиков городах и сёлах обнаружено множество фактов неслыханных зверств и чудовищных насилий, учинённых немецкими, итальянскими, румынскими, венгерскими, финскими фашистскими извергами, гитлеровскими агентами, а также шпионами и изменниками Родины из числа советских граждан над мирным советским населением и пленными красноармейцами. Многие десятки тысяч ни в чём не повинных женщин, детей и стариков, а также пленных красноармейцев зверски замучены, повешены, расстреляны, заживо сожжены по приказам командиров воинских частей и частей жандармского корпуса гитлеровской армии, начальников гестапо, бургомистров и военных комендантов городов и сёл, начальников лагерей для военнопленных и других представителей фашистских властей.

Между тем ко всем этим преступникам, виновным в совершении кровавых расправ над мирным советским населением и пленными красноармейцами, и к их пособникам из местного населения применяется в настоящее время мера возмездия, явно не соответствующая содеянным ими злодеяниям.

Имея в виду, что расправы и насилия над беззащитными советскими гражданами и пленными красноармейцами и измена Родине являются самыми позорными и тяжкими преступлениями, самыми гнусными злодеяниями, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Установить, что немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличённые в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники Родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение...»

На наш взгляд, единственным заслуживающим внимания процессуальным моментом является тот факт, что процесс проводился без участия сторон, т. е. обвиняемые и подсудимые были лишены возможности обращаться к помощи адвокатов. Однако это обстоятельство тем не менее нельзя признать нарушением норм действовавшего в то время УПК РСФСР 1922 года. И дело даже не в том, что подобная практика в военное время была весьма распространена. И не в том, что п. 2 ст. 59 УПК РСФСР устанавливал обязательность участия защитника по делам, где обвиняемый находился под стражей. Главное в другом — дела по ст. 58 УК РСФСР рассматривались не в народных судах. И эта норма была зафиксирована в УПК РСФСР. Так, ст. 24 гласила: «Все дела о преступных деяниях подсудны народному суду, за исключением дел, отнесённых законом к ведению революционных трибуналов». А ст. 28 определяла: «Ведению революционных трибуналов исключительно подлежат дела:

а) о преступлениях государственных, предусмотренных ст. 57–73 и 119 Уголовного кодекса...»

В УПК для этого существовал специальный раздел 4, посвященный производству дел в революционных трибуналах. Для этих органов устанавливались особые процедуры. В частности, ч. 1 ст. 415 УПК гласила: «Допущение обвинения и защиты в судебном заседании по делам, рассматриваемым в революционных трибуналах, необязательно и разрешается каждый раз Ревтрибуналом в распорядительном заседании в зависимости от важности дела, доказанности преступления или особого политического или общественного интереса дела».

Если бы аналогичное событие — отсутствие адвоката и обвинителя — имело место сегодня, то только на этом основании заинтересованные лица имели бы полное право настаивать на отмене вынесенного приговора. Вот тогда как эксперт я мог бы согласиться с тем, что этот аргумент (отсутствие представителей сторон, равно как и проведение процесса без вызова свидетелей) и в случае руководителей РОА может стать поводом для юрисдикционного органа, который предположительно будет рассматривать дело о реабилитации, учесть данное обстоятельство. Я мог бы даже предположить, что с чисто формальной стороны приговор мог бы быть на этом основании отменён. Но в рамках действовавшего на момент судебного процесса над Власовым УПК всё это соответствовало нормам установленного законом процессуального порядка.

Можно отметить ещё одно процессуальное обстоятельство, которое, впрочем, ни в коем случае нельзя расценивать как существенное нарушение (т. е. как причину для отмены вынесенного судом приговора): приговор не был оглашён публично. Ведь ст. 21 УПК РСФСР 1922 г. предусматривала: «При слушании дела при закрытых дверях приговор, во всяком случае, провозглашается публично». Впрочем, публикация вынесенного судебного решения в СМИ практически заменяла такое оглашение, поскольку в этом случае общество получало информацию о результатах судебного разбирательства.

Главное — это чётко представлять себе юридическую сторону данной проблемы. Отмена приговора по основаниям совершённых процессуальных нарушений никоим образом не означает полной реабилитации. Она не отменяет необходимости дать оценку материальных аспектов, т. е. того, были ли действия подсудимых преступными, и если были, то была ли им дана правильная квалификация по Уголовному кодексу. Иными словами, если бы руководители РОА остались живы, то даже после отмены приговора по причине наличия процессуальных нарушений должен был состояться новый судебный процесс с теми же обвинениями в их адрес.

Но есть ли у сторонников реабилитации руководителей РОА аргументы, которые способны опровергнуть квалификацию Военной коллегией действий подсудимых как преступников в рамках УК РСФСР 1926 г. (а не исходя из нынешнего законодательства)?

А. А. Власов, В. Ф. Малышкин, Г. Н. Жиленков, Ф. И. Трухин, И. А. Благовещенский, Д. Е. Закутный, В. И. Мальцев, С. К. Буняченко, Г. А. Зверев, М. А. Меандров, В. Д. Корбуков и Н. С. Шатов были обвинены Военной коллегией Верховного суда СССР за совершение преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., ст. 58-1 «б», 58-8, 58-9, 58-10 ч. II и 58-11 УК РСФСР.

Чтобы было понятнее, приведу вменённые в вину власовцам нормы УК РСФСР, действовавшего на момент совершения преступлений.

«Ст. 58-1 «а». *Измена Родине*. Измена Родине, т. е. действия, совершённые гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелёт за границу, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества...

Ст. 58-1 «б». *Измена Родине, совершённая военными служащими*. Те же преступления, совершённые военными служащими, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом, с конфискацией всего имущества...

Ст. 58-8. *Террористический акт*. Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса...

Ст. 58-9. *Диверсия*. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества влечёт за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса...

Ст. 58-10. *Контрреволюционная пропаганда и агитация*. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58-2–58-9 настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания, влекут за собой лишение свободы на срок ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях, или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в ст. 58-2 настоящего Кодекса...

Ст. 58-11. *Участие в контрреволюционной организации*. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы».

Ниже привожу в точной редакции выдержку из приговора, вынесенного Военной коллегией Верховного суда СССР:

«Предварительным и судебным следствием установлено:

Подсудимые ВЛАСОВ, МАЛЫШКИН, ЖИЛЕНКОВ, ТРУХИН, ЗАКУТНЫЙ, МЕАНДРОВ, МАЛЬЦЕВ, БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ, БУНЯЧЕНКО, ЗВЕРЕВ, КОРБУКОВ и ШАТОВ, являясь военными служащими Красной армии и будучи антисоветски настроенными, в напряжённый для Советского Союза период Великой Отечественной войны, нарушив воинскую присягу, изменили Социалистической Родине и, в разное время, добровольно перешли на сторону немецко-фашистских войск.

Находясь на стороне противника, все подсудимые, во главе с Власовым, по заданию руководителей

немецко-фашистского правительства, на протяжении 1941–1943 гг. проводили широкую изменническую деятельность, направленную на вооружённую борьбу против Советского Союза, а в 1944 году ВЛАСОВ, ЖИЛЕНКОВ, ТРУХИН, МАЛЫШКИН, ЗАКУТНЫЙ, МЕАНДРОВ, БУНЯЧЕНКО и др. вошли в созданный Гиммлером т. н. «Комитет освобождения народов России» и по заданию германской разведки создали из числа бывших белогвардейцев, уголовников, националистов и прочих антисоветских элементов вооружённые отряды, наименовав их «Русской освободительной армией» (РОА); организовали шпионаж и диверсии в тылу советских войск, убийства офицеров и солдат Красной армии, а также подготавливали террористические акты против руководителей ВКП(б) и Советского Правительства. Подсудимый Власов и его сообщники, при помощи немцев, своей окончательной целью ставили свержение Советского Правительства, ликвидацию социалистического строя и организацию на территории Советского Союза фашистского государства. Для проведения своей преступной деятельности ВЛАСОВ и все его соучастники необходимые им материальные средства и вооружение получали от немецкого командования, а всей их практической деятельностью руководили Гиммлер и его помощники.

Собранными по делу доказательствами и личными признаниями подсудимых как на предварительном, так и на судебном следствии конкретная предательская деятельность каждого из подсудимых установлена следующая:

1). ВЛАСОВ, будучи заместителем командующего войсками Волховского фронта и одновременно являясь командующим 2-й Ударной армии того же фронта, в июле 1942 года, находясь в районе города Любань, в силу своих антисоветских настроений изменил Родине и перешёл на сторону немецко-фашистских войск, выдал немцам секретные данные о планах советского командования, а также клеветнически характеризовал Советское Правительство и состояние тыла Советского Союза. Вскоре после этого ВЛАСОВ дал согласие немецкому командованию возглавить формируемые немцами части т. н. «русской армии», изъявив при этом желание войти в состав будущего «русского правительства», и обсуждал с ответственными представителями германского министерства иностранных дел вопросы расчленения Советского Союза. В декабре месяце 1942 года ВЛАСОВ совместно с другими изменниками Родины по заданию немецкого военного командования и германской разведки создал т. н. «русский комитет», ставивший своей целью свержение советского государственного строя и установление в СССР фашистского режима. Возглавляя этот «комитет», ВЛАСОВ вербовал из числа вражеских элементов своих единомышленников, выпускал антисоветские листовки к военнослужащим Красной армии и населению СССР, разъезжал по лагерям, где содержа-

лись советские военнопленные, и по оккупированной территории Советского Союза, призывая советских граждан к вооружённой борьбе с Советским Правительством и Красной армией. В конце 1944 года ВЛАСОВ по заданию германской разведки и лично Гиммлера объединил существовавшие на территории Германии белогвардейские организации и вместе с ближайшими сообщниками — изменниками ТРУХИНЫМ, МАЛЫШКИНЫМ, ЖИЛЕНКОВЫМ и ЗАКУТНЫМ, возглавил созданный немцами т. н. «Комитет освобождения народов России» (КОНР).

Ставя своей целью при помощи немцев захват власти в СССР, ВЛАСОВ под руководством фашистов сформировал из числа белогвардейцев, уголовников и изменников Родины, т. н. «Русскую освободительную армию», организовывал шпионаж и диверсии в тылу советских войск и подготавливал террористические акты против руководителей Советского Правительства. ВЛАСОВ, возглавляя работу по вербовке в т. н. «РОА» советских военнопленных, расправлялся с лицами, подозреваемыми в антифашистской деятельности, и лично утверждал смертные приговоры.

Будучи назначен приказом Гитлера на должность главнокомандующего т. н. «РОА», направлял сформированные им воинские части на фронт для боевых действий против советских войск.

ВЛАСОВ в 1944 году, кроме Гиммлера, вступил в личную преступную связь с Герингом, Геббельсом и Риббентропом, вёл с ними переговоры и совместно намечал мероприятия по усилению деятельности, направленной против СССР.

После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Власов вместе со своими сообщниками пытался бежать в район, занятый американскими войсками, для продолжения борьбы против Советского Союза, но был пленён частями Красной армии...

На основании вышеизложенного Военная коллегия Верховного суда Союза ССР постановляет: признать предъявленное ВЛАСОВУ, ЖИЛЕНКОВУ, МАЛЫШКИНУ, ТРУХИНУ, БЛАГОВЕЩЕНСКОМУ, ЗАКУТНОМУ, МЕАНДРОВУ, МАЛЫЦЕВУ, БУНЯЧЕНКО, ЗВЕРЕВУ, КОРБУКОВУ и ШАТОВУ обвинение в совершении ими преступлений ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года и ст. ст. 58-Г6», 58-8, 58-9, 58-10, 58-11 УК РСФСР доказанным.

Руководствуясь ст. ст. 319–320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛА: лишить воинских званий

1. ВЛАСОВА — генерал-лейтенанта,
2. МАЛЫШКИНА — генерал-майора,
3. ЖИЛЕНКОВА — бригадного комиссара,
4. ТРУХИНА — генерал-майора,
5. БЛАГОВЕЩЕНСКОГО — генерал-майора береговой службы,
6. ЗАКУТНОГО — полковника,
7. МАЛЫЦЕВА — полковника,
8. БУНЯЧЕНКО — полковника,

9. ЗВЕРЕВА — полковника,
 10. МЕАНДРОВА — полковника,
 11. КОРБУКОВА — подполковника,
 12. ШАТОВА — подполковника,
- и по совокупности совершённых преступлений, на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года:

1. ВЛАСОВА Андрея Андреевича,
2. МАЛЫШКИНА Василия Фёдоровича,
3. ЖИЛЕНКОВА Георгия Николаевича,
4. ТРУХИНА Фёдора Ивановича,
5. БЛАГОВЕЩЕНСКОГО Ивана Алексеевича,
6. ЗАКУТНОГО Дмитрия Ефимовича,
7. МАЛЬЦЕВА Виктора Ивановича,
8. БУНЯЧЕНКО Сергея Кузьмича,
9. ЗВЕРЕВА Григория Александровича,
10. МЕАНДРОВА Михаила Алексеевича,
11. КОРБУКОВА Владимира Денисовича,
12. ШАТОВА Николая Степановича

— ВСЕХ ПОДВЕРГНУТЬ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ.

Имущество всех осуждённых, лично им принадлежащее, конфисковать.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

Таким образом, главный и значимый материальный аспект рассматриваемой нами проблемы упирается в исследование составов преступления, предусмотренных ст. 58 УК РСФСР 1926 года. С нашей точки зрения, из всех четырёх элементов состава (субъект, объект, субъективная сторона и объективная сторона) сторонники реабилитации руководителей РОА почти наверняка будут пытаться доказать, что объект и субъективная сторона состава преступления были неверно квалифицированы по ст. 58.

В уголовном праве под объектом преступления понимают те общественные отношения, которые охраняются нормами уголовного права от преступных посягательств. Сторонники реабилитации руководителей РОА утверждают, что те если и покушались на общественные отношения, установленные в СССР, то только на ту их часть, которая воплощала идеологические установки коммунистов. Однако реальные действия власовцев были направлены на подрыв внешней безопасности СССР, т. е. на его территориальную неприкосновенность, военную мощь и государственную независимость.

Именно это старались сокрушить военные подразделения РОА в союзе с гитлеровцами. Но эти понятия в соответствии со ст. 58 УК 1926 г., ст. 64 более позднего УК РСФСР 1960 г. и ст. 275 ныне действующего УК РФ 1996 г. как раз и составляют объект преступных посягательств. Переход на сторону врага специалисты по уголовному праву большинства государств, как правило, квалифицируют именно так — по объекту преступных посягательств.

Основной целью атаки сторонники реабилитации почти наверняка изберут фундаментальное

понятие уголовного права — категорию «вины». Дело в том, что особенностью квалификации преступных деяний по ст. 58 является наличие в действиях преступника прямого или косвенного умысла. В уголовном праве преступление признаётся совершённым с прямым умыслом, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своих действий, предвидело его общественно опасные последствия и желало их наступления. С точки зрения сторонников реабилитации руководителей РОА, умысел Власова и его соратников был направлен якобы на то, чтобы избавить страну от тоталитарного репрессивного режима Сталина, а вовсе не на предательство Родины, пособничество гитлеровцам и тому подобное, отмеченное в вынесенном приговоре. В подтверждение такой позиции, скорее всего, будут приводиться цитаты из ряда обращений РОА, в частности из так называемого «Смоленского манифеста» (декабрь 1942 г.) и письма Власова «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом» от 18 марта 1943 года. Поэтому я бы призвал участников нынешней дискуссии в своих выступлениях иметь это в виду, когда они будут касаться исторических фактов.

В самом общем плане хотелось бы перечислить некоторые контраргументы.

1. Версия сторонников реабилитации об истинных целях Власова была бы убедительной, если бы речь шла о его действиях против Сталина летом 1941 г., но никак не в период 1943–1945 гг., когда стратегическая инициатива на фронтах перешла к Красной армии. Многочисленные факты свидетельствуют, что РОА участвовала во фронтовых операциях в основном именно в 1944–1945 гг. Тогда Власов уже не мог не понимать, что в сложившейся к тому времени военной обстановке декларируемые им цели были недостижимы.
2. Временной фактор, который весьма важен в оценках общественных явлений и которым активно пользуются историки, воспринимающие хронологию событий как своеобразный «скелет» исторической науки, ещё более значим для правоведов. Ведь его изучение позволяет понять и правильно оценить причинно-следственные связи, в том числе и те, которые имеют отношение к совершению преступлений. В этом смысле нельзя не отметить, что использование гитлеровской Германией военных частей, сформированных из предателей, принадлежащих к различным национальностям народов Советского Союза, началось отнюдь не после пленения генерала Власова (июль 1942 г.) и тем более не после появления обращений РОА с призывами вступить в борьбу с большевиками на стороне Гитлера. Такие части стали создаваться гитлеровцами на Восточном фронте ещё в 1941 г., и ни РОА, ни Власов тогда не имели к этому никакого отношения. Позднее эти части влились в состав

РОА. А это означает, что смысл и цель создания подобных формирований формулировались отнюдь не руководителями РОА в их агитационных материалах.

3. Власов явно не был малообразованным или слабоумным, чтобы не понимать истинного характера режима Третьего рейха, целей Гитлера. Он не мог рассчитывать на то, что Гитлер будет относиться к нему как к равному союзнику, как к Муссолини, Хорти или Франко. Свои представления о судьбе славянских народов Гитлер изложил ещё в книге «Моя борьба», написанной им до начала Второй мировой войны. Гитлеровские планы обустройства территории завоёванного СССР тоже не были большим секретом. Можно ли, исходя из этого, признавать правовую значимость декларируемых Власовым целей его борьбы с точки зрения перспектив их реализации (т. е. были ли эти цели его настоящими целями, что могло бы изменить квалификацию «наличия умысла»)? На наш взгляд, для этого оснований нет.
4. Как соотносятся с интерпретацией власовского прямого умысла активные карательные действия против некомбатантов, т. е. мирного населения? Как соотносится с этим толкованием борьба власовцев против партизан и подпольщиков?
5. Большинство членов РОА нарушили данную ими военную присягу, а это рассматривается уголовным законодательством как действия, подпадающие под ст. 58–1 УК РСФСР. Присяга, которую давали позднее члены РОА, особенно тот её вариант, который действовал до 28 января 1945 г., недвусмысленно свидетельствует о том, что они клялись подчиняться Гитлеру как главнокомандующему. Приведём текст этой присяги: «Я, верный сын моей Родины, вступая в ряды Русской освободительной армии, торжественно клянусь: честно бороться против большевиков на благо моей Родины. В этой борьбе против общего врага на стороне германской армии и её союзников клянусь быть верным и беспрекословно

повиноваться Вождю и Главнокомандующему всех освободительных армий Адольфу Гитлеру. Я готов, во исполнение этой клятвы, не щадить себя и свою жизнь».

Позднее действовал следующий текст: «Я, как верный сын моей Родины, вступая добровольно в ряды бойцов Вооружённых сил народов России, перед лицом соотечественников присягаю — для блага моего народа под главным командованием генерала Власова бороться против большевизма до последней капли крови. Эта борьба ведётся всеми свободолюбивыми народами в союзе с Германией под главным командованием Адольфа Гитлера. Я клянусь быть верным этому союзу. Во исполнение этой клятвы я готов отдать свою жизнь».

Напомню, что Гитлер, как и Гиммлер, с которым общался по делам РОА генерал Власов, были признаны международным Нюрнбергским трибуналом преступниками.

С нашей точки зрения, Военная коллегия в целом вполне законно квалифицировала действия руководителей РОА как преступления. В вынесенном приговоре если и присутствуют политические моменты, то они явно не доминируют.

Можно добавить, что Прокуратура РФ летом 2001 г. уже рассматривала обращение с требованием реабилитировать Власова, поступившее от общественной организации «За Веру и Отечество», и в реабилитации отказала. Такую же позицию заняла и Военная коллегия Верховного суда РФ в ноябре того же года. При этом последняя исключила из обвинения Власова и его 11 соучастников ст. 50–10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Суд решил, что данная статья в соответствии с законом «О реабилитации жертв политических репрессий» не содержит общественной опасности, и лица, осуждённые по ней, реабилитируются независимо от фактической обоснованности обвинения*. В то же время Коллегия постановила оставить в силе обвинения Власову по статьям «измена Родине», «террористический акт», «диверсия» и «участие в контрреволюционной организации».

* Здесь следует отметить, что реабилитация по данному обвинению отнюдь не означает отказа признавать действия руководителей РОА преступными по УК РСФСР 1926 года. Просто на момент принятия Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» в России доминировала точка зрения, что подобные деяния — антисоветская агитация и пропаганда — не представляют собой общественной опасности. Поэтому такой подход и нашёл своё отражение в тексте данного закона. Но нельзя не отметить, что схожие по содержанию нормы уголовного закона имеются и в других государствах. Например, параграф 2385 Свода законов США гласит: «*Пропаганда, направленная на свержение правительства*. Тот, кто, сознательно или умышленно, пропагандирует, поощряет, даёт совет или указывает на обязанность, необходимость, желательность или уместность свержения или уничтожения правительства Соединённых Штатов или правительства какого-либо штата, территории, округа или владения Соединённых Штатов, или правительства какого-либо их политико-административного подразделения при помощи силы или посредством убийства какого-либо должностного лица такого правительства; или имея намерение вызвать свержение или уничтожение какого-либо такого правительства, издаёт, печатает, выпускает, распространяет, продаёт, распределяет или публично демонстрирует какие-то письменные или печатные материалы, пропагандирующие, советующие или поучающие об обязанности, необходимости, желательности или уместности свержения или уничтожения какого-либо правительства Соединённых Штатов при помощи силы, либо пытается сделать это; или организует, помогает или пытается организовать какое-либо общество, группу или собрание лиц, которые учат, пропагандируют или поощряют свержение или уничтожение какого-либо такого правительства при помощи силы, становится или является членом любого такого общества, группы или собрания лиц, зная их цели, карается штрафом в размере до 20000 долларов или тюремным заключением на срок до 20 лет, либо обоими наказаниями, а также лишается права быть на службе у Соединённых Штатов или в каком-либо их министерстве или агентстве в течение пяти лет после его осуждения...»

Законодательства большинства современных государств квалифицируют переход на сторону противника, совершённый в военное время и намеренно, сопряжённый с активными боевыми действиями на стороне противника против национальной армии, с действиями, нарушающими международное гуманитарное право, как одно из *наиболее тяжких уголовных преступлений*. И такая правовая квалификация не зависит от того, относится ли правовая система к континентальной, англо-саксонской или какой-то иной правовой семье; исповедует ли доминирующая нация ислам, буддизм, индуизм или различные формы христианства; входило ли такое государство ранее в систему стран социализма или не входило. Например, в Своде законов Соединённых Штатов Америки содержится раздел 18 «Преступления и уголовный процесс», глава 115 которого именуется «Измена, призыв к мятежу и подрывные действия». Параграф 2381 этой главы содержит следующую правовую норму: «*Измена*. Тот, кто, будучи обязанным хранить верность Соединённым Штатам, начинает войну против них или примыкает к их врагам, оказывая им помощь и поддержку в Соединённых Штатах или где-либо ещё, виновен в измене и карается смертной казнью или тюремным заключением на срок не менее пяти лет и штрафом в размене не менее 10000 долларов, а также лишается права занимать какую либо должность на государственной службе Соединённых Штатов».

Таким образом, с правовой точки зрения оснований для действительной реабилитации руководителей РОА не существует.

В заключение не могу не высказать свою гражданскую позицию. В отношении к феномену предательства у народов России, конечно же, определённую роль сыграл исторический опыт. На протяжении сто-

летий время от времени из шкурных соображений кто-то из князей, гетманов или генералов способствовал вторжению иноземных орд — то монголов, то мадьяр, то крымских татар, то ляхов, то шведов, то германцев. И это не могло не отразиться на национальном менталитете, на особенностях бытия нации. Эти особенности проявляются в самых разных процессах, в том числе, например, и в языке. В том самом великом и могучем русском языке, на котором мы сегодня ведём свою дискуссию.

Мы можем провести нехитрый социологический эксперимент — выйти на улицы любого населённого пункта нашей страны и попросить граждан подобрать первое пришедшее на ум прилагательное к словам «предатель» и «предательство». И я уверен, что большинство опрошенных наверняка скажут «подлое» и «гноусное». И это далеко не случайно. В русском языке — это устойчивые и наиболее употребляемые словосочетания, демонстрирующие отношение нации к феномену предательства, которое она выработала на протяжении своей истории. Ведь что такое «гноусный» предатель? Это тот, кто внушает отвращение, кто омерзительен для окружающих. Этимология слова «гноусный» позволяет нам углубить смысл отношения нации к предательству. «Гнусный», «гноус» — паразит, досаждающий людям. Естественной реакцией на него на уровне простого инстинкта элементарной гигиены является желание раздавить, уничтожить. В этом отражается нормальное национальное восприятие и одновременно оценка феномена предательства.

А раз так, то стремление реабилитировать руководителей РОА, по существу, сродни желанию выплеснуть бочку серной кислоты на железный столб, на котором покоится наша цивилизация. Мы не должны этого допустить.

Дрожжин Сергей Николаевич, кандидат филологических наук, член экспертного совета Фонда исторической перспективы

Операция «Власов» продолжается: Власов и власовщина в глазах немецкого общества

В последнее время в России много говорят о генерале Андрее Власове и его так называемой «освободительной армии», но при этом часто из поля зрения выпадает одно очень важное обстоятельство.

Находясь в плену у немцев, основное внимание Власов уделял пропагандистской работе, а точнее — спецпропагандистской. Именно за это он получал жалованье в размере 1,5 тыс. рейхсмарок, что соответствовало пенсии отставного генерал-лейтенанта вермахта. Он подписывал подготовленные специалистами германской военной разведки листовки, прокламации и другие пропагандистские материалы, которые распространялись затем за линией фронта. И Гитлер, и Гиммлер неоднократно подчёркивали, что главной целью этой «работы» было ослабление боевого духа Советской Армии и Власов им нужен

только для этого.

Совершенно очевидно, что Власов был в нацистской Германии совершенно несамостоятельной фигурой и не мог гарантировать ничего из того, о чём писалось в распространяемых от его имени листовках. Это означает, что вся его пропагандистская деятельность строилась на обмане своих бывших товарищей по оружию. По сути дела, это было его вторым предательством.

После очередной поездки Власова на Восточный фронт Гитлер приказал его арестовать. Он считал, что в пропагандистских целях надо использовать имя Власова, но не его самого. Однако тому повезло, и приказ фюрера выполнен не был.

Пропагандистская команда Власова действовала иногда очень эффективно. Так, 20 апреля 1943 г.

на среднем участке Восточного фронта немцы начали операцию под названием «Серебряный дозор» (Unternehmen Silberstreif). Власовцы распространяли за линией фронта листовки, призывавшие советских солдат переходить на сторону Германии. Операция была успешной: в мае на сторону немцев перешли 2,5 тыс. человек, а в начале лета уже 6,5 тысячи. Руководитель разведывательного отдела Генштаба верховного командования сухопутных войск (Fremde Heere Ost) Райнхард Гелен приказал удвоить усилия в этом направлении и приставил к Власову своего человека, капитана Вильфрида Штрик-Штрикфельдта для соответствующего наблюдения и контроля.

Гиммлер был в восторге, что русского генерала удалось купить так легко. «Он получает хорошую еду, шнапс и женщин — это же страшно дешево», — сказал Гиммлер в одной из своих программных речей в начале октября 1943 года. Он имел в виду не только пропагандистскую деятельность самого Власова. Фактически рейхсфюрера СС радовало, что за 1,5 тыс. марок в месяц удалось получить целую ударную армию. Ему, конечно же, были известны обстоятельства, при которых Власов попал в плен (2-я армия в плен не сдавалась, а почти вся погибла в боях), тем не менее он намеренно подчеркнул, что именно из рук этого человека немцы «получили» 2-ю ударную армию.

Руководство Третьего рейха высоко оценивало Власова как пропагандиста, и не случайно его поселили на вилле в берлинском районе Далем, который почти не бомбили союзники по Антигитлеровской коалиции.

Непосредственным куратором Власова, как уже было сказано, был капитан В. Штрик-Штрикфельдт. Этот выходец из России и бывший офицер царской армии действовал под непосредственным контролем полковника Р. Гелена*.

В своей книге о Власове Штрик-Штрикфельдт нигде не говорит о том, что был главным специалистом по допросам. Совершенно очевидно, что Власов прошёл через многочисленные допросы и, конечно же, выдал немало военных и государственных тайн. Это также неотъемлемая часть его предательства. Косвенным образом это подтверждается высоким качеством информации, которую Гелен передавал своим начальникам. В верховном командовании сухопутных войск тогда говорили, что представленные Геленом на основе сбора информации карты ничем не отличаются от тех оперативных карт, которые лежат в кабинетах советского командования. Интересно, что Гитлер скептически относился к материалам Гелена и считал их «крупнейшим блефом со времён Чингисхана». (На оперативном совещании 9 января 1945 г. он назвал подготовленные Геленом материалы «полным идиотизмом» и предложил поместить их автора в сумасшедший дом.) Зато работу Гелена очень высоко оценивал генерал-полковник Гудериан,

который в 1944 г. был назначен начальником штаба сухопутных войск.

Постепенно разведывательный отдел Гелена, получившего в 1944 г. звание генерала, расширил сферу своей деятельности и уже не ограничивался сбором только военной информации. Его интересовали данные об экономике Советского Союза, географическом положении страны, транспортных и других инфраструктурных возможностях. Разумеется, в лучших прусских традициях весь этот громадный материал был занесён в картотеки и оформлен как образцовый архив.

Р. Гелен был уверен, что после окончания войны американцы, пусть и не сразу, но заинтересуются его архивом по военному и экономическому потенциалу СССР. Так оно и получилось. Уже летом 1945 г. американцы вывезли Гелена в Вашингтон, где долго допрашивали в здании Пентагона. Стоит отметить, что Гелен поставил американцам несколько условий, на которых был бы готов работать: он настаивал, чтобы создаваемая под его началом организация не использовалась против интересов Германии. Понятно, что сам Гелен предателем быть не хотел.

Генерал Р. Гелен не ошибся в своих расчётах: американцы достаточно быстро оценили собранные и систематизированные им сведения о Советском Союзе, а некоторые успешные операции решили продолжить.

Осенью 1950 г. известный немецкий писатель Юрген Торвальд, книги которого по истории криминалистики хорошо известны и в нашей стране, получил от бывшего главы разведывательного отдела Fremde Heere Ost германского Генштаба Райнхарда Гелена предложение написать книгу об армии Власова, а также о других советских «хиви» — так немцы презрительно называли советских коллаборационистов. Идея состояла в том, что на случай «горячей войны» («холодная» была уже в самом разгаре) следует иметь популярное пособие, рассказывающее о главном противнике — СССР.

Р. Гелен и его коллега Херре (тоже бывший генерал) пообещали Торвальду предоставить все имеющиеся в их распоряжении материалы и, кроме того, организовать интервью со всеми свидетелями, которых удастся найти. За этот труд было обещано немалое вознаграждение.

На время выполнения заказа Торвальда поселили в доме родителей Херре в Баварских Альпах. Сюда на интервью с ним привозили огромное количество бывших советских граждан, в том числе и из ГДР. В работе ему помогали, попеременно сменяя друг друга, два секретаря. Собранный материал составил несколько тысяч страниц. Часть впоследствии была передана в мюнхенский Институт современной истории. Говорят, что это был тот редкий случай, когда секретные службы внесли свой вклад в развитие исторической науки.

* Кстати, Г. Попов ошибается, когда говорит, что Гелен руководил работой военной контрразведки — абвера. Это ведомство находилось в подчинении Верховного командования вермахта.

Нельзя сказать, чтобы полученный результат полностью удовлетворил заказчиков. Собственно учебника о том, как подталкивать русских и представителей других народов СССР к предательству, не получилось. Однако получился живой рассказ о событиях, связанных с сотрудничеством генерала Власова с нацистами.

Чем руководствовался и какие цели преследовал Райнхард Гелен, делая это предложение молодому и популярному автору? Если бы нужно было только собрать и систематизировать материалы, имеющие отношение к истории Власова и его так называемой «освободительной армии», то не надо было публиковать их в виде книги, а достаточно просто передать американцам.

Очевидно, что в данном случае готовились не столько к «горячей войне» с Советским Союзом, сколько к очередной пропагандистской акции, в том числе и спецпропагандистской, так как американцы в то время не исключали возможности прямого военного нападения на Советский Союз, поэтому опыт общения с советскими гражданами мог бы им пригодиться.

Вместе с тем выбор популярного автора для реализации планов Гелена свидетельствует о том, что эта акция среди прочего была рассчитана и на обработку общественного мнения Германии. Рассказ о власовской «освободительной» армии отвлекал немцев от обсуждения преступлений, совершённых нацистами после нападения на Советский Союз. Ведь если так много русских были готовы воевать против Сталина, значит, эта война была «справедливой»: Германия защищала Европу и европейскую культуру от «варваров с востока» (кстати, так до сих пор в Германии считают многие).

В начале 1950-х гг. книга Торвальда о Власове под названием «Путь был» («Es gab einen Weg») была издана и в Соединённых Штатах. Это означает, что при непосредственном участии Гелена проводилась соответствующая обработка общественного мнения и в самих США. Книга Торвальда «Путь был» была переиздана в Германии в начале 1970-х гг., и это переиздание совпало с выходом на Западе работы Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ».

Р. Гелен является «крёстным отцом» ещё одной книги о Власове. Именно он рекомендовал капитану В. Штрик-Штрикфельдту, служившему под его началом в Fremde Heere Ost, систематизировать все материалы, а также свои личные впечатления о Власове.

Некоторые исследователи на Западе считают, что Гелен переоценил возможности Власова и его «освободительной армии». Уже после войны он всё ещё думал, что с русскими можно воевать руками самих русских. Ему всё ещё казалось, что во время войны против Советской России этот шанс был упущен и в начале 50-х гг. всё это можно повторить уже с помощью американцев. На самом же деле Гелен относился к Власову очень прагматично и использовал его в первую очередь как важный источник информации.

Ещё один немецкий автор книги о Власове, Иоахим Хоффман, не служил ни в вермахте, ни в СС, но его непосредственным руководителем был полковник вермахта в отставке фон Гроте. Хоффман так и не объясняет, почему вдруг он перестал заниматься коллаборационистами-калмыками и переключился на РОА и Власова. Вероятнее всего, это произошло под влиянием фон Гроте.

Почти все эти книги изданы у нас в стране, и многие пользуются ими как источниками сведений о Власове, хотя написаны они немецкими разведчиками и пропагандистами с определёнными целями по указке генерала Гелена.

Конечно, немцам политически невыгодно вспоминать о том, что нацистская Германия вела против Советского Союза войну на уничтожение. При этом и в Германии, и у нас в стране постоянно говорят о том, что в РОА Власова состоял чуть ли не миллион человек. Это совершенно не соответствует действительности. Как известно, Власов получил от Гимmlера разрешение на формирование только двух дивизий, при этом более или менее полностью укомплектовать удалось только одну.

Когда мы говорим о Власове и его армии, то следует ещё раз напомнить о целях войны, которую нацистская Германия вела против Советского Союза. Руководство Третьего рейха планировало в кратчайший срок захватить территорию СССР до Урала. Оккупированные земли предполагалось подвергнуть «безжалостной германизации», т. е. физически уничтожить большую часть населения нашей страны. Рейхсфюрер СС Гимmlер постоянно подчёркивал, что германизацию следует понимать не как обучение немецкому языку и немецкой культуре, а как очистку завоёванных земель от «неполноценных народов» и заселение их чистокровными немцами.

Следует также напомнить, что война против Советского Союза была преступной: нацисты отказались от выполнения требования Гагской конвенции и руководствовались «Приказом о комиссарах» и другими распоряжениями, что позволяло на месте без суда и следствия «разбираться при помощи оружия» с советскими офицерами и солдатами, а также с гражданским населением.

Советские военнопленные содержались в концентрационных лагерях и лагерях для военнопленных в тяжелейших условиях. Не случайно к середине 1943 г. немцы успели уничтожить 3,3 млн. узников.

Что касается самого Гелена, то он, чтобы оправдаться в глазах американцев, пытался доказать, будто его ведомство (т. е. военная разведка Fremde Heere Ost) якобы не разделяло некоторых установок расистской теории и целей войны на Востоке, и для этого приводил в качестве аргумента отказ Гитлера использовать РОА и Власова.

Ещё одну книгу о Власове написал известный немецкий писатель Эрих Двингер. Он родился в 1898 г. в Киле в семье офицера (мать его была

русской по происхождению), участвовал в Первой мировой войне, попал в плен к «красным», смог бежать и оказался в армии Колчака. После её разгрома через Монголию вернулся в Германию и посвятил себя литературе, став очень популярным автором.

Особой известностью ещё до Второй мировой войны пользовались его книги о мытарствах в России, об ужасах Гражданской войны и гибели армии Колчака. Можно даже сказать, что мировую славу ему принесла именно книга о России «Между белыми и красными». Живописуя кошмар Гражданской войны, Двингер не забывал предупреждать своих немецких соотечественников о вечной угрозе с востока. За это его, разумеется, очень полюбили после 1933 г. новые вожди Германии. За свои заслуги перед нацистским отечеством Двингер даже получил пост имперского сенатора по культуре.

Нацисты считали Двингера специалистом по России. В 1935 г. он был удостоен премии имени большого друга и учителя Гитлера Дитриха Экарта и одновременно получил звание оберштурмбаннфюрера СС. Во время Второй мировой войны Двингер работал фронтовым корреспондентом и пользовался особым покровительством рейхсфюрера СС Гимmlера.

После нападения на СССР Двингер был прикомандирован в качестве офицера к штабу одной из танковых армий. В основном, правда, он занимался репортёрской работой, так как к строевой службе из-за полученного ещё в Первую мировую войну ранения не был полностью годен.

После серии поражений вермахта на Восточном фронте он стал бомбардировать некоторые влиятельные нацистские ведомства, имевшие отношение к формированию германской восточной политики (в том числе и Восточное министерство Розенберга), своими многочисленными докладными записками, в которых предлагал отказаться от тезиса о так называемом «недочеловеке» и более гибко подходить к формированию политики на оккупированных землях. Если верить Двингеру, то с одной из его докладных записок ознакомился генерал-фельдмаршал фон Браухич, который якобы затем собственноручно написал на полях свою резолюцию: «Вот рецепт победы».

Сказанное выше в какой-то мере объясняет, почему бывший оберштурмбаннфюрер СС Эрих Двингер после окончания войны написал свою книгу о Власове (в которой, однако, историческая правда часто соседствует с вымыслом). В ней он утверждает, что именно его обращение к генералу Гудериану радикальным образом изменило отношение Гимmlера к Власову и тот решил встретиться с русским военнопленным. В действительности же на Гимmlера, скорее всего, повлиял главный редактор эсэсовского издания «Чёрный корпус» Гюнтер Д'Алькен. Кроме того, не следует забывать, что в тот период (после покушения на Гитлера 20 июля 1943 г.) полномочия рейхсфюрера были расширены и он стал заниматься в том числе и формированием армейского резерва.

Кстати, Д'Алькен обратил внимание на Власова только потому, что, по его мнению, пропагандистские мероприятия с его участием будут наиболее эффективными. Поэтому он соответствующим образом настроил своего шефа перед встречей с пленным генералом.

Гимmlер в своей программной речи перед руководителями СС, которую он произнёс в Позене 4 октября 1943 г., достаточно много внимания уделил Власову. При этом он в несколько завуалированной форме раскритиковал балтийских и русских немцев, многие из которых в то время были весьма критически настроены в отношении войны с СССР. Возможно, Гимmlер ссылаясь в своей речи и на Двингера, имея в виду немцев, у которых были русские матери.

В то время Гимmlеру было уже хорошо известно, что Власов к месту и не к месту пытается убедить всех, будто Россию могут победить только русские, а немцам это не удавалось никогда.

Из речи Гимmlера следует, что среди офицеров вермахта был широко распространён взгляд на Россию, который был характерен для балтийских и русских немцев. Он призвал самым активным образом с такими взглядами бороться. Гимmlер не верил, что Власов во главе 500 тыс. или даже 1 млн. солдат может отправиться на Восточный фронт и там «убивать для нас русских». Оказалось, что Власов, сам того не желая, занимался пропагандой в пользу Советского Союза, что вызывало дикое раздражение у руководства Третьего рейха.

Гимmlер объяснял своим подчинённым, что достаточно немного польстить, пообещать что-нибудь — и любой русский генерал уже у вас в руках! Именно на таком подходе к Власову настаивали и Гимmlер, и Гитлер.

«Господин Власов — и это меня не удивляет — подвизался на ниве пропаганды в самой Германии, — говорил Гимmlер, — и я должен сказать, что во многих случаях позволял себе даже высмеивать нас, немцев. Я усматриваю в этом большой вред. Мы можем вести пропаганду, направленную за границу, применять любые методы, какие нам понравятся... Годаются любые средства, которые предоставляют в наше распоряжение эти дикие народы и которые приводят к тому, что вместо немца на убой идёт русский. Все меры хороши, все приемлемы перед богом и людьми. Однако произошло нечто, чего мы не хотели: с наглостью, присущей русским, славянин господин Власов принялся рассказывать сказки. Он утверждал: «Германия не могла и не может завоевать Россию, завоевать Россию под силу только нам, русским». Данная позиция, господа, очень опасна... Утром, днём и вечером немецкий солдат должен молиться: «Мы превосходим любого врага в мире». Если русский — быть может, позавчерашний подмастерье мясника, а вчерашний генерал при Сталине — приходит к нам как перебежчик, приходит и со славянской самонадеянностью разглагольствует, а потом позволяет себе заявлять, что-де только русские могут за-

воевать Россию, у меня есть что возразить: этот тип уже одним только подобным заявлением доказывает, что он есть свинья...»

Встреча Власова и рейхсляйтера СС Гиммлера состоялась 16 сентября 1944 года. Власов представил план срочного формирования 10 пехотных дивизий, одной танковой дивизии, нескольких бригад резервистов, своего собственного авиационного полка и офицерской школы. Он, очевидно, думал не столько о том, как помочь Гитлеру на Восточном фронте, сколько о том, как стать полезным Вашингтону и Лондону после окончания Второй мировой войны. Альтернативным вариантом был для немцев Борис Смысловский, в подчинении которого уже находилось около 6 тыс. солдат и который называл себя командующим «Первой русской национальной армии». Находившиеся в Югославии Русский охранный корпус и генерал Краснов отказались от какого бы то ни было сотрудничества с Власовым.

Рейхсляйтер Гиммлер не изменил своего мнения о Власове и осенью 1944 года. Но изменилась ситуация, в том числе и на Восточном фронте. Гиммлер стал ответственным за формирование резерва вермахта, а принятая уже тогда руководством Третьего рейха концепция тотальной войны позволяла использовать практически любую возможность для ведения боевых действий против наступающей Красной армии.

К величайшему разочарованию Власова Гиммлер согласился на создание только двух дивизий под непосредственным контролем СС. В конце ноября 1944 г. Генеральный штаб сухопутных войск издал приказ о формировании в Мюнзингене (Вюртемберг) 600-й русской пехотной дивизии. Оно проходило на основе так называемой «бригады Каминского», «отличившейся» при подавлении восстания в Варшаве, и завершилось 10 февраля 1945 года. Вторая русская дивизия (650-я) состояла из военнопленных, вооружённых только ручным оружием. В первую дивизию РОА входило 20 тыс. человек, а ещё 30 тыс. — в другие подразделения. Противотанковые группы РОА были уже в апреле 1945 г. разоружены своими немецкими «товарищами по оружию».

Что касается Гелена, то он 1 июля 1944 г. написал докладную записку в штаб-квартиру фюрера, в которой подчеркнул эффективность пропагандистской работы Власова и предлагал объявить о создании

русского правительства под его руководством. Ознакомившись с этой запиской, Гитлер впал в бешенство: «Я никогда не допущу создания русской армии. Это фантом первого ранга». А через несколько месяцев фюрер вообще хотел распустить все формирования с участием «хиви», так как до него дошли слухи, что эти русские «помощники» при первом удобном случае перебегают к партизанам.

Тем не менее 28 января 1945 г. Власов был назначен «главнокомандующим русских войск», и РОА формально стала союзником гитлеровской Германии. Однако Гитлер оставался при своём мнении: «Власов — это ноль».

Власов часто говорил своим высокопоставленным собеседникам в Германии, что «Россию могут победить только русские». Скорее всего, он не знал, что эти слова принадлежат немецкому поэту и драматургу Шиллеру. Они взяты из его неоконченной исторической драмы, из той её части, в которой король Сигизмунд поучает Марину Мнишек: «Завоюй сердца этих людей, и тогда ты будешь править».

Власов не понял или умышленно извратил слова великого немецкого писателя. В отличие от него, генерал призывал к тому, чтобы одни русские убивали других русских для достижения определённых политических целей, в первую очередь целей руководства нацистской Германии. И не удивительно, что его планы не нашли отклика среди многих представителей русской эмиграции, которые будучи, казалось бы, неприемлемыми врагами советской власти уже в первые дни после нападения Германии на Советский Союз открыто выступили в поддержку справедливой борьбы советского народа против гитлеровской агрессии.

Хороший пример всем прибалтийским немцам из окружения Власова дал финский маршал Карл Маннергейм, который по неофициальным каналам проинформировал руководство Германии о том, что готовящийся сепаратный мир Финляндии с Советским Союзом есть прежде всего следствие разочарования «восточной политикой» Германии. Он заявил, что является патриотом Финляндии, но как бывший гвардейский офицер царской России связан тесными узами с русским народом и потому не может поддерживать проводимую Гитлером военную кампанию против этой страны.

Обращение это осталось без ответа...

Василик Владимир Владимирович, диакон, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских народов исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Власовское движение и русская православная церковь

В годы Великой Отечественной войны Русская православная церковь Московского патриархата заняла антифашистскую позицию. Устами местоблюстителя митрополита Сергия она, как известно, призвала

народ на борьбу с врагом с первого дня войны (ещё до известного обращения Сталина). В этом к ней присоединились и русские приходы Константинопольского патриархата, руководимые митрополитом Евлогием.

Гораздо сложнее было отношение к Великой Отечественной войне Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). Некоторые её иерархи, в частности епископ Берлинский Серафим (Ляде), вначале поддержали немецкое вторжение. Однако, и это следует подчеркнуть, РПЦЗ не выработала единого общецерковного документа, благословляющего нацизм. И поддержка власовского движения была далеко не безусловной: митрополит Анастасий, например, уклонился от выступления на учредительном съезде Комитета освобождения народов России (КОНР) в 1944 г., а выступавший там протоиерей Александр Киселёв в дальнейшем не занимался пастырской работой во власовских войсках.

После войны членами приходов РПЦЗ стали многие бывшие власовцы, в связи с чем в ней и разрабатывался «власовский миф». Тем не менее говорить о безусловно провласовской позиции всех членов РПЦЗ нельзя.

В 1994 г. по решению Архиерейского собора Русской православной церкви Московского патриархата и по благословию приснопамятного Святейшего Патриарха Алексия II День Победы приобрёл подлинно церковное значение, став днём молитвы и памяти о воинах, на поле брани убиенных. Отношение Русской православной церкви Московского патриархата к Великой Отечественной войне и Дню Победы, казалось, всегда было однозначным, тем более что сотни священнослужителей, в том числе такие чтимые, как архимандрит Кирилл Павлов и другие, прошли через войну. Тем удивительнее, что в недрах Санкт-Петербургской духовной академии оказался «церковный власовец» (по его собственному выражению) — протоиерей, профессор Георгий Митрофанов. В своей книге «Трагедия России», равно как и в скандальных телевизионных выступлениях, он называет «государственным победобесием» святой для нас День Победы, ставший также церковным днём поминовения воинов, павших в Великой Отечественной войне. Предателей, сотрудничавших с фашистами, о. Георгий объявляет несостоявшимися героями России, а настоящих героев — в лучшем случае беспомощными жертвами, в худшем — «служителями зла».

Автор данной книги, по-видимому, не обладает серьёзной правовой культурой. Так, вызывает удивление, что казнь генерала А. А. Власова и его сподвижников он называет незаконной (см. с. 151), хотя во всех странах мира и во всех законодательствах добровольный переход офицера на сторону врага с оружием в руках до сих пор считается изменой и карается по всей строгости закона. Не только законодательство СССР, но и законы демократических европейских стран в 1946 г. предусматривали за подобное преступление смертную казнь. Позиция автора выглядит оправданной разве что с точки зрения юстиции Третьего рейха.

Несколько сложнее ситуация с казнью П. Н. Краснова, А. Г. Шкуро и других, которые не являлись советскими гражданами. Их казнь протоиерей Георгий Митрофанов также называет незаконной (с. 141). Однако следует напомнить, что в соответствии с заключениями Главной военной прокуратуры об отказе в их реабилитации определениями Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации от 25 декабря 1997 г. граждане Германии Краснов П. Н., Шкуро А. Г., Султан-Гирей Клыч, Краснов С. Н. и Доманов Т. И. признаны обоснованно осуждёнными и не подлежащими реабилитации. Нет особых оснований сомневаться в объективности этого вердикта, вынесенного в демократические времена, учитывая факт их сотрудничества с нацистами, принадлежности некоторых казачьих частей к СС (например, 15-го казачьего кавалерийского корпуса) и соучастия в карательных акциях против мирных жителей в Югославии и СССР.

Автор пишет об осознанном и покаянном выборе тех, кто пошёл воевать вместе с немцами против большевизма, правда, оговариваясь, что это делали не все (с. 147). Но рассмотрим, как «каялись» некоторые из тех, за кого генерал Власов взял на себя юридическую и моральную ответственность.

Одним из первых крупных формирований русских добровольцев была РОНА — Русская освободительная народная армия, созданная зимой 1941/1942 г., которой с 1942 г. командовал Б. Каминский. В июле 1944 г. бригада Каминского (10 тыс. человек) была официально включена в состав войск СС как «штурмовая бригада РОНА», а затем была переименована в 29-ю гренадерскую дивизию войск СС (1-ю русскую). В августе 1944 г. подразделения дивизии участвовали в подавлении Варшавского восстания. Известно, что творилось в то время: жителей выжигали огнёмётами прямо в их домах, раненых пристреливали, детей привязывали к танкам в качестве живых щитов... Но даже на этом фоне бригада Каминского отличалась особой жестокостью. После того как стало известно, что бойцы дивизии изнасиловали и убили двух немецких девушек, Каминский и его штаб были расстреляны немцами без суда и следствия. (Казнь состоялась 19 августа 1944 г., а позднее немцы объявили, что Каминский был убит польскими партизанами.) Оставшихся без командира каминцев включили в состав 1-й дивизии Русской освободительной армии (РОА).

Тот факт, что многие русские соединения действовали либо в составе СС, либо в составе особых разведывательно-диверсионных частей, чаще всего участвовавших в борьбе с партизанами, а точнее — в карательных акциях (среди них, например, дивизия «Р» под командованием Смысловского, бригада Боярского и др.), ставит крест на всякой попытке реабилитировать их членов и руководителей, в том числе и Власова, который, подчеркнём, взял на себя всю полноту юридической и моральной ответственности за их действия. Приведём лишь несколько

цитат из Пражского манифеста*: «Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших своё мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма... Офицеры и солдаты освободительных войск! *Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая Цель. Общими должны быть и наши усилия. Только единство всех вооружённых антибольшевистских сил народов России приведёт к победе*». Особенно интересен следующий пассаж Пражского манифеста: «Освободительное движение народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено наличием растущих и организуемых вооружённых сил — Русской освободительной армии, Украинского вызвольного вийска, Казачьих войск и национальных частей». Тем самым Власов взял на себя ответственность и за деятельность украинских националистов, и за их зверства как на Украине, так и в Белоруссии, в том числе и за сотни сожжённых вместе с жителями и церквями деревень.

Временами возникают законные сомнения в компетентности о. Георгия. Так, он категорично утверждает: «Мы пытаемся сделать нашу страну чуть-чуть напоминающей ту историческую Россию, которую в 1917 г. не решились защитить люди, подобные генералу Власову и его сподвижникам, и во имя которой они пошли на смерть в годы Второй мировой войны». Создается впечатление, что автор не знает, как на самом деле Власов и его сподвижники относились к той исторической России, которую, по мысли автора, мы потеряли. А ведь в Пражском манифесте чёрным по белому написано: «Они восстали *против отжившего царского строя*, который не хотел да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Народ стихийно пошёл за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги». И эта формулировка мало чем отличается от тех, которые записаны были в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

А вот, например, как Власов и его окружение относились к единству и неделимости России: «Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность» (п. 1 Пражского манифеста). Чем это отличается от ленинского «права наций на самоопределение вплоть до отделения»?

Отец Георгий пытается представить Власова и поборником православия (с. 153–154). Однако в Пражском манифесте о религии (не о правосла-

вии!) вообще сказано всего одно слово среди перечня других демократических свобод: «Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати». Как видим, о Православной церкви — ни слова. Вопрос о предательстве генерала Власова с исторической и нравственной точек зрения очевиден. Он действительно изменил воинской присяге и предал Россию, чем нанёс вред именно ей, а не коммунистическому режиму или его вождям. Никаким сторонником царской России он по своей идеологии не был. Идеология РОА и КОНР была разработана в недрах абвера и пропагандистской машины вермахта. В случае победы этой идеологии русский народ (как и другие народы мира) попал бы под двойное иго — нацистов и бывших, но не изменившихся по духу коммунистов. В тяжёлый час крестного страдания России Власов перешёл на сторону её злейшего врага и стал служить одному из самых страшных режимов в истории человечества — оккультному фашистскому режиму Гитлера, проводившему политику расчленения нашей Родины и тотального уничтожения русского народа.

Взгляды протоиерея Георгия Митрофанова расходятся с отношением к Великой Отечественной войне со стороны Русской православной церкви Московского патриархата, с высказываниями как почившего, так и ныне здравствующего патриархов.

С нравственной точки зрения реабилитация Власова означает оправдание иудина греха и героизацию предательства, а также массовых нацистских репрессий на территории России. С политической точки зрения она означает угрозу раскола для Церкви и общества, а также осложнение церковно-государственных отношений, особенно в связи с созданием при Президенте РФ Комиссии по борьбе с фальсификацией истории в ущерб России. Если можно реабилитировать Власова, то почему нельзя — Бандеру и бандеровцев, убийц многих православных священнослужителей? Соответственно, получают своё оправдание латышские, эстонские и литовские части СС, к единению с которыми призывал генерал Власов.

Антиисторичным, аморальным и в чём-то даже кощунственным является следующее утверждение о. Георгия: «И так уж ли отличается смерть многих миллионов советских солдат на поле брани от смерти на виселице в Бутырской тюрьме руководителей власовского движения? И всё-таки отличается. Потому что в отличие от многих миллионов советских солдат, погибавших в иллюзии того, что спасение России вот-вот грядёт, они уходили на смерть с пониманием того, о чём написали впоследствии Георгий Иванов и Виктор Астафьев: прокляты и убиты». Да, действительно, смерть солдата на поле боя отличается от конца власовцев. Советские солдаты в массе своей воевали не с мирными жителями, а с реальным, коварным и жестоким врагом. Их зачастую предавали их

* Манифест освобождения народов России (Прага, 1944 г.).

военачальники, но всё же огромное их большинство не предавало никого, и умирали они за свободу своего Отечества, и если не за веру (хотя многие из них — и за неё, но это — отдельная тема), то за верность присяге, которую преступили Власов и его последователи. И нельзя отрицать, что погибали советские солдаты не за иллюзию, а за реальную жизнь русского народа, как и иных народов исторической России, ведь Гитлер планировал оставить на европейской части России лишь тридцать миллионов человек, а остальных либо переселить за Урал, либо истребить.

В настоящее время протоиерей Г. Митрофанов занимает ответственный пост заведующего церковно-историческим отделением Санкт-Петербургской духовной академии. Следует отметить, что свои взгляды он в полной мере обнаружил именно после своего назначения, развернув беспрецедентную пропагандистскую кампанию, приуроченную к такой святой для русского человека дате, как 22 июня — Дню памяти и скорби. Она продолжается и в контексте подготовки страны к 65-летию Победы — возможно, последнего юбилея, в котором смогут принять участие ветераны войны, истинные участники тех событий. Приходится констатировать и то, что под влиянием протоиерея Г. Митрофанова в Академию приходят такие одиозные преподаватели, как историк Кирилл Александров — неприкрытый апологет гене-

рала Власова, который 14 октября в Санкт-Петербурге уже вызвал скандал во время презентации в Доме писателей своей новой провласовской книги. Всё это может тяжелейшим образом сказаться на воспитании будущих пастырей, которые рискуют стать жертвами интеллектуальной агрессии «церковных власовцев» и нести своей пастве взгляды, способствующие расколу. Собственно, это уже происходит. В прошлом году в День Победы ветераны войны и блокадники были оскорблены провласовскими выступлениями ученика протоиерея Г. Митрофанова в Свято-Духовском центре Александро-Невской лавры.

Протоиерей Георгий Митрофанов является также настоятелем храма Петра и Павла при Университете педагогического мастерства, часть прихожан которого два года назад восстали против провласовских проповедей пастыря и потребовали его отставки. Наконец, стоит упомянуть скандал на ТВ 100 с участием эксперта Госдумы Б. А. Подоприторы, оскорблённого высказываниями о. Георгия.

Цепь этих скандалов вряд ли случайна, поскольку на поверхности находится связь о. Георгия Митрофанова и его сторонников с Народно-трудовым союзом (НТС) и «Посевом», жаждущими социальных потрясений. В случае если эта разрушительная деятельность не будет ограничена, последствия могут стать непредсказуемыми.

Лавров Владимир Михайлович, доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН

Попытка оправдать генерала Власова как общественное явление

В 2001 г. в Главную военную прокуратуру обратился представитель общественного движения «За веру и Отечество» с ходатайством о пересмотре приговора генералу А. А. Власову и его сподвижникам. Опубликована серия работ, в которых предпринимаются попытки оправдать его действия. Назову лишь наиболее известные: это книги К. М. Александрова «Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А. А. Власова», «Армия генерала Власова, 1944–1945» и «Создание русской армии на стороне Гитлера...»; Г. Х. Попова «Вызываю дух генерала Власова»; протоиерея Г. Митрофанова «Трагедия России: „запретные“ темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике» и многие другие.

В сентябре 2009 г. Архиерейский синод Русской православной церкви за рубежом высказался в поддержку деятельности генерала Власова и книги о. Георгия Митрофанова. И сделано это было спустя несколько дней после того, как Патриарх Кирилл тактично отмежевался от попыток оправдать власовцев.

Судя по всему, мы имеем дело не только с мнением отдельных лиц, но и с апологией власовцев и Власова как общественно-идеологического явления в современной России и современном русском

православном мире. Поэтому представляется своевременным отреагировать на происходящее в рамках историко-теоретического анализа.

Главное видится в следующем: во время Великой Отечественной войны соотношение сил было таково, что победить могли только сталинистский Советский Союз или гитлеровская Германия. Было два гиганта: коммунистический СССР и нацистская Германия, а все остальные — вроде власовской армии или бандеровцев — располагали силёнками, только чтобы «укусить» СССР, но не одолеть ни его, ни Германию. И из этого следует исходить.

В Гражданскую войну адмирал А. В. Колчак и генерал А. И. Деникин имели шанс победить, пусть небольшой, но имели. И им стоило побороться за Россию. Причём победа Белого движения означала сохранение частной собственности, многопартийности и демократии без экстремистской РКП(б). Безусловно, не было бы ГУЛАГа, насильственной коллективизации и раскулачивания, раскрестьянивания и расказачивания, выселения целых народов и тому подобных преступлений против человечности.

Возможно, самой Второй мировой войны не было бы, поскольку могло сохраниться военное со-

трудничество с Францией, Великобританией и США как инструмент сдерживания Германии (т. е. то трудничество, которого так хотел Сталин, но в полной мере смог добиться только в 1944 г., когда был открыт второй фронт). Не разорвавшую союзнические договоры и не большевистскую Россию после Первой мировой войны не смогли бы отстранить от участия в мирных переговорах, и Великобритании, Франции и США было бы труднее навязать Германии те тяжёлые и унижительные условия мира, которые оказались позднее питательной почвой для восхождения к власти национал-социалистов во главе с Гитлером. Некоммунистическое руководство России не стало бы зачислять немецких социал-демократов в фашисты, как это сделал Сталин, чем сорвал их объединение немецкими коммунистами в народный фронт, который мог не допустить прихода фашистов к власти в результате выборов 1932 года. Некоммунистическому руководству России и в голову бы не пришло репрессировать командный состав собственной армии, и т. д., и т. п.

После Гражданской войны у антибольшевизма, сторонников великой исторической России, частной собственности и демократии появился подобный шанс лишь в 1991–1993 гг. К этому времени Россия переболела большевизмом, даже коммунисты перестали верить в коммунизм, и в ней победила Демократическая русская революция, а Октябрьская социалистическая потерпела историческое поражение.

Однако у Власова — каким бы он ни был — в 1942–1945 гг. не было никакого шанса. Не для того Гитлер напал на СССР, чтобы возродить историческую великую Россию. Да и кто из когда-либо нападавших на Россию делал это для её возрождения и процветания? Может быть, Батый, Наполеон или Вильгельм II? Не было, не могло быть и не будет такого — ни одного.

Даже союзники по Антанте (Великобритания, Франция и США) во время Гражданской войны вводили войска на нашу территорию не столько для того, чтобы помочь белым, сколько для того, чтобы расчленив Россию и захватить её природные богатства. А что касается Гитлера, то тот и не скрывал своих захватнических и расистских целей уже в «Майн кампф». Он открыто объявил славян низшей расой и решительно действовал в соответствии с этим.

Причём немцы разрешили создать «Русскую освободительную армию» генерала Власова лишь осенью 1944 г., а сформирована она была (две дивизии) в начале 1945 г. На что перед поражением Германии мог надеяться Власов? Лишь на антиисторическое развитие событий: Гитлер прозреет и обратит должное внимание на него, Власова, или будет убит в результате внутреннего заговора, после чего постгитлеровская Германия вместе с США и Великобританией выступит против коммунистического СССР. Однако Гитлер не мог перестать быть «гитлеровцем». Его Германия с каждым месяцем слабела и значительной

поддержки оказать власовцам не могла. А на пути объединения Запада и Германии против СССР стояли прежде всего колоссальная военно-экономическая мощь нашей страны и воля народа к полной и безоговорочной Победе, а также общественное мнение самого демократического Запада.

Что касается идеологии генерала Власова, то она изложена в его программных документах: в «Обращении Русского комитета к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам» (27 декабря 1942 г.), в открытом письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом» (3 марта 1943 г.) и в «Манифесте Комитета освобождения народов России» (14 ноября 1944 г.). В этих документах говорится, что во власовской России будет ликвидирован сталинский репрессивный режим, освобождены политические заключённые, восстановлены религиозные свободы, свобода слова, собраний и печати, распущены колхозы. Иными словами, Власов обещает провести демократические преобразования. Вот на эту удочку и попались его современные апологеты.

Только неадекватные политики, публицисты и историки способны поверить, что гитлеровская армия несла народам мира свободу и демократию. Власовцы воевали в её составе до 1945 г., т. е. до того момента, когда с согласия гитлеровцев провозгласили себя союзной Германии армией. Но на деле (а не для агитации и пропаганды) они и тогда продолжали оставаться под контролем Гитлера. Власовцы принесли присягу на верность Гитлеру до последней капли крови, на верность союзной гитлеровской Германии.

Хочет упомянуть ещё об одном важном идеологическом моменте. Во власовских документах говорится о передаче земли в частную собственность крестьянам, содержатся расплывчатые положения о предоставлении населению возможностей для частной экономической инициативы, о неприкосновенности частной трудовой собственности. Одновременно в тех же документах указывается, что во власовской России не будет капиталистов и эксплуататоров, ведь генерал Власов называл себя социалистом.

Общественный строй без капиталистов-эксплуататоров, но с крестьянской частной собственностью на землю — эта разновидность социализма вызывает ассоциацию с Польской Народной Республикой. Подобный социализм существовал в Польше лишь потому, что советским и польским ленинцам не удалось полностью подавить польский народ, особенно крестьянство.

Словом, Власов предлагал нечто искусственное и противоречивое, малоэффективное и временное. Но кто эту власовскую социалистическую модель должен был реализовывать? «Демократ и социалист» Гитлер, который даже сохранил колхозы на оккупированных немцами территориях: таким образом гитлеровцам, как и сталинистам, было удобнее править крестьянами и обдирать их. Наконец, намечавшееся

Власовым общество без капиталистов (с доминированием государственной собственности) обязательно стало бы недемократическим и репрессивным.

Полагаю, генерал не очень-то задумывался над теоретическими проблемами. Он был готов провозгласить что угодно в пропагандистских целях и ради своего успеха. При этом его пассажи часто раздражали немецких хозяев. Например, однажды на обеде он заявил, что будет так же принимать присутствующих в Ленинграде. Фашистам взять город на Неве не удавалось, а Власову без единой дивизии было море по колено. В конце концов немцы посадили разболтавшегося перебежчика под комфортный домашний арест, но затем освободили и даже закрывали глаза на его амурные подвиги с арийкой.

В плену Власов познакомился с высокопоставленными немецкими офицерами, которые были критически настроены по отношению к Гитлеру и вынашивали планы покушения на него. Возможно, именно таким немцам было легче склонить Власова на сторону Германии. Можно вспомнить и то, что при сталинском режиме тоже имела место отчаянная борьба за выживание, в частности в командном составе Красной армии. Ведь Сталин репрессировал 95% военачальников, от командиров полков и выше. И во всём этом соучаствовал сам Власов, являясь членом Ленинградского и Киевского военных трибуналов и командиром дивизии. Вот и довели его отчаянная борьба за выживание и обыкновенная гордыня до потери чувства реальности.

Сам Власов в 1946 г. на закрытом суде объяснил свой переход на сторону агрессора не какими-то высокими материями, а банальным малодушием. Решился ли он накануне казни сказать правду или боялся пыток? Или опять на что-то надеялся?

По правде говоря, был он незаурядным человеком. Начал с духовного образования (как и Сталин), командовал одной из самых боеспособных дивизий Красной армии, раненым вышел из окружения под Киевом, был принят Сталиным и направлен защищать столицу. Войска под его командованием освободили Волоколамск и Солнечногорск. Власов был награждён орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени, его фотографию напечатала «Правда». (А между делом стройный и высокий генерал настаивал рога самому Чан Кайши...)

Можно ли назвать судьбу генерала Власова трагедией, вызывает ли он сочувствие и, соответственно, допустимо ли хоть какое-то оправдание его действий? Одно можно утверждать: трагедия была, но это была *русская трагедия!* Вызывает сочувствие судьба народов великой Российской империи и СССР! А генерал... что ж, кому много дано, с того много и спросится.

Мы не знаем, каков был приговор Суда Божьего. Но государственная измена, измена Родине — налицо. Причём в военное время, в самую страшную войну в истории России, когда поражение было смерти по-

добно. Станем оправдывать такую измену — рискуем остаться без государства как такового. И придут немцы, американцы или китайцы и будут нами владеть.

Одновременно нельзя не сказать о простом красноармейце, вчерашнем крестьянине, семью которого, родственников или друзей раскулачили всего несколько лет назад, в период коллективизации, а самого насильно загнали в бедный колхоз работать «на дядю». Его детей, родителей или друзей оставили умирать в голодные 1932–1933 гг. В 1939 г. этот колхозник узнал из коммунистической «Правды», что Вторую мировую войну начали Великобритания и Франция, а Германия — жертва их агрессии. Наконец, той же осенью из уст главы советского правительства он услышал, что бороться с нацизмом не надо! Однако этот человек всё-таки пошёл добровольцем в Красную армию, попал в окружение, погибал с голоду или был ранен — и оказался в плену. Оказался военнопленным низшей расы — для немцев, предателем и дезертиром — для Сталина и его подручных, которые «коллективизировали», раскулачивали, морили голодом и нагло обманывали. Как не запутаться простому крестьянину в солдатской шинели? Как не запутаться и не совсем простому красноармейцу?

Однако подавляющее большинство не запуталось, особенно после того, как стало известно о зверствах фашистов на оккупированных территориях. Ведь до этого помнили немцев по Первой мировой: они и тогда зверствовали, но не столь повсеместно и ужасающе. И когда народ почувствовал, с кем и за что воюет, началась Великая Отечественная война. И Сталин это понял. Не случайно он сказал американскому послу в Москве: «Вы думаете, они за меня воюют? Они воюют за Россию!»

В такой войне наша армия и народ стали непобедимы. И для власовцев или бандеровцев не осталось ни одного шанса захватить власть. В такой войне порядочные и неглупые антисталинисты и антикоммунисты воевали в Красной армии не потому, что она «красная», а потому, что она — за Россию!

Русским людям свойственны эмоциональность и максимализм, в нас обязательно в той или иной форме присутствуют всё те же «западничество» и «славянофильство». наших демократов заносит в такое западничество, которое равносильно отказу от суверенитета и независимости России. Говорю в первую очередь о статье Г. Х. Попова «Кризис и глобальные проблемы», опубликованной в «Московском комсомольце» 25 марта 2009 года. Здесь уже не оправдание давно казнённого генерала, а призыв передать под международный контроль наше ядерное оружие, наши нефть и газ, подчинить нашу страну мировому правительству... С другой стороны, домогренные патриоты и государственники зачастую доходят до оправдания сталинских репрессий, поскольку цель якобы оправдывает средства (говорю прежде всего об авторах школьных учебников по

истории А. В. Филиппове и А. А. Данилове). К этому же относятся и недавнее возведение памятников Сталину, открытие его музея, показ просталинского телесериала и сохранение коммунистической символики над Кремлём, на Красной площади, в названиях городов и улиц. Так, руководство Москвы стоит насмерть, отстаивая имя детоубийцы-большевика Войкова в названиях улиц и станции метро. В результате одна крайность усиливает другую, и от их взаимного стимулирования происходит «круговорот крайностей в России».

Хотелось бы сказать ещё об одном моменте, не принципиальном, но имеющем место быть.

Не так давно мне довелось беседовать с известным, интеллигентнейшим и прекрасно говорящим по-русски священником РПЦЗ. Был приятный разговор, наши взгляды совпадали и совпадали. .. пока не дошли до Власова. И вот тут этот милый священник вдруг заявляет: «А может, и неплохо было бы, если б немцы победили?» Этот образованный человек не мог не знать о планах нацистов, о соответствующих опубликованных документах. Значит, заявление его содержит внутренний грех лжесвидетельства. И многое становится ясно, если вспомнить, что отец этого священника был одним из власовских идеологов, а в РПЦЗ немало тех, кто сотрудничал с власовцами. Сотрудничала с власовцами и маленькая политическая

группа Народно-трудовой союз (НТС), лидером которого является доктор исторических наук А. Б. Зубов, а активным членом — упоминавшийся выше кандидат исторических наук К. М. Александров.

В своём докладе я упомянул действительно незаурядных людей: от одного из умнейших аналитиков страны на рубеже 80–90-х гг. прошлого века Г. Х. Попова до молодого К. М. Александрова. Да, на мой взгляд, они искажают историческую правду о Власове. Однако когда в мае этого года мне предложили составить список историков-фальсификаторов, я делать этого не стал, потому что такие игры с огнём в такой стране, как Россия, стоит только начать...

Но вернёмся в 2001 год. Тогда Военная коллегия Верховного суда РФ отказалась реабилитировать Власова и его сподвижников. При этом был отменён приговор 1946 г. в части осуждения по ст. 58 УК РСФСР за антисоветскую агитацию и пропаганду. В остальном судебный вердикт был оставлен без изменения. И решение Верховного суда представляется разумным не только с государственнической и юридической, но и с исторической точки зрения.

Наконец, о нравственном выборе. Вспомним пушкинскую «Капитанскую дочку»: можно не переходить на сторону разбойников, как капитан Миронов, а можно перейти, как Швабрин (и Власов). Каждому — своё.

Шишкин Игорь Сергеевич, кандидат педагогических наук, заместитель директора Института стран СНГ

Власов — «третья сила»?

Информационно-пропагандистская кампания по пересмотру истории Второй мировой войны, в основу которой положен тезис о равной ответственности СССР и Германии за развязывание мировой войны, не снижает оборотов. Одним из её элементов является очередная попытка оправдать изменников Родины, с оружием в руках сражавшихся против Советской армии (власовцы, бандеровцы, прибалтийские эсэсовцы и т. п.). Хорошо спланированные *пиар-акции* вокруг книг Гавриила Попова и Георгия Митрофанова внедряют в общественное сознание мысль о том, что эти люди были вовсе не предателями, а некоей «третьей силой» в войне. Более того, их уже преподносят как истинных героев, которые сначала «боролись с нацизмом, а потом сражались против коммунистов» (Подрабинек).

В связи с этим возникает вопрос: почему с такой маниакальной настойчивостью вновь и вновь крутят эту заезженную пластинку? Как относиться к новому витку кампании по реабилитации Власова и других изменников? Как к недостойным внимания выходкам маргиналов и отставных политиков, мечтающих через скандал привлечь к себе внимание? Но нельзя же закрывать глаза на то, что оправдание

и возвеличивание пособников Третьего рейха началось не сегодня, идёт не первый год и тесно связано с аналогичными процессами на всём постсоветском пространстве. К каким, отнюдь не безобидным, последствиям приводят эти «исторические изыскания», мы можем видеть на примере Украины и Прибалтики.

Необходимо учитывать и то, что героизация коллаборационизма происходит при молчаливой, но и нескрываемой поддержке стран Запада, а ведь во многих из них, кстати сказать, попытки ревизии истории Второй мировой войны (в их версии) уголовно наказуемы. Показательна история с принятием в 2008 г. на Генеральной Ассамблее ООН резолюции с весьма длинным и обтекаемым названием — «Недопустимость определённых видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», которая была предложена Россией и принята подавляющим большинством голосов. В этом документе, хотя и без упоминания Украины и прибалтийских республик, особо подчёркивалось, что возведение монументов, проведение шествий и других мероприятий в честь эсэсовцев оскверняют память жертв фашизма и являются абсолютно

несовместимыми с обязательствами государств — членов ООН. Примечательно, что США — наш союзник по Антигитлеровской коалиции — проголосовали против этой резолюции, а все члены ЕС, в том числе представители стран, сражавшихся с фашизмом, и государств, в которых малейший намек на симпатию к национал-социализму и Третьему рейху карается тюремными сроками, — воздержались.

Однако не связь пропаганды предательства с геополитическими интересами наших партнёров на Западе представляет для нас главную опасность. Архимандриту Тихону (Шевкунову) принадлежат очень точные слова: «Пока дети в России, угадывая имя героя войны, будут называть генерала Карбышева, а не генерала Власова, у нашей страны есть будущее». Следовательно, в противном случае — будущего нет.

Апология коллаборационизма — это не история, а «историческая политика», и никакого отношения к поискам исторической правды она не имеет. Идёт большая политическая игра, ставка в которой — именно будущее России и её народа, а не та или иная трактовка событий 70-летней давности. Меняя отношение к прошлому, мы меняем будущее. Причём это не теория, а хорошо известная нам практика. Историческое оружие уже доказало свою разрушительную силу в период развала СССР, и не стоит дважды наступать на одни и те же грабли.

Сколько существуют войны — столько существует проблема предательства и измены. Причины разнообразны: месть, жажда власти, деньги, страсть, трусость — всего не перечислишь. Причём изменники всегда находят оправдания и объяснения своему поступку (от душераздирающих до самых возвышенных), так уж устроена человеческая психика. Порой появляются и «доброхоты», призывающие понять предателей, войти в их положение. Но это — призывы понять и даже простить *преступление*, факт совершения которого не отрицается.

Попытки же оправдать Власова — совершенно особое дело. Г. Попов, Г. Митрофанов и иже с ними призывают нас не «понять и простить», а «понять и *признать*». Разница здесь принципиальная: отрицается сам факт преступления, изменник объявляется героем, его действия — подвигом, поступком истинного патриота, который принял трудное решение совместно с внешним врагом сражаться за свободу и счастье своего народа. То есть он знал, на что шёл, и готов был оказаться не понятым современниками, но интересы народа и государства поставил выше. При таком подходе не войны, стоявшие насмерть под Москвой, Сталинградом и Курском, бравшие Будапешт и Берлин, а власовцы, бандеровцы и прибалтийские эсэсовцы были подлинными героями войны, на подвигах которых должно воспитывать молодое поколение.

Обосновывается столь противоестественное превращение предателя в героя с помощью чрезвычайно эффективного психологического приёма,

достаточно по примеру Остапа Бендера спросить: «Был ли покойный нравственным человеком?» Этот вопрос Великого комбинатора можно сделать эпиграфом ко всем работам апологетов коллаборационизма, а по большому счёту и ко всей информационно-пропагандистской кампании по переписыванию истории Второй мировой войны. Относится вопрос, конечно же, к Сталину, и ответ, естественно, даётся отрицательный, причём с самых разных позиций в зависимости от целевой аудитории: у Г. Митрофанова — с позиции национально-православной (а у некоторых его сторонников — даже с открыто черносотенской); у Г. Попова — с либеральной. Результат, правда, один: оправданием предательства в обоих случаях служит жестокость сталинского режима.

Именно сталинские репрессии, «сталинизм» и «тоталитаризм» положены в фундамент пересмотра истории войны в целом и героизации пособников оккупантов в частности. Схема на удивление проста: Сталин — тиран, СССР — тоталитарная диктатура («сталинизм», коммунизм), а значит:

— война на Восточном фронте — это схватка двух тиранов, двух тоталитарных империй (тиран боролся с тираном, зло сражалось со злом);

— все поработанные народы, включая русский, оказались перед трудным выбором «меньшего зла», и никто сегодня не вправе осуждать тех, кто предпочёл Гитлера Сталину;

— нашлись и истинные герои, которые, не имея иллюзий о природе обоих режимов, предприняли отчаянную попытку стать «третьей силой» в войне, превратить их столкновение на территории России в гражданскую войну против «сталинизма» (Власов), а на окраинах — в войну национально-освободительную против «красной» империи (Бандера и ему подобные);

— память о патриотах, боровшихся за свободу, надо очистить от лжи советского агитпропа, чтобы благодарные потомки узнали подлинных героев той войны, которым они во многом обязаны своим демократическим настоящим.

Утрирую? Ничуть. В строгом соответствии с этой схемой Г. Митрофанов пишет о Гитлере и Сталине как о братьях-близнецах, о том, что победа любого из них означала «очередное поражение русского народа». В полном соответствии с этой схемой на *независимой* Украине и в Прибалтике ставят памятники Бандере, латышским и эстонским эсэсовцам, а президент-демократ Ющенко присваивает звание Героя Украины гауптштурмфюреру СС Шухевичу. В рамках этой же схемы Г. Попов объявляет генерала Власова предтечей новой демократической России и предлагает поставить ему и академику Сахарову памятник.

Схема оправдания коллаборационизма при всей её примитивности служит великолепным инструментом пропагандистского воздействия. Она позволяет поймать человека в ловушку силлогизма. То есть если

вы признаете сталинские репрессии единственным и главным «достижением» всего советского периода российской истории, то должны принять трактовку войны на Востоке как схватку тиранов, признать оправданным сопротивление «сталинизму» и «тоталитаризму». А если вы такую трактовку не принимаете, значит, оправдываете раскулачивание, расказачивание, репрессии 1937 г. и... далее по списку. В самом крайнем случае вас вынуждают согласиться с тем, что то время нельзя воспринимать исключительно в «чёрно-белых» тонах. Но расплывчатость в понимании подвига и предательства, добра и зла и есть первый шаг к признанию изменников героями. «Коготок увяз — всей птичке пропасть».

В рамках «бендеровского» подхода («Был ли покойный нравственным человеком?») эта схема безотказна — ей нечего противопоставить. Положение усугубляется ещё и тем, что она ложится на хорошо подготовленную почву. Кампания по разоблачению Сталина ведётся не первый год, в том числе на материале войны, и вольно или невольно даёт дополнительные козыри апологетам «власовщины». В результате, часть российского общества уже готова согласиться с изложенной выше схемой оправдания коллаборационизма, поскольку не воспринимает СССР с его ГУЛАГами и колхозами как самодостаточную ценность, защита которой — не подлежащий обсуждению священный долг гражданина. Но вместе с тем для многих из этих людей Великая Отечественная война и Победа — величайшие события в истории народа, предмет национальной гордости. Стремление примирить здоровые, естественные чувства с навязанной схемой и являются причиной столь характерных для последнего времени попыток найти объяснение и оправдание «нелогичной» гордости за войну и столь же «нелогичного» презрения к предателям вне собственной страны.

Характерный пример — события, связанные с «Бронзовым солдатом». На волне героизации коллаборационистов как борцов с советской «империей зла» по инициативе президента Эстонии, открыто горящегося папой-эсэсовцем, в 2006 г. из центра Таллина был убран памятник воинам-освободителям. По России тогда прокатилась волна протестов. При этом основной упор в официальных документах, выступлениях политиков и общественных деятелей делался на то, что посягнули на память солдат, сражавшихся на стороне Антигитлеровской коалиции. В заявлении российского министерства иностранных дел так и говорилось: «Какой извращённой логикой надо обладать, чтобы считать вопиющий факт пренебрежения памятью воинов Антигитлеровской коалиции, погибших на фронтах Второй мировой войны, критерием авторитета страны?» На первый взгляд — блестящий ход, на который фальсификаторам истории нечего ответить. Однако на деле подобная логика ведёт в пропасть. Оказывается, память советских солдат можно и нужно защищать только

потому, что они были союзниками лидеров свободного мира. Соответственно, и воикам из РОА, «Галичины», прибалтийских дивизий СС нет оправдания потому, что они вместе с Гитлером сражались против союзника США и Великобритании.

Сразу возникает вопрос, а если бы не было Антигитлеровской коалиции? Если бы Гитлер, как его подталкивали в Мюнхене, сразу пошёл на СССР? Если бы Рузвельт, Сталин и Черчилль не смогли подняться выше личных антипатий, «измов» и совершить почти невозможное — создать и сохранить коалицию столь разных стран во имя общей Победы? Выходит, в этом случае переход на сторону Третьего рейха был бы оправдан?

Другим примером является реакция на резолюцию Парламентской ассамблеи ОБСЕ, приравнявшую сталинизм к нацизму. Она вызвала бурное возмущение, причём не только среди коммунистов, но и среди российских официальных лиц, которые прекрасно поняли, что, говоря о сталинизме, метят в Россию. Главный довод, который проходил красной нитью через все гневные заявления, заключался в том, что нацизм — это абсолютное зло, что решения Нюрнбергского трибунала никто не отменял, поэтому нельзя ставить на одну доску нацизмом и сталинизм и тем самым оправдывать фашистских пособников. Всё, вроде бы, логично, и фальсификаторы вновь должны быть повержены, поскольку не важно, какими были Сталин и СССР, важно какими были Гитлер и нацистская Германия. Однако за внешней убедительностью опять скрывается ловушка. Получается, что, если бы нацизм не был абсолютным злом, измена была бы оправдана. Напомню, в годы «холодной войны» СССР не раз находился на грани столкновения с блоком НАТО, объединяющим демократические государства и не считающимся «абсолютным злом». Значит ли это, что Пеньковского и прочих предателей периода «холодной войны» пора реабилитировать?

Более того, доводы об «абсолютном зле» ничего и не опровергают. Апологеты коллаборационизма в большинстве своём не отрицают преступлений нацизма, как и решений международного трибунала. Напротив, они предлагают провести «второй Нюрнберг» уже над коммунизмом. В результате мы опять попадаем в заколдованный круг дискуссий о «меньшем зле» и неизбежно признаем возможность ошибки при выборе между двумя тиранами. Как видим, цепляясь за внешние «подпорки», как за соломинку, пропаганду «власовщины» не остановишь. Скорее это помогает её распространению и облегчает её восприятие, т.е. делает нас невольными соучастниками этой кампании.

Не спасает ситуацию и апелляция к воинской присяге. Да, для подавляющего большинства наших граждан нарушение присяги до сих пор является тяжким преступлением, заслуживающим самой суровой кары. Однако как быть с гражданскими

изменниками? Ведь большинство солдат и офицеров дивизии «Галичина», прибалтийских дивизий СС, полицаев и осведомителей никогда не присягали на верность СССР, но при этом они были и есть предатели и изменники.

Казалось бы, «куда ни кинь — всюду клин». Человеку, не желающему признавать правоту Г. Митрофанова и Г. Попова, но попавшему в логический капкан Остапа Бендера, остаётся только одно — доказывать, что никаких репрессий и преступлений никогда не было и быть не могло. И уже появились призывы закрыть глаза на реальную историю, объявить, что всё происходившее было прекрасно и разумно, а кто с этим не согласится — тот скрытый или явный фальсификатор. Звучит «патриотично», но ничего, кроме внутреннего признания правоты поборников власовщины и неспособности им что-либо противопоставить, за этим нет. Кроме того, нельзя забывать, что ложь — это прекрасное оружие разрушения, но построить с её помощью ничего нельзя.

Получается, что любая попытка противодействия апологетам предательства не только бьёт мимо цели, но даже на руку фальсификаторам. Где же выход? Он есть, и он прост и сложен одновременно.

В первую очередь необходимо прекратить играть по чужим правилам. Логика адвокатов коллаборационизма неопровержима только до тех пор, пока мы соглашаемся вести дискуссию в рамках их абсолютно убогой, антинаучной, но эффективной в пропагандистском плане системы координат, сводящей глобальную проблематику мировой войны к борьбе личностей и политических систем.

Однако это только первый шаг, означающий лишь отказ от фактического соучастия и игры в поддавки. Схемам фальсификаторов должно противостоять принципиально иное видение истории, то видение, при котором все их «логичные» построения разбиваются как горох об стену и вызывают в обществе брезгливое отторжение. Обязательным условием обретения такого видения истории является нравственное, духовное оздоровление общества. Давайте не забывать, что «историческая политика» во всех её проявлениях у нас, на постсоветском пространстве и на Западе стала неизбежным результатом внутреннего, духовного кризиса России. Только общество, утратившее нравственные ориентиры, может вникать в доводы пропагандистов измены. Само согласие дискутировать на эту тему — уже диагноз.

На духовные корни попыток оправдать и героизировать предателей особо указал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, общаясь с жителями Архангельска. «Время от времени у нас вспыхивают общественные дебаты по поводу значения Великой Отечественной войны, — сказал он, — и некоторые утверждают, что выбор тех людей, которые стали сотрудничать с немцами, которые пошли во власовскую армию, вполне правомерен, поскольку „это был их выбор, они сво-

бодны. Человек свободен определять, с кем он. Вот и выбрали эти люди не защиту Родины, а борьбу со своей Родиной вместе с оккупантами“. Наивные люди, воспитанные в традиции, говорят: „Да как же так можно! Да постыдитесь вы греха, да ведь они же предатели!“ А им отвечают: „А что такое предатели? Это свободный выбор человека. Сегодня у нас разные точки зрения, сегодня у нас плюрализм мнений, и свободный, самодостаточный человек и определяет, что такое добро, а что такое зло“. Так постепенно размываются границы между добром и злом». Далее Патриарх подчеркнул: «Главная духовная трагедия переживаемого нами с вами исторического момента — утрачивается понятие нормы, нравственной нормы человеческого бытия, утрачивается понятие греха».

Третье, не по важности, а по порядку, условие состоит в том, что исторической лжи должна открыто и последовательно противопоставляться правда о войне. Нам, в отличие от апологетов измены, не нужно переписывать историю, фальсифицировать её смысл. Для нас Вторая мировая война — это Великая Отечественная. Война за существование (в прямом, физическом смысле слова) нашей страны и всех её народов без исключения. Противостоял же СССР не «изм» (нацизм, тоталитаризм), а управляемый нацистской партией Третий рейх, объединивший практически всю Европу во имя построения нового мирового порядка с безраздельным господством западной цивилизации во главе с Германией. Победа в той войне означала жизнь для народов нашей страны, возможность свободного и независимого развития всех народов мира.

При таком единственном возможном и соответствующем исторической правде подходе в контексте войны оказываются бессмысленными все рассуждения о достоинствах и недостатках политических систем или политических лидеров, о «третьей силе» и т.п. Подобно тому, как бессмысленно в рамках истории Отечественной войны 1812 г. рассуждать о превосходстве капитализма над феодализмом или о том, сколько крепостных было у Раевского и Дохтурова. «В огороде — бузина, а в Киеве — дядька».

При взгляде с этой точки зрения все логически неувязимые построения поповых и Митрофановых рассыпаются как карточный домик. Герои вновь становятся героями, а предатели — предателями. Показательно, что поборники переписывания истории войны, как чёрт от ладана, шарахаются от понятия «Великая Отечественная война», всюду исподволь стараясь подменить его на «Вторая мировая война». Зачем это нужно им — ясно, но нам-то это зачем?

Отказ от игры по чужим правилам, от игры в поддавки, нравственное оздоровление общества, восстановление моральных норм, понятия греха, возвращение к пониманию войны как Великой Отечественной — таковы обязательные условия противодействия попыткам использовать историю

самой великой войны и самой великой Победы для разрушения и разложения нравственного духа народа-победителя. Давайте не забывать, что в несоизмеримо более трудных условиях наши отцы и деды

отстояли страну и народ, водрузили Знамя Победы над Рейхстагом. И негоже их потомкам проигрывать войну информационную эсэсовским и власовским последышам.

**Вассоевич Андрей Леонидович, доктор философских наук,
кандидат исторических наук, руководитель Санкт-Петербургского центра РИСИ**

Социально-психологические последствия культа предательства на постсоветском пространстве

Со времён глубокой древности человеческое общество выработало два диаметрально противоположных отношения к родной стране. Одно, восходящее через Пакувия к Аристофану, пародировавшему известный стих Софокла, обрело всемирную известность в ироническом пересказе Марка Тулия Цицерона. Ведь именно у Цицерона в его «Тускуланских беседах» (V, 37, 108) было чётко сформулировано: *Patria est ubicumque est bene* — «Отечество везде, где нам хорошо». Эти-то слова и легли в основу известного латинского афоризма *Ubi bene, ibi patria* — «Где хорошо, там и отечество».

Вместе с тем древний мир знал и свершено иное отношение к Родине*, лучше всего выраженное Горацием: «Сладостно и почётно за родину умереть» (Оды, III, 2, 3).

Вся последующая история человечества, включая обстоятельства образования и распада СССР, даёт нам бесчисленное множество свидетельств, когда реализовывалось либо первое, либо второе отношение к Родине. В нашей стране после 1917 г. становление массового патриотического сознания происходило в мучительном противоборстве двух названных тенденций. Ведь ещё в позапрошлом веке тяжелейшие условия жизни рабочего класса в подавляющем большинстве европейских стран позволили авторам «Манифеста коммунистической партии» бесстрашно провозгласить: «Рабочие не имеют отечества». Логическим следствием такого радикального антипатриотического вывода, несомненно, стал итоговый призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В начале XX в. базовая идеологическая установка марксизма в сфере политической практики трансформировалась в известное ленинское высказывание: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это аксиома. И оспаривают её только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социалшовинистов». Позитивный социальный идеал молодого советского общества, родившегося в муках двух перетекавших друг в друга революций и в кровавой Гражданской войне, сводился к коммуноглобализму.

И идеал этот лучше всего был выражен В. В. Маяковским:

Мы живём.
зажатые
железной клятвой.
За неё —
на крест.
И пулю чешите:
Это —
чтобы в мире
без России,
без Латвии
Жить единым
человечьим
общезитьем.

Неудивительно, что даже в канун победы «сталинского термидора» «Большая советская энциклопедия» в статье «Космополитизм» провозглашала: «Для рабочего класса всех стран родиной является та страна, в которой установлена диктатура пролетариата. Рабочий класс, являясь патриотом своей социалистической родины, вместе с тем стремится превратить в свою родину весь мир».

Стоит ли удивляться тому, что вплоть до самых последних лет существования СССР подавляющее большинство отечественных газет продолжало выходить под уже потерявшим реальный смысл лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». И в то же время лишь очень немногие современные издания, преимущественно военного характера («Красная звезда», «Советский патриот» и др.), использовали патриотический девиз «За нашу Советскую Родину!»

Типичная для марксистского мироощущения увязка чувства «любви к Родине» с характером «социально-экономических условий в стране проживания» неизбежно предопределяла тотальное крушение идеалов советского патриотизма. Если условия жизни в странах Западной Европы и США превосходили среднестатистический советский стандарт, то привязанность к СССР в рамках постепенно набирающего силу либерально-материалистического мышления становилась бессмысленной.

* Даже понимание того, что *et fumus patriae est dulcis* («И дым отечества сладок») в конечном счёте восходит к античности, к «Письмам Понта» Овидия (I, 3, 33).

Сегодня это мироощущение можно было бы выразить в виде краткой латинской формулы «Где плохо, там и чужбина».

Примечательно, что сходную мысль, хотя и куда более многословно, высказали в предпоследний год Второй мировой войны составители «Пражского манифеста»: «Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы [имелись в виду республики и народы СССР. — *Прим. авт.*], которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создавать на ней своё счастье». Далее в «Пражском манифесте» задавалось два риторических вопроса: «За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?» Ответ, как это ни парадоксально, был выдержан в традиционном марксистском духе: «В революции 1917 г. народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатков крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 г., своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошёл за теми, кто пообещал ему немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги».

Коль скоро великий прагматический принцип «Где хорошо, там и отечество» не смог реализоваться ни в России царской, ни в России советской, то, с точки зрения создателей «Пражского манифеста», нужно было, естественно, переходить на сторону Германии.

Впрочем, в самом Третьем рейхе для внутреннего употребления национал-социалистами культивировалась идеология прямо противоположная власовской: «Deutschland, du wirst leuchtend stehen, mogen wir auch untergehen» (Baldur von Schirach, 1933 г.). Или возьмем слова другой популярной песни:

So will ich wacker streiten
Bis an das blut'ge End.
Dap einst in femen Zeiten
Mein Deutschland Frieden fand.

Хочу сражаться храбро я
До страшного конца.
Чтоб мир Германия моя
Когда-нибудь нашла.

Здесь уместно напомнить, что у каждого офицера СС был кинжал с надписью «*Meine Ehre heißt Treue*» («Моя честь — верность») и в верности до гроба лично Адольфу Гитлеру клялся каждый член охранных отрядов Национал-социалистической германской рабочей партии. Как мы видим, национал-социалистическая идеология одной из высших арийских добродетелей считала верность.

Широкомасштабное оправдание всевозможного предательства начинается в нашей стране на исходе 80-х гг. прошлого века и связано оно с горбачёвской «перестройкой». Естественное желание неполных собственников (т. е. тех представителей партийно-хозяйственного актива, которые уже связали себя с «теневой» экономикой) стать собственниками полными требовало отречения от прежних идеалов социальной справедливости. Однако битва за овладение собственностью величайшей в мире страны предполагала не только разрушение всей административно-командной системы с последующим переходом к приватизации казённого имущества, но прежде всего уничтожения советской системы ценностей, которая тогда ещё имела значение для широких народных масс.

Политическая психология учит, что для вхождения общества в состояние идеологического кризиса необходимо равенство сил между противоборствующими идеалами и антиидеалами.

В результате все мероприятия взаимно блокируются, ничего не может быть реализовано, и общество оказывается в состоянии паралича. Именно такое положение наиболее благоприятно для последующего разрушения социальной системы.

Неудивительно, что к исходу XX в. в нашей стране ключевыми идеологическими фигурами становятся те, кто смог противопоставить прежним идеалам новые антиидеалы. В этом отношении весьма символично, что на всём постсоветском пространстве исключительную известность приобретает советский разведчик-перебежчик Резун (Суворов). Его «ледокольная» библиотека выходила в свет огромными тиражами, деморализуя обывателя, который терялся от таких оценок самого героического события отечественной истории и постепенно начинал путать агрессора с защищающейся стороной. Тем самым устанавливалось блокирующее равенство между «суворовским» антиидеалом и идеалами поколения победителей, объединившими все народы бывшего СССР.

Сегодня лишь знатокам нацистской истории очевидно, что важнейшие идеи Резуна (Суворова) заимствованы из речи Гитлера от 22 июля 1941 г. Обычный постсоветский обыватель, никогда не слушавший и не читавший нацистских речей, уже готов в равной мере

* Влияние марксистских идеологов при составлении «Пражского манифеста» отмечал ещё В. Штрик-Штрикфельд, который, в частности, писал: «Для бывших советских специалистов народного хозяйства такой подход к этому вопросу был естествен. Они считали, что только государственная монополия на внешнюю торговлю может охранить слаборазвитое русское народное хозяйство от эксплуатации иностранными капиталистами» (см.: *Штрик-Штрикфельд В. К.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение / авт. пер. И. Баха и М. Рубцовой. 3-е изд. М.: Посев, 1993. 440 с).

возлагать ответственность за Вторую мировую войну и на сталинский СССР, и на гитлеровскую Германию. Ярким примером ретрансляции гитлеровских идей в современных российских условиях может служить и последняя книжка Г. Попова «Вызываю дух генерала Власова», где от имени давно повешенного говорится: «...Нам внизу было ясно — это подготовка удара по Румынии с целью захвата нефтяных месторождений. Это поставило бы Гитлера в самую жёсткую зависимость от Сталина и повлияло бы на делёж мира между этими двумя социалистами».

Сравним это утверждение с тем, что говорил вождь Третьего рейха в день нападения на нашу Родину: «Угрожающее нападение Советского Союза на Румынию имело также главной задачей захватить в свои руки главную базу не только германской, но и европейской хозяйственной жизни».

На протяжении нескольких лет после публикации первых книг Резуна (Суворова) общество, по сути, погрузилось в безмолвные раздумья. Запоздалые книги-опровержения не принесли должного психологического эффекта. Между тем для эмоционального сокрушения «ледокольной» теории «вынужденной агрессии» достаточно было бы обратиться к сборнику песен гитлерюгенда «Uns geht die Sonne nicht unter», изданному ещё в 1936 г., или ввести в массовое сознание хотя бы одну из популярных немецких песен 1930-х гг.:

Du, kleiner Tambur, schlage ein!
Nach Moskau wollen wir marschieren!
Nach Moskau wollen wir hinnein!
Der Bolschewik soil unsre Krafte sptiren!
Am Wege wilde Rossen bltihn, ja bltihn
Wenn Hitlerleut' nach Rußland ziehn.

Ты, юный барабанщик, бей!
Мы на Москву идти желаем,
Войти в Москву хотим скорей —
Пусть силу нашу большевик узнает.
Попутно розы расцветут, да, расцветут,
Коль люди Гитлера на Русь пойдут.

Ещё раз подчеркнём, что эта песня стала широко использоваться для воспитания гитлеровской молодёжи за 5 лет до нападения Германии на нашу страну.

Публикации в 2007 и 2008 гг. коллективных монографий «Правда Виктора Суворова» и «Правда Виктора Суворова-2» свидетельствуют о том, что заинтересованность в поддержании «суворовского» антиидеала на постсоветском пространстве сохраняется до сих пор. При этом сама фигура перебежчика и сегодня недостаточно масштабна для его превращения в подлинного антигероя. Здесь препятствием является и достаточно скромное воинское звание бывшего ГРУшника, и неприязнительность его устной речи по сравнению с публикуемыми за его подписью письменными текстами. Естественно, что в услови-

ях не прекращающейся на всём постсоветском пространстве информационно-психологической войны встал вопрос и об историческом персонаже, который мог бы противостоять маршалу Победы Г. К. Жукову в качестве блокирующего антиидеала.

И таковым в год 65-летия разгрома гитлеровской Германии был избран перешедший на сторону нацистов генерал-лейтенант Андрей Андреевич Власов (1901–1946). И как тут сразу же не вспомнить антижуковские строки из нашумевшей книги священника Георгия Митрофанова «Трагедия России. „Запретные темы“ истории XX века»: «...Не изменивший своей присяге унтер Г. К. Жуков и не недоучившийся семинарист И. В. Сталин, а другой недоучившийся семинарист — А. А. Власов в годы войны, по существу, предпринял реальные и достаточно быстрые шаги, направленные на то, чтобы вернуть русскому воину память о Христе». (С этими словами можно было бы и согласиться, если трактовать их в том смысле, что всякое воспоминание о христопродавце Иуде возвращает нас к памяти о самом Иисусе Христе.)

Для людей иудина склада предпочтительность измены по сравнению с верностью лишь косвенно связана с психическими ориентациями на самосохранение и приобретение («И он, бросив серебряники в храм, удалился; и ушёл и повесился». От Матфея, 27, 3). Многочисленные факты бескорыстного предательства собственной Родины известны контрразведчикам всех стран мира.

В этой связи особо зловещее значение приобретает проповедь власовщины с церковного амвона, ибо она есть проповедь иудина греха.

Склонность к предательству в большинстве случаев относится к иррациональным человеческим влечениям, которые осмысливаются обычно уже задним числом. «Предал ли Хрущёв Сталина? — «мудро» вопрошает в своей книге «Вызываю дух генерала Власова» Г. Х. Попов. — Предательством или патриотизмом была расправа Хрущёва над Будапештом? Предательством или патриотизмом была передача Хрущёвым Мао Цзедуну списков всех наших агентов в Китае? А война Брежнева в Афганистане? А подавление им же Праги? А брошенные Горбачёвым постсоветские лидеры и десятки тысяч функционеров в странах Восточной Европы без малейших попыток защитить их — хотя бы предоставлением советского гражданства? Предали или нет Ельцин и все мы свою партию, войдя в Межрегиональную депутатскую группу?» Все эти не лишённые глубины риторические вопросы задаются Г. Х. Поповым лишь с одной целью — чтобы под конец своей книги по отношению к изменнику Власову торжественно провозгласить: «И Вы — настоящий патриот. Вы боролись за выход из социализма».

Ну как тут не увидеть в писаниях бывшего коммуниста из Межрегиональной депутатской группы лишь вывернутые наизнанку заветные ленинские мысли о поражении своего правительства

в империалистической войне: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству».

Вот тут-то мы и подходим к самой серьёзной проблеме, связанной с современной апологетикой коллаборационизма. Это проблема экспорта «цветных» революций на постсоветском пространстве. Подобно тому как в XX в. для организации социалистических революций жизненно необходимы были профессиональные революционеры, так и для удачного экспорта «померанцевых», «бархатных» и прочих революций необходимы коллаборационисты, способные к «конструктивному сотрудничеству» с зарубежными посольствами и спецслужбами.

Мировой финансово-экономический кризис, если он будет вызван к жизни вторично, может больно ударить по всему постсоветскому пространству. И его естественным спутником станет «обострение выше обычного нужды и бедствий угнетённых классов» — вожденная примета приближающейся революционной ситуации. Вот тут-то и потребуются новые лидеры масс, воспитанные на примере генерал-лейтенанта А. А. Власова в духе «конструктивного коллаборационизма» с зарубежными партнёрами.

¹ Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1998.

² Гитлер А. Речь 22 июня 1941 года / Волшебная гора. Т. П. М. : Пилигрим, 1994.

³ Ленин В. И. О поражении своего правительства в империалистической войне. П.с.с. Т. 25. М., 1973.

⁴ Митрофанов Г. Трагедия России. «Запретные темы» истории XX века в церковной проповеди и публицистике. СПб.: Моби Дик, 2009.

⁵ Попов Г. Х. Вызываю дух генерала Власова. М. : Международн. ун-т в Москве, 2008.

⁶ Ciceronis M. Tullii. Opera quae supersunt omnia. Vol. 17. Mannhemii. Cura et Sumptibus Societatis litteratae. 1787. p. 288.